
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 11 МАРТ 1985
«ПЯТЬ ЛЕТ ИЗ ЖИЗНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО». ОЧЕРК ИРИНЫ СТРЕЛКОВОЙ.
ЗУЛЬФИЯ. НОВЫЕ СТИХИ.
«ИГРА». ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА ЮРИЯ БОНДАРЕВА.

Во время вручения.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 11 (3008)

9—16 МАРТА

25 февраля из Москвы в Рим по приглашению итальянского правительства с официальным визитом отбыл член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

26 февраля состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с председателем совета министров Италии Б. Кракси.

При обмене мнениями по международным вопросам А. А. Громыко изложил принципиальный подход Советского Союза к необходимости обуздания гонки вооружений на Земле и недопущения ее в космосе, укрепления мира и безопасности в Европе и во всем мире.

Состоялись переговоры между А. А. Громыко и министром иностранных дел Итальянской Республики Дж. Андреотти.

В деловой обстановке был проведен полезный обмен мнениями по ряду актуальных международных проблем, а также по вопросам дальнейшего развития советско-итальянских отношений.

27 февраля член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко встретился с Президентом Итальянской Республики А. Пертини.

В ходе дружественной беседы А. А. Громыко передал главе итальянского государства приветствия и добрые пожелания от Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко. А. Пертини выразил искреннюю благодарность и со своей стороны передал К. У. Черненко приветствия и наилучшие пожелания.

С обеих сторон была выражена готовность к дальнейшему развитию всесторонних связей между СССР и Италией, советским и итальянским народами.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ВРУЧЕНИЕ К. У. ЧЕРНЕНКО УДОСТОВЕРЕНИЯ ОБ ИЗБРАНИИ ДЕПУТАТОМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик и местные Советы продемонстрировали высокую политическую активность советских людей, нерушимое единство партии и народа. Они стали новым убедительным свидетельством полной поддержки внутренней и внешней политики КПСС и Советского государства, направленной на совершенствование развитого социализма в стране, во имя созидания и мира.

Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко 28 февраля вручено удостоверение об избрании депутатом Верховного Совета РСФСР одиннадцатого созыва.

Удостоверение вручил председатель окружной избирательной комиссии Куйбышевского избирательного округа г. Москвы Ю. И. Калинин.

Принимая удостоверение об избрании депутатом Верховного Совета РСФСР, товарищ К. У. Черненко выразил сердечную благодарность избирателям Куйбышевского района столицы за большое доверие. Он сказал, что быть их депутатом — высокая честь, которую постарается оправдать.

Товарищ К. У. Черненко отметил, что эти выборы, вся предвыборная кампания отличались возросшей деловитостью, повышением требовательности со стороны трудящихся к своим депутатам. Эта очень здоровая, правильная тенденция свидетельствует о том, что меры, которые были приняты на апрельском (1984 г.) Пленуме ЦК по улучшению работы Советов, дают свои плоды.

Хорошо, что наши Советы стали шире использовать свои права для увеличения выпуска и улучшения качества товаров народного потребления, подчеркнул Константин Устинович Черненко. Все более активную роль играют они в осуществлении школьной реформы, в контроле за деятельностью наших законодательных органов, в укреплении дисциплины и порядка, в решении многих других вопросов, касающихся условий труда и жизни людей. Эту линию надо закреплять и развивать.

Больше инициативы, больше настойчивости в повседневной организаторской работе — вот над чем всем нам надо потрудиться. Это особенно важно сейчас, когда партия идет навстречу своему XXVII съезду.

При вручении удостоверения присутствовали член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС В. В. Прибытков, первый секретарь Куйбышевского райкома партии Ю. А. Прокофьев.

ВИЗИТОМ

А. А. Громыко имел беседу с Генеральным секретарем Итальянской коммунистической партии А. Наттой и членами Руководства ИКП.

В ходе беседы, прошедшей в товарищеской обстановке, состоялся обмен мнениями по вопросам, представляющим интерес для обеих партий. Были обсуждены проблемы борьбы за мир, обуздания гонки вооружений, прежде всего космических и ядерных, упрочения безопасности народов, умножения усилий для восстановления в международной жизни процесса разрядки.

В этот же день А. А. Громыко посетил Ватикан и имел беседу с Иоанном Павлом II.

В ходе беседы обсуждались вопросы, связанные с необходимостью усилий по упрочению мира, предотвращению гонки вооружений в космосе и ее прекращению на Земле.

На снимке: перед началом переговоров А. А. Громыко с Дж. Андреотти.

Телефото Г. Надеждина (ТАСС)

ВИЗИТ А. А. ГРОМЫКО В ИСПАНИЮ

28 февраля член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко прибыл в Мадрид с официальным визитом по приглашению испанского правительства.

В аэропорту его встречали министр иностранных дел Испании Ф. Моран, другие официальные лица, а также посол СССР в Испании Ю. В. Дубинин.

Состоялась беседа А. А. Громыко с председателем правительства Испании Ф. Гонсалесом. В ходе беседы, носившей дружественный характер, были рассмотрены состояние и перспективы развития советско-испанских отношений, а также некоторые узловые проблемы современной международной обстановки.

С обеих сторон было выражено удовлетворение расширением советско-испанского сотрудничества в экономической, научно-технической и культурной областях. Было выделено значение развивающихся политических контактов между обеими странами.

В этот же день начались переговоры с министром иностранных дел Испании Ф. Мораном.

В конструктивной обстановке состоялся обмен мнениями по наиболее актуальным международным проблемам, было обстоятельно рассмотрено состояние советско-испанских отношений.

1 марта член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко нанес визит королю Испании Хуану Карлосу I.

В состоявшейся беседе были затронуты вопросы советско-испанских отношений, а также некоторые актуальные международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

Беседа прошла в дружественной атмосфере.

2 марта А. А. Громыко возвратился на родину.

На снимке: А. А. Громыко и Ф. Моран после подписания программы научного и культурного сотрудничества между СССР и Испанией на 1986—87 годы.

Фото Г. Надеждина (ТАСС)

«ЗВЕЗДНАЯ БОЛЕЗНЬ» БЕЛОГО ДОМА

Сергей ЛОСЕВ

Приступ «звездной болезни», поразивший американскую администрацию, осложнился, судя по всему, рецидивом мании «отбрасывания коммунизма», которой страдали американские политики 50-х годов. Если у кого-нибудь еще есть иллюзии насчет характера нынешней эпидемии в Вашингтоне, то для того, чтобы развеять сомнения, достаточно ознакомиться с оголтело враждебной речью государственного секретаря Дж. Шульца, произнесенной 22 февраля в сан-францисском «Клубе Содружества наций».

За разглагольствованиями руководителя внешнеполитического ведомства США о том, что обстановка в мире, дескать, «созрела» для того, чтобы «силы демократии» — так он возвеличивает силы империализма и реакции — перешли под руководством США в глобальное контрнаступление, скрываются стратегические планы американского империализма на достижение мировой гегемонии. Мутный поток подобных выступлений руководителей администрации США, проповедующих экспорт контрреволюции, невольно наводит на размышления: если уж сейчас, в год сорокалетия разгрома фашистской Германии, ставленники и прислужники американского военно-промышленного комплекса открыто и навязчиво предъявляют претензии на мировое господство, то что же можно от них ожидать в случае претворения в жизнь так называемой «стратегической инициативы» Р. Рейгана?

В программе «звездных войн», как бы ее ни сервировали вашингтонские мастера психологической обработки общественного мнения, нет ни грана оборонительного. Создание широкомасштабной системы противоракетной обороны с элементами космического базирования мыслится Пентагоном как органическая часть плана создания потенциала для нанесения первого удара в расчете на его безнаказанность.

План создания «противоракетного щита», агрессивный по самой своей сущности, представляет собой в действительности попытку достижения решающего военного превосходства.

В версию официального Вашингтона относительно «оборонительного характера» программы «звездных войн» не верят даже сами американцы. Бюро технологических оценок американского конгресса подготовило аналитический доклад, из которого следует, что широкомасштабная система ПРО с элементами космического базирования направлена на подготовку ядерной войны Соединенных Штатов против Советского Союза. Доклад подготовлен отнюдь не дилетантами, в его составлении приняли участие бывший министр обороны Р. Макнамара и бывший руководитель американской делегации на переговорах о соглашении ОСВ-1 Дж. Смит. Доклад дает ясно понять, резюмирует «Вашингтон пост», что «цель Рейгана состоит в обеспечении без лишнего риска первого удара по Советскому Союзу». Иными словами, отмечает газета, доклад бюро технологических оценок предполагает, что «Рейган хочет усовершенствовать ядерную оборону, а затем использовать ее для шантажа русских, чтобы заставить их плясать под свою дудку либо примириться с возможностью американского ядерного удара, который Москва не могла бы отразить».

Само собой разумеется, что Советский Союз не может оставаться безучастным перед лицом этих опасных планов. В своей речи в Мадриде 1 марта товарищ А. А. Громыко со всей серьезностью предупредил: «Если же хотят превратить космос в боевую площадку, надеясь продиктовать с нее волю другим государствам, то ответ Советского Союза таков: планы достижения военного превосходства не удастся осуществить ни на Земле, ни в космосе. Расчет укрыться за противоракетным щитом от возмездия за агрессию — иллюзорен. Так не лучше ли искать честные и взаимоприемлемые договоренности с тем, чтобы поставить гонку вооружений по всем направлениям на прочные тормоза? На предстоящих советско-американских переговорах в Женеве Советский Союз будет действовать именно так».

Многие видные американские специалисты разделяют наши оценки опасных для дела мира последствий «проекта звездных войн». Выступая на днях в подкомиссии палаты представителей по делам вооруженных сил, бывший помощник президента по национальной безопасности П. Скаукрофт, бывшие министры обороны Г. Браун и Дж. Шлесинджер настоятельно призывали администрацию отказаться от программы милитаризации космоса. Все трое высказали глубокие сомнения в том, что когда-нибудь удастся создать действительно эффективную систему ПРО с элементами космического базирования, и предостерегли, что в лю-

ДНИ КУЛЬТУРЫ ЧССР В СССР

ПРАЖСКАЯ СИРЕНЬ

В майские дни 1945 года благодарные пражане встречали советских воинов-освободителей букетами сирени. Без малого сорок лет спустя огромный букет благоухающих весенних цветов привезли с собой в Москву чехословацкие артисты, писатели, деятели культуры как символ нерушимой дружбы народов двух стран. Нынешние Дни чехословацкой культуры проходят в СССР уже в третий раз. Слово — гостям из Праги.

Йозеф ШВАГЕРА, заместитель министра культуры Чешской Социалистической Республики:

— Мы приехали на праздник, который стал и своеобразным экзаменом для более чем тысячи мастеров искусств Чехии и Словакии. С советскими коллегами нас связывают тесные узы интернационализма, мы едины в деле борьбы за мир, против ядерной угрозы. Всегда стремимся показать друзьям новое, интересное и радуемся, когда наши достижения вызывают отклик в их сердцах.

Перед деятелями культуры Чехословакии партией поставлена четкая задача: обогатить культурный уровень жизни, особое внимание обратить на ее эстетическую сторону. Ведь богатство человека социализма не в количестве вещей, а в духовном развитии. Человек будущего рождается на наших глазах.

Все, что достойно этого человека, мы привезли в Советский Союз. Тысячи и тысячи любителей музыки, театра, кино, изобразительного искусства смогут еще раз убедиться, как бережно в условиях социализма не только сохраняются шедевры национального искусства и культуры, но и создаются новые замечательные творения.

Иржи ПАУЕР, народный артист ЧССР, профессор, лауреат Государственной премии ЧССР имени К. Готвальда, директор пражского Национального театра:

— Наш театр не только замечательный архитектурный памятник Праги, он еще и символ подъема и кульминации национально-освободительного движения народа в XIX веке, именуемого чешским национальным возрождением. Два года назад театр вновь открылся после капитальной реконструкции. На празднике, посвященном этому событию, поэт Ярослав Врхлицки говорил: «Пусть народ победоносный идет сюда!» А лаконичная надпись в просцениуме —«Народ для себя», ставшая нашим девизом,— во многом определяет выбор произведений оперного, драматического, балетного репертуара.

Впервые на сцене Большого театра Союза ССР шла в нашей постановке жемчужина чешской классики «Далибор»— опера Бедржиха Сметаны о восставшем народе, о его стремлении к свободе, о Праге, нашей прекрасной столице. Драматическая труппа театра показывала классическую драму «Мать» Карела Чапека — откровенный разговор со зрителем об одной из важнейших проблем человечества — войне и мире, готовности защитить родину.

Ян КОЗАК, член ЦК КПЧ, председатель Союза чехословацких писателей, народный деятель искусств:

— Когда в 1924 году профессор Зденек Неедлы выступил инициатором организации Общества за экономическое и культурное сближение с новой Россией, его поддержали поэты и писатели Йозеф Гора, Иван Ольбрахт, Франя Шрамек, Мария Майерова, Ярослав Сейферт и многие другие прогрессивные деятели культуры. В послевоенные годы тысячи книг русских и советских авторов переведены на чешский и словацкий языки. Наши читатели познакомились с вершинами классики и современной литературы, тем самым они стали владельцами огромного духовного богатства! Для нас очень важно и то, что с книгами чехословацких писателей знакомы во всех без исключения советских республиках.

Живое слово писателя наполнено особым смыслом в нынешнее сложное, насыщенное событиями время. Как никогда актуальны сейчас слова Юлиуса Фучика: «Люди, я любил вас. Будьте бдительны!» Бесценный опыт нашего поколения, прошедшего суровую закалку в горниле классовых битв и на фронтах войны, мы передаем молодым.

Владимир КОВАЛЕВ

Сцена из спектакля «Мать» по пьесе Карела Чапека в постановке драматической труппы пражского Национального театра.

Фото Олдржиха Перницы

бом случае Советский Союз примет надлежащие ответные меры и, в частности, будет вынужден увеличить свой арсенал наступательных ядерных вооружений, если США попытаются создать мощную противоракетную космическую оборону.

Бывший помощник президента по национальной безопасности М. Банди, в свою очередь, заявил, что планы милитаризации космоса, объявленные американской администрацией, ведут к подрыву договоров по контролю над вооружениями и являются серьезным препятствием на пути достижения договоренности в ходе предстоящих 12 марта в Женеве советско-американских переговоров по всему комплексу вопросов демилитаризации космоса, ограничения стратегических вооружений и ядерных вооружений средней дальности, которые стороны договорились рассматривать и решать во взаимосвязи.

СССР направляется в Женеву с готовностью добиваться конкретных результатов на основе принципа равенства и одинаковой безопасности, честно и строго соблюдая положения январского совместного советско-американского заявления о том, что целью переговоров будет выработка эффективных договоренностей, направленных на предотвращение гонки вооружений в космосе и ее прекращение на Земле, на ограничение и сокращение ядерных вооружений, на укрепление стратегической стабильности. На этом фоне попытки американской администрации заранее вывести за рамки переговоров краеугольную проблему предотвращения милитаризации космоса нельзя воспринимать иначе, как шаги, препятствующие конструктивным результатам.

Как отметил МИД СССР, не может не вызывать настороженности и то, что в канун женевских переговоров американская сторона прибегает к нечистоплотным приемам с явным расчетом с самого начала отравить вокруг них атмосферу, затруднить деловое рассмотрение проблем, подлежащих решению. Видимо, как раз с этой целью опубликован доклад Белого дома, в котором выдвинуты бездоказательные и беспочвенные обвинения о якобы допускаемых Советским Союзом «нарушениях» своих международных обязательств.

Ради обмана общественности официальный Вашингтон стремится закамуфлировать программу «звездных войн» разного рода «высокоморальными соображениями». На самом деле нынешняя администрация обещала военно-промышленному комплексу новую золотую жилу — гонку космических вооружений, которая обойдется Соединенным Штатам, по самым скромным подсчетам, в один триллион долларов и сулит гигантские барыши военным концернам. Характерно, что подавляющее большинство контрактов, связанных с милитаризацией космоса, уже сейчас достается в руки аэрокосмических корпораций, штаб-квартиры которых находятся в Калифорнии. Ради обеспечения благоденствия этих корпораций, утвердивших у власти нынешнюю администрацию, Белый дом предлагает в будущем 1986 финансовом году сократить почти на 50 миллиардов долларов ассигнования на социально-экономические нужды и насущные внутренние программы Соединенных Штатов. У страны, заявляет Р. Рейган, есть «более важные интересы». Какие же? Разумеется, гонка вооружений, на которую в проекте федерального бюджета на 1986 финансовый год выделяется беспрецедентная сумма в 322 миллиарда долларов.

Все это нужно не для защиты национальной безопасности США, которой никто не угрожает, а для проведения политики государственного терроризма и международного разбоя, подавления национально-освободительных движений, для грубого империалистического вмешательства во внутренние дела суверенных государств, для навязывания угодных Вашингтону порядков.

Наглядным примером этой политики силовой дипломатии США является необъявленная война против Никарагуа. Парализовав контадорский процесс и отвергнув последние мирные предложения никарагуанского президента Д. Ортеги, американская администрация теперь открыто заявила, что ее целью является свержение сандинистского правительства. Поскольку вторжение банд сомосовских недобитков на никарагуанскую территорию не дало желаемых результатов, ЦРУ и Пентагон ведут сейчас дело к прямой вооруженной интервенции США против революционной Никарагуа. Для прикрытия подготавливаемого вторжения вновь пущена в ход фальшивка о том, будто Никарагуа превращается в «советскую базу». На самом деле в Центральной Америке, как и в других регионах, имеются только американские базы. Не СССР, а США наводнили мир полутора тысячами своих военных баз.

СССР уважает право народов на независимое существование и развитие. Но если следовать имперской разбойничьей логике вашингтонского руководства, то спрашивается, как же Советский Союз должен был бы вести дела с теми странами, где действительно расположены американские военные базы? Этот вопрос тем более закономерен, что речь идет об американских базах, созданных в непосредственной близости от границ СССР и других социалистических стран для подготовки и ведения войны против них.

Рассматривая иностранные военные базы как серьезную угрозу миру и безопасности во всем мире, СССР будет и впредь ставить перед США вопрос о многочисленных американских военных базах в различных районах мира. Рано или поздно широко разветвленная сеть американских военных баз за рубежом должна быть ликвидирована.

Интересы международной безопасности требуют не создания новых очагов конфронтации, а ликвидации существующих, и поиска путей к оздоровлению обстановки в мире. Безрассудной политике империалистического разбоя должен быть положен конец.

ФАЛЬСИФИКАТОРЫ

Развернувшаяся в боннских правительственных кругах дискуссия о том, как отмечать приближающуюся 40-ю годовщину капитуляции гитлеровского рейха, на первый взгляд напоминает диспут средневековых схоластов. Те спорили, как известно, о том, сколько ангелов можно разместить на острие булавки, а эти затеяли спор: что же произошло в мае 1945 года — поражение гитлеровской Германии или освобождение немецкого народа от нацизма? Казалось бы, из-за чего тут копья ломать? Поражение гитлеровской Германии и было освобождением немецкого народа от нацизма. Это как две стороны медали, которые невозможно разделить и тем более противопоставить одну другой.

Но при более внимательном рассмотрении оказывается, что словесные баталии имеют весьма серьезную подоплеку. И речь тут идет не только о прошлом, но и о настоящем и будущем.

Это отчетливо видно из интервью, которое дал одной из западногерманских газет Альфред Дреггер, возглавляющий парламентскую фракцию консервативных буржуазных партий ХДС и ХСС. Он категорически заявил, что наступивший год есть год сорокалетия поражения Германии (прилагательное «нацистской» он предпочел опустить). А что из этого, если верить Дреггеру, следует? Прежде всего, что радоваться в день сорокалетия нечему, а надо горевать. Горевать о том, что гитлеровская Германия проиграла вторую мировую войну. То-то для Дреггера, наверно, была бы радость, если бы финал агрессивной войны оказался иным...

История рассудила иначе, нацистский агрессор был разбит наголову. Игнорировать это невозможно. И все же Дреггер предпринимает нелепую попытку предъявить своего рода счет тем, кто выбросил третий рейх на свалку истории. И счет немалый. С этой целью Дреггер и его единомышленники вытащили на свет тему переселения немцев с бывших восточных территорий рейха, в свое время захваченных Германией у соседей, а после второй мировой войны возвращенных по решению антигитлеровской коалиции законным владельцам. Проливая слезы над судьбой переселенцев, дреггеры намекают на то, что польский, чехословацкий и советский народы якобы в долгу у Германии, то есть у ФРГ. И этим господам словно бы невдомек, что речь идет о народах, которым гитлеровская агрессия принесла огромные потери.

Дреггер и иже с ним обвиняют победителей в еще одной «несправедливости» — в так называемом «разделе Германии». Хорошо известно, что в действительности раскол Германии после войны отнюдь не входил в планы Советского Союза, заявлявшего даже в самую тяжелую для советского народа военную пору, что гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ и германское государство остаются. Что же касается образования двух государств на немецкой земле, то это был неизбежный результат политики западных держав, направленной на раскол Германии и превращение оккупированной ими части в форпост милитаризма в Европе.

Нет нужды перечислять все инсинуации, распространяемые западногерманскими деятелями этого толка в связи с приближающимся 40-летием Победы. Им всем свойственна безответственность. Безответственность по отношению к прошлому, выражающаяся в том, что начисто отвергается закономерная связь между нацистской агрессией и последствиями поражения, безответственность по отношению к настоящему и будущему Европы, ибо дреггеры пытаются поставить под сомнение право европейских народов на прочные гарантии от повторения агрессии с немецкой земли. Пытаются опорочить соответствующие решения антигитлеровской коалиции, подтвержденные впоследствии в договорах ФРГ с ее соседями на Востоке и в Заключительном акте общеевропейского совещания.

Владимир ОСТРОГОРСКИЙ

«КРАСНЫЕ ПЕСНИ» ЗОВУТ К БОРЬБЕ

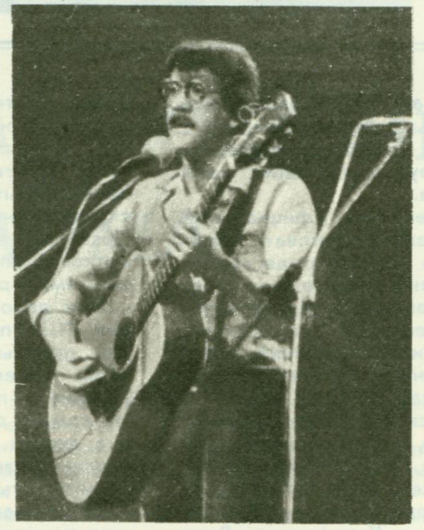
XV МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЕСНИ В БЕРЛИНЕ

Ежегодно в феврале этот город становится столицей политической песни. Не только со всех уголков страны, гости из многих государств мира собираются в Берлине на смотр песен, зовущих к борьбе за светлые идеалы. Пятнадцать лет назад впервые во весь голос прозвучали в Берлине «красные песни», как называют их в ГДР. С тех пор фестиваль завоевал авторитет крупнейшего форума прогрессивной музыки планеты.

...Билеты разошлись задолго до дня официального открытия. Ведь не только посмотреть представления, послушать песни приезжали десятки тысяч в основном молодых людей. Фестиваль в Берлине — это и встреча добрых друзей, которые всегда найдут тему разговора. Одно из традиционных мест таких встреч — «певческий погребок» нашей главной фестивальной сцены, Дома молодых талантов в центре столицы. Там я беседовала с автором и исполнителем шотландских баллад Диком Гохеном. Он вспоминал свою поездку в СССР, выступления в составе британской театральной труппы, теплые приемы на сольных концертах.

— До сих пор я получаю письма от советских людей,— говорил Дик.— Меня снова приглашают в гости, а значит, приглашают и мои песни! Тогда в Москве, Тбилиси, Ленинграде я впервые исполнял песню на русском языке «Хотят ли русские войны?» на стихи Евгения Евтушенко. Буду петь ее и здесь, в Берлине, для меня это первая остановка на пути в фестивальную Москву.

Большинство моих соотечественников,— продолжал Дик,— не задумываются над тем, что стоит за словами «советская угроза», которыми наводнены у нас газеты, передачи радио и телевидения. Погруженный в свои заботы, «средний британец» словно забывает о жертвах второй мировой войны. Моя задача — в песнях не дать угаснуть памяти человеческой...

Выступает Дик Гохен (Великобритания).

Фото «Вохенпост» (ГДР)

Посланцы пяти континентов побывали в Берлине, свыше пятидесяти ансамблей и солистов приняли участие в тематических программах смотра, проходившего под знаком подготовки к празднованию 40-й годовщины Победы над гитлеровским фашизмом, к XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве. Отличительная черта фестиваля в столице ГДР — разнообразие жанров: в лучших дворцах и концертных залах Берлина можно было услышать театральные, хоровые коллективы, фольклорные группы. Среди них — советское трио «Меридиан», кубинский певец Сильвио Родригес, известнейшая африканская певица Мириам Макеба, театральный коллектив из США «Сан-Франциско майм трупп», исполнитель политических песен из ФРГ Дитер Зюверкрюп, чилийский ансамбль «Килапаюн», аргентинский «Атауальпа» и, конечно же, любимый многими берлинский «Октоберклуб». Каждый год в феврале старейший ансамбль политической песни ГДР отмечает «красными песнями» день своего рождения. Нынешний стал для его участников девятнадцатым. С хорошо известными, а также с новыми песнями летом этого года «Октоберклуб» собирается в советскую столицу на фестиваль.

Констанца ТРОЙБЕР,
корреспондент журнала
«Фрайе Вельт»

Специально для «Огонька»

Берлин (по телефону).

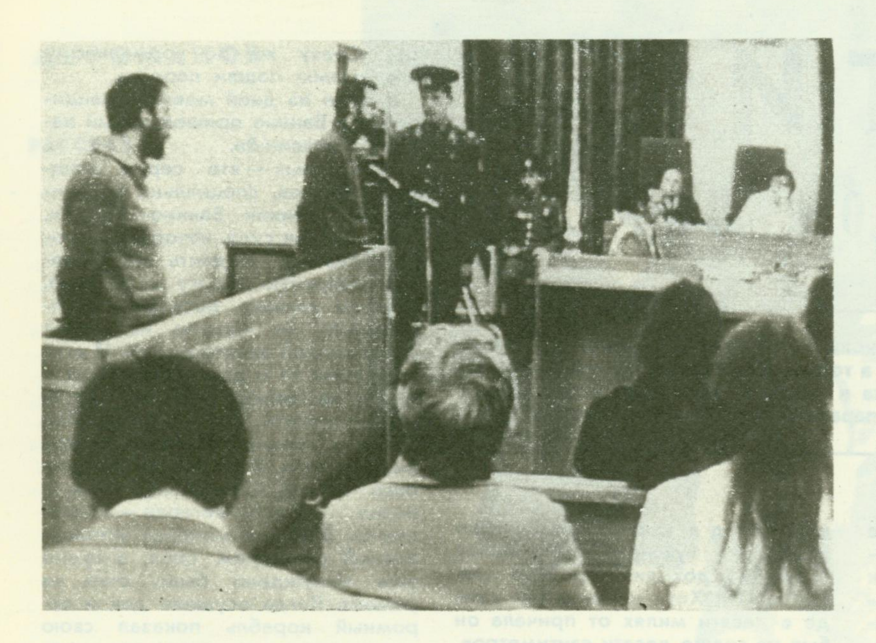
ЦРУ ПРОТИВ МИРА

Новелла ИВАНОВА

Люди выходили из кинотеатра взволнованные, громко обсуждая увиденное на экране. Рядом со мной оказались двое парней, одетых в джинсы и спортивные куртки, и я услышала, как один сказал другому: «Таких фильмов надо делать больше, их должны посмотреть все!» Речь шла о новой работе талантливого творческого коллектива — режиссер Екатерина Вермишева, авторы сценария Михаил Озеров и Владимир Севрук — о документальной ленте «Заговор против Страны Советов». Эта лента продолжает и развивает их предыдущую работу «Куда ведут нити заговора», которую мы увидели год назад. Новый фильм рассказывает о попытках подорвать и уничтожить социалистический строй начиная с первых дней Советской власти, о психологической войне, которая постоянно и изощренно ведется против нашей страны по директивам Центрального разведывательного управления, этого невидимого правительства США. «В настоящее время в Соединенных Штатах имеется два правительства — одно видимое, другое невидимое,— писали Д. Уайз и Т. Росс в своей нашумевшей книге «Невидимое правительство».— Первое — это правительство, о котором граждане читают в газетах, а дети — в учебниках. Второе — связанный с первым правительством скрытый механизм, осуществляющий операции на всем земном шаре». В фильме «Заговор против Страны Советов» авторам удалось убедительно и аргументированно раскрыть действия механизма этого невидимого правительства, осуществляющего «тайную войну» против нашей страны, нашего народа, и рассказать, кто виноват в том, что сегодня человечество оказалось перед реальной угрозой ядерной катастрофы.

— Необходимо спасти мир на земле, и борьба за его спасение, против тех, кто толкает его к гибели, не абстрактна. Ведь не случайно на «тайную войну» хозяева США тратят огромные силы и средства! — говорит режиссер фильма Екатерина Вермишева.— Работая над фильмом, наш творческий коллектив поставил перед собой задачу показать советским людям коварные приемы империалистических разведок вообще и американской в особенности. Тревожное время, в которое мы живем, убеждает: молчать нельзя, надо идти в наступление на идеологического врага и сражаться с ним, прибегая к фактам и документам. И уже сегодня наш коллектив работает над следующим фильмом из серии — ЦРУ против мира, в котором мы раскроем перед зрителями всю бесчеловечность системы государственного терроризма.

Я познакомилась с этим интересным мастером документального политического кинематографа в те дни, когда вьетнамский народ только вступил в мирную жизнь. По заданию редакции я вылетела в Ханой, и моими попутчиками оказалась съемочная группа режиссера Вермишевой. Она уже отсняла во Вьетнаме фильм и направлялась во Вьентьян для съемок ленты о лаосских патриотах. Тогда же я узнала, что Екатерина Вермишева не раз в горячее время побывала в странах Индокитая и

Кадр из фильма.

всем сердцем прониклась любовью к героическим людям, сражавшимся за свою свободу. Так родились ее фильмы «Повесть о первой весне...», «Его звали Хо Ши Мин», «Джунгли остывают от войны», «Война окончена — борьба продолжается», которые призывали к солидарности и разоблачению врагов мира. Продолжением этой темы стал фильм, снятый совместно с Леонидом Мохначем. «Тихие американцы» и вышедшая в 1981 году лента «Неофашизм».

— Без этих фильмов, наверное, не родилась бы новая серия — ЦРУ против мира,— продолжает рассказывать Екатерина Вермишева.— Еще во Вьетнаме, Лаосе, а позднее в Анголе и Зимбабве мы видели людей, убитых американскими солдатами или с помощью американского оружия. Это была война явная, во всей своей бесчеловечной жестокости. Но мы знаем, что начиная со дня рождения Страны Советов против нас, против всего прогрессивного человечества ведется «тайная война». Эта идеологическая война многообразна, наши враги действуют ловко и тонко, придавая тайным сражениям не меньше значения, чем победам в открытой войне. Но все ли из нас отдают себе отчет, как близко касаются эти страшные планы каждого из нас? Только что я вернулась из поездки в Новороссийск и Краснодар, где состоялись встречи с самыми разными зрителями, и я убедилась — для многих наш фильм оказался неожиданным именно потому, что люди осознали: дирижеры идеологических диверсий целятся именно в них!

— На экране перед зрителями проходит весьма непривлекательная «галерея» тех, кто сделал борьбу против нашей страны смыслом всей своей жизни. Мы увидели злобных, непримиримых врагов, которые действовали еще в первые годы жизни Страны Советов. Мы увидели фашистских убийц и их подручных, тех, кто предал Советскую Родину в наши дни, а также людей, обманутых мастерами шпионажа, горько раскаявшихся в содеянном, как та пожилая женщина с сыном, с которыми вы встретились на улицах Парижа. Она кричит с экрана: «Помогите нам вернуться домой, на родину! Мы тут погибаем и погибнем совсем!» Как родился этот кадр?

— Это была тягостная встреча с людьми, одураченными вражеской пропагандой... Женщина прежде жила в Челябинске, работала буфетчицей в одном из театров, а сын учился на факультете журналистики. Под влиянием информации, почерпнутой в самых мутных источниках, Глухова-мать настойчиво обивала пороги, хотела узнать «красивую западную жизнь» и, добившись своего, потащила сына-первокурсника. И вот страшное прозрение. Все пять лет сын — безработный, а мать живет на случайные подачки. Так трагично расплачиваются за свои ошибки те, кто поддался уговорам вражеских «голосов». Снимать и озвучивать такие кадры — непростая задача, и с ней отлично справились оператор нашего фильма Вячеслав Ходяков и звукооператор Юрий Агаджанов, с которым мы работаем вместе уже пятнадцать лет...

Прощаясь, я спросила режиссера Вермишеву, в чем видит она главную задачу современного политического документального кинематографа.

— Документальное кино обладает уникальной возможностью — оно должно показать широким массам панораму современного мира. Но просто увидеть — этого мало. Надо, чтобы люди правильно поняли, что стоит за тем или иным событием, попавшим в кадр,— только тогда они смогут сделать правильные политические, идеологические выводы. Наша задача — донести до зрителя правду и заставить его вместе с нами поразмышлять о фактах. Надо во весь голос говорить ему, кто есть кто в этом сложном мире, чтобы он, не колеблясь, занял свое место на баррикадах идеологических сражений! На знамени Центральной студии документальных фильмов есть орден Красного Знамени, полученный в годы Великой Отечественной войны. Документальное кино сыграло в ту тяжелую пору огромную роль, и не случайно кадры, снятые тогда, живут и сражаются сегодня. Наш фильм «Заговор против Страны Советов» вышел на экраны в год 40-летия Великой Победы, и на этом празднике он звучит предостережением. Люди, будьте бдительны, помните, что враги стараются изнутри взорвать наш советский дом, нашу планету и от нас с вами зависит сохранить будущее!

ПОРТ НАЗНАЧЕНИЯ — МУРМАНСК

наши интервью

В кабинете генерального секретаря национального профсоюза моряков Великобритании Джеймса СЛЕЙТЕРА (Джима, как он себя называет) по стенам развешано с десяток фотографий, по которым можно проследить узловые повороты его судьбы. Вот датский сухогруз — первое судно, на котором он плавал совсем молодым матросом; вот старый английский транспорт, на котором семнадцатилетний Д. Слейтер начал войну, и несколько снимков, сделанных в разное время в Мурманске и Архангельске,— с советскими друзьями.

— Вы родом из морской семьи, Джим?

— Из самой что ни на есть сухопутной. Мой дед, отец и братья были шахтерами. Мои племянники и сейчас работают на шахтах возле Ньюкасла, вернее сказать, бастуют. После окончания школы весной 1939 года я с приятелем-сверстником бродил в доках родного Саут-Шилдса — это небольшой порт на восточном побережье Англии. Увидев на палубе стоящего у стенки датского судна офицера, мы на всякий случай, без надежды на успех окликнули его: «Нужны руки?» И услышали в ответ: «Да, поднимайтесь». Так началась моя карьера моряка.

Через несколько месяцев после начала второй мировой войны Джим оказался на английском судне, ходившем с военными грузами из американских портов в Англию иногда в составе конвоев, иногда самостоятельно. С осени 1941 года он участвовал в конвоях, доставлявших военные грузы в советские порты Мурманск и Архангельск. Их курс от английских портов пролегал круто на север к Исландии, а затем — подальше от побережья оккупированной гитлеровцами Норвегии между Нордкапом и Шпицбергеном к советским портам.

О своем участии в этих операциях Джим Слейтер рассказывает охотно, окрашивая самые опасные эпизоды добродушным юмором.

— Мое первое судно оказалось старым, отслужившим свой век пароходом,— вспоминает он.— Если мы пытались держать скорость, чтобы не отстать от конвоя, из трубы валил такой дым, что он мог служить ориентиром для атаки любой немецкой подлодки в радиусе 100 километров. Когда командование конвоя приказывало нам не дымить, мы безнадежно отставали и оказывались в одиночестве в просторах Северной Атлантики.

Однажды, когда судно, на котором плыл Джим, в очередной раз отстало от группы, что само по себе было опасно, начался пожар в угольных бункерах. Огонь пытались потушить забортной водой, но приняли ее так много, что почти потеряли ход.

В это время рядом всплыла немецкая подводная лодка. На пароходе, как почти на всех торговых судах во время войны, была установлена такая же старая, как он сам, 6-дюймовая пушка.

— Мы решили принять бой,— рассказывает Джим.— Сумели зарядить наше музейное орудие и выстрелить, хотя крен сильно мешал. Конечно же, не попали. Внезапно для нас лодка погрузилась. Единственное объяснение, которое я этому нахожу и по сей день, заключается в том, что командир фашистской лодки просто пожалел тратить на нас торпеду, видимо, был уверен, что мы и сами потонем.

Когда я и мои товарищи побывали в советских портах, познакомились с советскими людьми, в частности с моряками, мы почувствовали в них такую твердую уверенность в конечной победе, что она помогла и нам обрести веру в разгром общего врага даже в самые нелегкие для нас дни.

На полке в кабинете, где мы беседуем, стоит книга Александра Верта «В год Сталинграда». Английский журналист шел с одним из конвоев в Архангельск, чтобы начать работу военного корреспондента в Советском Союзе. Вот что он записал 27 мая 1942 года: «Я не скоро забуду этот день. Атаки начались в 3.20 утра, когда конвой встретил тяжелые льды к югу от острова Медвежий. В течение сорока минут больше 100 «юнкерсов» атаковали нас, обычно заходя от солнца. Одни пикировали совсем низко, другие сбрасывали бомбы метров с семидесяти. От их желтого акульего брюха отрывались бомбы, и через несколько секунд со вздохом облегчения я видел столбы воды за бортом. Так, с перерывами, продолжалось 11 часов...»

— В этом конвое,— говорит Слейтер,— шел советский танкер «Старый большевик», в команде которого было немало женщин. Немецкая бомба вызвала сильный пожар на танкере, и многие из нас с волнением следили, как героически экипаж боролся с ог-

нем. Нам не пришлось снимать людей. Они победили огонь, и рассказы об их подвиге я не раз потом слышал на судах и в портах Англии. Мы были — пусть лишь на одном участке гигантской битвы — очевидцами титанической борьбы советского народа, спасшего весь мир и мою страну от фашистского порабощения. Мы знали: пока стоят Сталинград и Мурманск, мы можем верить в победу. На меня встречи с советскими людьми и советской действительностью в суровые военные годы произвели огромное впечатление. Я увидел социализм в действии, человечность и гуманизм, проявляющиеся в самых трудных, жестоких условиях войны. Когда-то мне казалось нормальным, что английские моряки, спасшиеся с потопленных немцами судов, теряли зарплату и до нового назначения жили на пособие по безработице. Может быть, сегодня многие и не знают об этом, но это факт. После знакомства с жизнью моих советских товарищей-моряков я понял, что существует другая мораль, другие измерения ценности человека...

После войны Слейтер продолжал плавать. Он все более активно участвовал в деятельности профсоюзных организаций моряков. После стачки 1960 года Джима уволили без права работать на флоте. Последовали 11 месяцев безработицы. В 1966 году он занялся исключительно профсоюзной работой, а в 1973 году был избран генеральным секретарем национального профсоюза моряков.

Джим снимает с полки три переплетенные в красную кожу книги.

— Здесь имена 33 тысяч английских моряков торгового флота, погибших в годы второй мировой войны. Их могилы есть и в вашей стране. Когда я бываю в отстроившемся Мурманске, я вспоминаю своих товарищей — советских и английских моряков, погибших для спасения мира и демократии. Я думаю о том, какая ответственность лежит сегодня на нас. Наш долг перед павшими — обуздать тех, кто вновь готовит машину разрушения.

— Джим, что конкретно могут сделать профсоюзы для прекращения гонки вооружений, предотвращения угрозы войны?

— Борьба за мир должна стать для профсоюзов неотделимой от борьбы за осуществление социальных целей. Их достижение возможно только в условиях прочного мира, прекращения расходования огромных финансовых средств, материальных и человеческих ресурсов на производство запасов оружия. Если эти чудовищные запасы будут пущены в ход, само существование человечества будет поставлено под угрозу. Насколько я знаю, в Англии на каждую квадратную милю территории приходится больше единиц ядерного оружия, чем где-либо еще. Значительная часть его находится под американским контролем. Это превращает нас в американский ядерный погреб со всеми смертельно опасными для моей страны последствиями. Мы хотим, чтобы каждый английский рабочий знал эти факты и понимал их страшный смысл. Мы требуем: пусть строятся поезда, а не танки, мосты, а не проволочные заграждения, пассажирские, а не военные суда, дома и больницы, а не ракеты и бомбы для их уничтожения.

Сергей ВОЛОВЕЦ,
соб. корр. АПН —
специально для «Огонька»

Лондон.

АРКТИКА

ПЯТИДЕСЯТОЙ ШИРОТЫ

Нравы Арктики известны из школьной географии, и заголовок этого репортажа не для пересмотра их, а только для подчеркивания той сложной обстановки, которая возникла в зимнюю навигацию этого года в Татарском проливе южнее 50-й параллели по курсу к порту Ванино.

«Пионер Узбекистана», мощное грузовое судно усиленного ледового класса, привязан канатами к причальной стенке первого района Ванинского порта. Поздний вечер, но работа на освещенных палубах и на причале в самом разгаре. Сразу два стальных «журавля» — портальных крана «выклевывают» с палубы и из трюмов стальные трубы полуметрового диаметра и тут же сталкивают их в железнодорожные вагоны.

На причале с кранами и другими механизмами работала бригада Степана Стаценко. За разгрузкой следил вахтенный штурман Сергей Демченко, молодой командир, только в прошлом году окончивший мореходку.

— Но две «полярки» испытал,— говорит Сергей.— Одну — прошлым летом в Арктике, другую — нынешней зимой в Татарском проливе. Могу, значит, сравнивать. Скажу, что рейсы этой навигации были труднее арктических. Не зря же Минморфлот выставил в этот пролив самые мощные ледоколы Дальневосточного пароходства — «Адмирал Макаров» и «Ермак».

...Что же произошло нынешней зимой у порта Ванино? Сюда вот уже четверть века с начала открытия круглогодичной навигации суда ходили по четкому расписанию морских служб во все времена года. А льды Татарского пролива были по силам малым и средним ледоколам «Федор Литке», «Владивосток», «Москва».

Необычность обстановки этого года вызвана прежде всего резким понижением температуры — до минус 30 градусов (при обычной в 18 градусов).

Сильные морозы почти полтора месяца держали в критическом напряжении все службы Ванинского порта. Бухта стала интенсивно замерзать в самом начале декабря. Лед в ней от постоянного шевеления буксирами наращивал толщину и доходил порой до трех метров (!). Хотя на внешнем рейде в десяти милях от причала он был не толще десяти сантиметров. Но здесь-то, между мысами Бурный и Южный, и сложилась ледовая блокада Ванинского порта. Гонимый ветром лед торосился, усиливая сжатие судов. В таких условиях, случалось, не хватало мощности даже «Ермаку» с его сорока тысячами лошадиных сил. И тогда караваны, ведомые ледоколами, отступили, чтобы выждать, а потом снова вступить в борьбу с коварной природой.

А порт ждал корабли, ждал грузы, державшие грузы, адресованные партнерам и Сахалину. В блокадный период на его причалах скопились сотни вагонов, в основном транзитных, адресованных островной области.

— Ледовая обстановка нарушила все графики обычной работы и без того сложного механизма порта,— рассказывает начальник порта Валерий Львович Быков.— И как только удалось провести первые суда каравана, мы сразу включились в работу с удвоенной нагрузкой. В этой ситуации отлично проявили себя наши комплексные бригады. Хорошо работали коллективы лауреата Государственной премии СССР бригадира Н. М. Шанцева и его коллеги С. В. Стаценко. Даже в трудных условиях января нам удалось переработать почти обычную норму грузов.

После циклонов, обрушившихся на Сахалин, а также восточную часть материка в конце второй, начале третьей декады февраля, обстановка у порта Ванино разрядилась. Сильные ветры разогнали лед, относительно очистив фарватер. Сразу же по нормальному расписанию пошли паромы.

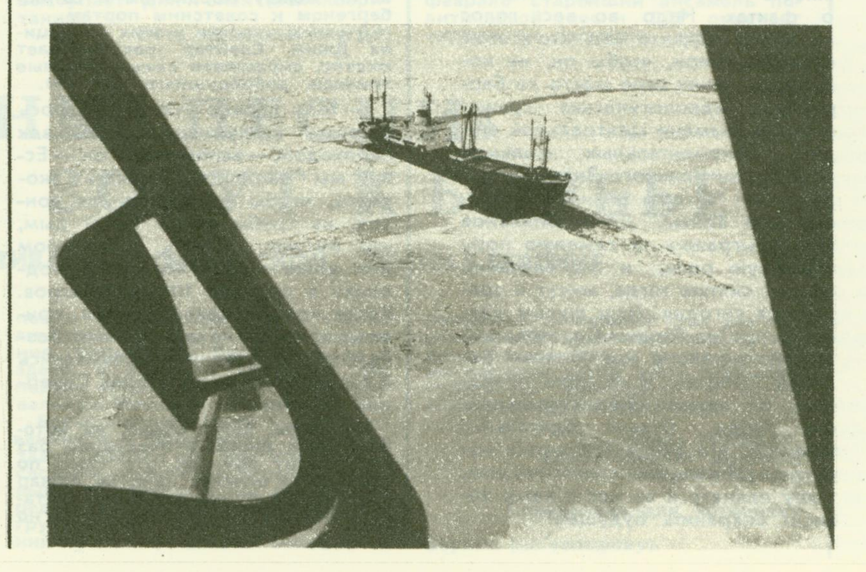
В один из дней моей командировки в Ванино пришел новый паром, «Сахалин-8».

«Сахалины» — это серия мощных паромов, специально созданных для линии Ванино—Холмск. Это морские суда, которым на роду написано продлить материковую железную дорогу до острова. Паромы изящны, послушны в управлении, их пульты насыщены современной электроникой. И все-таки льды то и дело сбивают их с курса, заставляют петлять и буквально ходить «по ухабам». Они сдирают краску с корпуса, раздирают металл. В доке судоремонтного завода Советской Гавани я видел паром-ветеран — «Сахалин-1». Еще не миновал установленный регистром срок, а судно уже вынуждено было стать на ремонт. Когда осушили док и огромный корабль показал свою подводную часть, она напоминала решето. Из крохотных отверстий фонтанчиками били струйки воды. На пароме пришлось заменить почти полторы тысячи квадратных метров корпусной обшивки!

— Мы искренне благодарим корабелов за создание наших паромов,— говорит первый помощник капитана «Сахалин-8» Александр Владимирович Чайко.— Но кораблестроителям совместно с Минморфлотом надо прислушаться и к нашим замечаниям и советам. Мы считаем, что необходимо найти новые марки стали для паромных корпусов. «Восьмерка» отлично показала себя на перегоне от Балтийского моря до Японского. Судно совершило переход в рабочем состоянии и, придя в порт Ванино, сразу включилось в рейсы: взяв на борт десятки вагонов, оно отправилось курсом назначения. Я видел с мостика «Пионера Узбекистана», как, легко расталкивая льды, «восьмерка» начинала отсчет своим первым рабочим милям. Как встретит Татарский пролив, чем обрадует завтра, не заставит ли застопорить машины и ждать помощи ледокола, как это случилось с его коллегами — старожилами трассы?

...Раскрутив винты, вертолет боком, словно краб, пополз в небо. Александр Михайлович Лоханов, пилот-инструктор, повел его на северо-восток. Летчик-наблюдатель Александр Петрович Бычков, удобно устроившись в правом кресле, положил на колени планшетку с листком бумаги, на котором контуром обозначалась береговая черта. Внизу же берег сливался с белой ледяной броней, тянувшейся к горизонту. В это белое безмолвие всеми своими мегаваттами упиралось солнце. Отражая его лучи, снег резал глаза, мешая Бычкову «щупать» ледяные поля, находить в них трещины, определять толщину льда. Галсами ходили два часа. За это время летчик-наблюдатель составил подробную карту ледового покрытия Татарского пролива в районе порта Ванино. Ровно к полудню он сбросил карту на площадку у диспетчерской порта. По его данным, ледовая обстановка не представляет угрозы судоходству в районе.

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»

На снимке: В ледовом плену.

Фото автора

Ал. РОМАНОВ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Негаснущее эхо

Доктор исторических наук Николай Алексеевич Погожев не был ни собирателем редкостей, ни коллекционером. И все же в старой, военных времен, облупленной шкатулке, украшенной незамысловатым резным узором, вот уже который год вместе с орденом Красной Звезды и двумя боевыми медалями он как драгоценную реликвию хранил основательно потертую, побывавшую во многих руках вырезку из «Правды» с сообщением Советского Информбюро от 25 марта 1942 года. В этом сообщении простым карандашом, видимо, еще в годы войны, были очерчены следующие строчки: «Сандружинница Ивашина Таисия Павловна, раненная в бою у деревни Н., продолжала оказывать первую помощь раненым бойцам и организовала их отправку в тыл. В течение последнего месяца т. Ивашина вынесла с поля боя под огнем противника 120 раненых бойцов и командиров с их оружием».

Среди этих ста двадцати был и девятнадцатилетний лейтенант Николай Погожев, раненный в грудь и в правую ногу выше колена. Он не помнил, как сандружинница тащила его по луговым кочкам и полынным зарослям в лесочек, где обосновался медсанбат. Он пришел в себя, когда ее уже не было рядом. Как и другие раненые, она была отправлена на излечение в тыл, и он только перед эвакуацией от других сандружинниц узнал, кто его спас, но куда ушел ее эшелон — этого никто не мог ему сообщить.

Между тем ее имя — Таисия Павловна Ивашина — и сообщение Совинформбюро, последовавшее через две недели после боя у деревни Н., буквально потрясли тяжело раненного лейтенанта: в том городке на Оке, откуда он родом, Ивашины встречались на каждом шагу, даже соседи звались Ивашиными, только в семье соседей не было девочки, которую звали бы Таисией.

Теперь едва ли не каждый год, как правило, в летнее время, Николай Алексеевич бывал в родном городке и — странное дело! — всякий раз перед отъездом туда вспоминал о хранившейся в шкатулке вместе с орденом Красной Звезды и двумя боевыми медалями вырезке из газеты, а точнее, о неведомой и даже загадочной Таисии Павловне Ивашиной. Сколько, однако, он ни выспрашивал родных и близких, в особенности в первые послевоенные годы, о своей спасительнице, никто из них не знал здесь женщины с таким именем. Его обращения в Совинформбюро и в военные ведомства также ни к чему не привели. Впрочем, от этих ведомств в разное время он получил несколько адресов медицинских сестер Ивашиных, писал по этим адресам — в Архангельск, Полтаву, Смоленск, Челябинск, но ни на одно свое письмо ответного письма так и не получил. И теперь только пожухлая от времени, пожелтевшая вырезка из давнего номера газеты постоянно о ней напоминала.

Так прошло без малого сорок лет. Поиски неизвестной Таисии Павловны Ивашиной, которую в первые годы после войны ему так хотелось увидеть, чтобы низко ей поклониться и поблагодарить, ни к чему не привели. С годами же становилось как-то очень уж ясно, что найти ее невозможно. Но подвиг женщины, в сущности, даровавшей ему вторую жизнь, для Николая Алексеевича превратился в своего рода жизненный символ. Она спасала раненых, не спрашивая, кто они и откуда, но коль скоро это был советский солдат или офицер, он был ей дорог бесконечно. Она жертвовала собой, вынося их из-под огня, потому что жила одним с ними чувством, одной любовью и ненавистью. Она была им родной сестрой, возлюбленной, любящей матерью, и не было в те минуты для нее ничего дороже их жизни.

Тогда, в сорок втором, его, лейтенанта Погожева, вместе с другими тяжело ранеными солдатами и офицерами доставили санитарным поездом с фронта в Казань и здесь определили в военный госпиталь, размещенный в новом школьном здании неподалеку от университета. Несколько месяцев его лечили, не один раз оперировали, а поздней осенью сорок второго по состоянию здоровья отпустили на все четыре стороны за непригодностью к военной службе.

К моменту выписки из госпиталя и демобилизации Коля Погожев уже выбрал для себя желанную «сторону» — определился на исторический факультет университета и, распрощавшись с госпиталем и военной службой, сразу же поселился в студенческом общежитии. Правда, поначалу его тянуло домой, в родной приокский городок, но Наташа, его сестра, писала, что еще в сорок первом отцовский дом в дни боев за город сгорел дотла, во время немецкой оккупации мать умерла от сыпного тифа, а отец, опытный механик, служивший в авиационной части где-то под Ленинградом, погиб при налете вражеской авиации на аэродром.

...Здесь, в родном городке, жила с семьей, которую он считал своей, его сестра Наташа.

Еще в сорок втором, шестнадцатилетней девчонкой она бросила школу и пошла работать в военный госпиталь сначала нянечкой, а позднее, после курсов,— медицинской сестрой, насмотрелась вволю на солдатские раны и увечья, но не согнулась ни перед какими бедами и не склонилась перед людьми, которые могли бы ей помочь этих бед избежать. В те годы она встречала и таких женщин, которые в постоянной погоне за благами жизни иногда жертвовали своим человеческим достоинством. Всякий раз это вызывало резкий протест в ее душе. Она старалась обходить таких женщин стороной.

Тогда же, в сорок втором, она нежданно-негаданно и встретила Максима, когда-то учившегося в той же школе, что и она, только классом старше, долго ухаживала за ним — израненным, потерявшим руку в боях под Духовщиной, привязалась к нему и полюбила его. Ее ничуть не смутило то обстоятельство, что Максим, выздоравливая, постоянно говорил ей о том, что непременно вернется на фронт и пусть с одной рукой, но еще повоюет, непременно повоюет как следует, как надо. После госпиталя, однако, он сразу же был демобилизован, его мечта о фронте оказалась несбыточной. И Наташа вскоре стала его женой.

Поселились они в домике его родителей, за городским кладбищем, и Наташа стала в этом домике хозяйкой. В сорок четвертом появился на свет их первенец, которого назвали Егором, а еще через два года родила она второго сына, названного Сергеем. И хотя следующих двух пришлось ждать долго, вся ее жизнь отныне была связана с детьми и им посвящена без остатка.

Конечно, Наташа и Максим еще со времен войны знали о безуспешных попытках Николая Алексеевича отыскать свою спасительницу, безвестную Таисию Ивашину. Знали и о том, что этот его поиск оказался, в сущности, безнадежным. Тем не менее и они на что-то надеялись. Между собой иной раз говорили, что этот поиск едва ли не послужил причиной того, что он так и не создал собственной семьи, жил бобылем, отдавая все свое время научной и преподавательской деятельности. Правда, ежегодные встречи с родными и близкими, которых в родном городке было у него немало и которые в какой-то мере также участвовали в его поиске, словно бы восполняли холостяцкое однообразие его жизни. Он знал, что его здесь любят, молчаливо ему сочувствуют, а в глубине души, пожалуй, даже жалеют. Может быть, еще и поэтому его постоянно тянуло в родные места.

...И на этот раз, как обычно, на железнодорожном вокзале Николая Алексеевича встречали Наташа и Максим. После объятий, поцелуев и обычных в таких случаях восклицаний: «А ты совсем не изменился», «А ты все полнеешь, сестренка» и неизменного «Как жизнь?»— шли пешочком по главной улице города на его окраину, где у самого берега Оки когда-то стоял отцовский дом.

Как же ясно помнилось ему, что вот здесь, в стороне от отцовского дома, деревянного, полутораэтажного, на кирпичном фундаменте, возле покосившихся от времени ворот и расшатанной дощатой калитки, тогда росла старая-престарая, с облупившейся корой, раскидистая ракита. Ее ветви, казалось, доходили до самого неба. Так приятно было лежать в летнюю жару под источавшим прохладу деревом и сквозь густую его листву следить за проплывающими по лазури облаками. Они напоминали обшитую белыми кружевами праздничную шаль бабушки Марфы, в которой по воскресеньям та ходила к обедне, и ее толстые-толстые шерстяные чулки, заштопанные на пятках синей ниткой.

Но теперь ракиты не было. И отцовского дома не было. И ворот. И только в воздухе словно бы все еще висело дробное звучание открывающейся калитки, которой тоже не было. Не было рядом и старенького дома соседей Ивашиных. На знакомом углу до боли знакомой улицы, как раз против школы, где Николай Алексеевич когда-то учился, теперь возвышался панельный пятиэтажный дом с наглухо закрытыми подъездами: вход в любой из подъездов почему-то был со двора. На четвертом этаже этого дома, в пятьдесят шестой квартире Максим и Наташа поселились после того, как их старенький домик за городским кладбищем пошел на снос.

Наталия Алексеевна, пятидесятишестилетняя, излишне полная, мать четырех взрослых детей, вела брата под руку. Тяготы военного времени, смерть матери, гибель отца, а потом и постоянные заботы о семье наложили свой отпечаток на ее лицо, преждевременно иссеченное розовыми морщинками, и на ее характер, во многом не схожий с характером мужа, все еще, несмотря на возраст, человека разговорчивого, увлекающегося, проявляющего интерес к любым важным событиям в стране и за ее пределами.

Сколько ни знал Максима Николай Алексеевич, ему всегда казалось, что тот чем-то неудовлетворен и в душе в чем-то сам с собой не согласен. Он вроде бы немало знал, но еще многого хотел, всегда стремился к чему-то большему в жизни, но мало что сделал для того, чтобы это многое стало реальностью. В последнюю минуту у него всегда словно бы срабатывал какой-то внутренний тормоз, который мешал ему подняться с места и поступить так, как мечталось, осуществить возникшие было в сознании такие большие, такие серьезные решения.

Впрочем, Максим и в свои пятьдесят девять лет, несмотря на перенесенные невзгоды, выглядел молодцевато. Лет тридцать назад он сдал экстерном за педагогический институт, получил диплом и с той поры работал учителем в той же средней школе, которую вместе с Наташей кончал когда-то. Преподавал физику и математику, выступал с лекциями в городском Доме культуры, не раз избирался депутатом городского Совета. Кстати, года два тому семьи коснулось событие, нежданное и непредвиденное — награждение Максима Петровича, теперь уже старейшего учителя школы (как-никак тридцать пять лет без перерывов!), орденом Трудового Красного Знамени — за большие заслуги на ниве народного образования, как сказал вручавший ему орден секретарь городского комитета партии. В тот день, когда сообщение о награждении было опубликовано в местной газете, Максима Петровича поздравлял чуть ли не весь город: и родные, и знакомые, и едва знакомые люди. А он словно бы воспрянул духом. К лацкану нового костюма приколол военные медали, нашивку о тяжелом ранении и прогуливался с Наталией Алексеевной по улицам так, словно шел под венец.

— Да ты у меня, оказывается, герой,— шептала ему Наталия Алексеевна, и глаза ее наполнялись слезами.

— А ты как думала! — в полный голос отвечал он и, подумав, добавлял: — Вот на КАТЭК бы мне в свое время попасть, уж я бы себя показал!..

Может быть, поэтому Максим Петрович так и гордился старшим сыном Егором, работавшим очень далеко от родного городка на большой стройке в Иркутской области. Гордился его специальностью строителя, его женой, тоже инженером-строителем, его детьми-малолетками, мальчиком и девочкой, и постоянно заводил разговор о нем. Впрочем, о жизни и работе Егора он знал не так уж много, знал, что он прораб, производитель каких-то работ, но каких именно, не очень ясно представлял, разве только то, что можно было почерпнуть из писем, и потому многое додумывал, сочинял и частенько рассказывал разного рода небылицы, которые Егор, будь он дома, не мог бы понять и в которые не мог бы поверить.

Николай Алексеевич хорошо помнил, что лет десять—двенадцать тому назад, в самом начале своей работы на далекой сибирской стройке, Егор прислал ему взволнованное письмо, в котором сообщал, что он нашел ту сандружинницу, которую его дядюшка разыскивает столько лет. Таисия Павловна Ивашина — врач-терапевт, работает в местной поликлинике, в годы войны, как ему удалось узнать от ее сослуживцев, была на фронте и не раз с поля боя выносила раненых. Письмо племянника необычайно взволновало Николая Алексеевича: «Неужели она?» В тот же день он отправил Таисии Павловне Ивашиной огромную, в двести слов, телеграмму и стал ждать ответа. Она вскоре ответила — ответила спокойным, очень спокойным письмом. Да, она действительно, будучи медицинской сестрой, работала в полевом госпитале, только не в 1941—1942-м, а в 1944—1945 годах и не на Западном направлении, а на Карельском фронте. И Совинформбюро не могло что-то сообщать о ней, потому что тогда она еще не была Ивашиной,— эту фамилию уже после войны она получила от мужа, а ее девичья фамилия Тутелева и она очень сожалеет, что милый Егор Максимович, однажды встретившись с ней и не расспросив ее как следует, поспешил оповестить о ней своего дядюшку.

Ко второму сыну, Сергею, Максим относился с меньшим уважением, хотя тот, предельно увлеченный новой техникой, работал вроде бы совсем рядом, в Дубне, в полутора часах езды по отличному шоссе, проложенному через их городок уже в послевоенные годы.

Но было одно обстоятельство, вызывавшее душевное недовольство Сергеем,— его женитьба на девушке из другого города, которую в семье до того никто не знал и о которой сын, бывая дома, никогда раньше даже словом не обмолвился, но вот приехал вместе с ней в родной городок и уже на вокзале сказал встречавшим его отцу и матери: «А это Лиза, моя жена...»

В семье Максима Петровича, правда, ожидали, что Сергей вот-вот женится, но непременно на Машеньке Монастырской, с которой он в школе за одной партой сидел и дружил с детства. А сын привез из Тулы незнакомую, красивую и гордую девушку, Лизу Дубову, учившуюся, как выяснилось, в институте на одном с ним курсе. Машенька тем же летом вышла замуж за Сережиного дружка, Леню Костромина, с которым, судя по всему, подружилась после отъезда Сергея в институт. Ну, а с Лизой Наталия Алексеевна «не сошлась характерами», и молодожены быстро собрались и уехали в Дубну.

Между тем Николай Алексеевич искренне уважал и, пожалуй, даже любил своего второго племянника. И не только потому, что он казался ему человеком сильного характера, спокойным и самостоятельным в своих суждениях. Ему были по душе серьезное тяготение Сергея к науке, к научным изысканиям, его основательная подготовка, отнюдь не поверхностные знания, его трудолюбие, которое, впрочем, было присуще всем детям Наташи и Максима.

Сергей так же, как и Егор, сочувствовал Николаю Алексеевичу и был готов помочь в его давних поисках. Он, еще будучи студентом, писал, что в институте, к радости своей, обнаружил среди преподавателей Таисию Павловну Ивашину, но что радость его была кратковременной: он узнал, что Таисия Павловна не так давно в кругу друзей отмечала свое сорокалетие и что она, следовательно, в годы войны никак не могла быть сандружинницей.

Третий сын, Петр, родившийся много позже Сергея, учился в Туле в том же институте, что раньше окончили Егор и Сергей. Был он уже на третьем курсе, и все шло бы хорошо, если бы не дружки: уж больно компанейские ребята попались — сегодня рюмочку, завтра — другую, а там пошли просьбы к отцу: сегодня — вышли, папа, десятку, завтра — другую. Ни Егор, ни Сергей никогда себя так не вели. Им стипендии вполне хватало. Надо бы поехать в Тулу, по-отцовски поговорить с непутевым парнем и его дружками. Он не поехал, но отправил сыну телеграмму, в которой самыми важными были такие слова: «Почему ведешь себя не по-нашему, напиши, объясни». И вот теперь ждал ответа.

Ну, а четвертый, младшенький, Шурка, родившийся, когда Наталии Алексеевне было уже за сорок, тот еще школу кончал. Парень с характером, учился настойчиво и всерьез собирался стать строителем. Тем более, что года полтора-два назад, в начале одиннадцатой пятилетки, в городке произошло событие, которое хотя и не имело прямого отношения к семье Максима Петровича, но переполошило всех. За Казачьей слободкой, неподалеку от загородной базарной площади, началось строительство большого тормозного завода. Предполагалось, что с введением завода на полную мощность в его цехах будут работать пять-шесть тысяч человек. А это означало, что и население города должно увеличиться чуть ли не вдвое. Одновременно с заводскими корпусами строились новые жилые дома и общежития, школа-десятилетка и интернат при ней, больница с поликлиникой, Дворец культуры и новый кинотеатр. Все вокруг было перерыто: прокладывали канализацию, которой городок никогда не имел, и новый водопровод. И та часть города — пыльная, колеистая, зеленая,— где все это поднималось и росло, преображалась буквально на глазах. Казачья слободка

Е. Гордиец. Род. 1952. ХЛЕБ ПЕКУТ. 1981.

Художественная выставка «Земля и люди».

М. Абдурахманов. Род. 1934, Г. Яралова. Род. 1938. ПЕРВЫЙ СЕВ. 1980.

Художественная выставка «Земля и люди».

исчезала. Поднимал вверх свои этажи новый, светлый городок, который все, не сговариваясь, именовали социалистическим.

Николай Алексеевич ждал, что и на этот раз Максим снова захочет не то что пожаловаться на жизнь, а поделиться своими неосуществленными планами. Так оно и случилось. И после вечернего застолья, когда они вышли вдвоем на знакомый окский берег, чтобы подышать свежим воздухом, Максим Петрович заговорил первым.

— Мне бы куда-нибудь далеко, на великую стройку. А я здесь сижу... Семья?.. Да, семья у меня большая... Только ребята-то уже выросли, своими семьями обзавелись, кроме разве меньшого, Шурки, хоть и ему семнадцатый год пошел. Наталья?.. Что ж Наталья? Неужто со мной не тронется с этого места? Или это место заколдованное?..

А нынче... — продолжал он после небольшой паузы...— А нынче, когда я читаю газеты и узнаю о каком-то прорыве в строительстве, об отставании или о каких-нибудь недостатках, а то и безобразиях, мне делается не по себе. Я начинаю думать, что и я за все это отвечаю, словно и я виноват во всем этом: почему я не там, где так остро, так масштабно проявляется наша жизнь?..

— Погоди, подожди,— перебил его, улыбаясь, Николай Алексеевич,— ты, я вижу, далеко хватил: хорошо слышишь, как шумят стройки в Сибири и на Дальнем Востоке, но почему не замечаешь того, что возводится здесь, рядом, на бывшей Казачьей слободке? Там школа новая скоро войдет в строй, там, говорят, и техникум будет открыт. Какое поле деятельности для тебя, дорогой мой заслуженный учитель и депутат!

— Но то всего лишь наша Казачья слободка. Масштабы, Коля, не те...

— Масштабы?.. Но ведь это пять тысяч работающих, пятнадцать тысяч с семьями...

— Так-то оно так... — сказал Максим, глубоко вздохнув и снова что-то намереваясь сказать очень для него важное.

— Погоди, Максим, прислушайся, тишина-то какая... — чуть-чуть сжимая обнимавшую его сильную руку свояка, перебил Николай Алексеевич. В душе он искренне надеялся остановить давно знакомые ему сетования Максима на «малые масштабы», сетования, казавшиеся ему неубедительными, надуманными, скорее всего сохранившимися отголосками далеких фронтовых лет.

— Тишина-то какая... — повторил Николай Алексеевич.

Максим на миг умолк.

— Да, брат, тишина,— сказал он через минуту.— Тут вроде бы и рыбка в реке не плещется, плывет себе по течению, никто ее не тревожит, ничто ее вроде бы и не волнует... Испокон веков в городке четырнадцать тысяч жителей, теперь будет тридцать. Ну и что? Те же сады, огороды, воскресные базары... Кому Амур, кому Ангара, а кому Казачья слободка, так, что ли?

Помолчали.

— Ты про Егора моего слышал? Совсем еще юнец, а уже прораб, нынче под Иркутском чудеса творит... А что же я, неужто в вечный резерв попал?..

Николай Алексеевич улыбнулся. Рассуждения Максима показались ему удивительно наивными.

— Ты, я вижу, и Егорке, сыну, завидуешь?.. Да и какой же он юнец? Ему же сорок скоро стукнет... Нет, дорогой мой, так нельзя. Ты все еще, как в войну, просишься на фронт и вроде бы не хочешь понять, что нынешний твой фронт перед тобой. Здесь, в этом нашем городке, и твоя Байкало-Амурская магистраль, и твой КАТЭК... А у меня они на Волге, в Казани, там, где я учился и где нынче преподаю... И воюем мы с тобой каждый день и каждый час ничуть не меньше, чем когда-то.

Опять помолчали, глядя куда-то в заокские луга, словно бы и соглашаясь, и не соглашаясь с тем, что каждый только что произнес вслух или подумал.

— Так-то оно так,— сказал Максим.—Я и сам понимаю, что, сколько ни говори о своем желании поработать там, где жизнь погорячей, в шестьдесят лет да без руки сняться с места не так-то просто... И обидно иной раз: в каждой газете, в каждой радиопередаче — Сибирь, Дальний Восток, но что-то не слышно, чтобы хоть раз упомянули наш городок. Получается, что мы тыл, спокойненький тыл и я все еще отсиживаюсь в тылу...

— Ты ошибаешься, Максим,— сказал Николай Алексеевич.— И сопоставление твое неправомерно. Мы с тобой детей учим, смену готовим, тут, дорогой мой, слились воедино и фронт, и тыл...

Он помолчал, поглядел за речку, на синюю кромку лесов у самого горизонта и как-то неожиданно для самого себя спросил:

— А куда соседи наши, Ивашины, переехали?..

— Э-э! — засмеялся Максим.— Ты мне этот вопрос и в прошлом, и в позапрошлом году задавал... Соседи наши в нашем же доме, только ниже этажом живут. Семья у них разрослась и обновилась, ныне уже мало кого из наших дружков — соседских Ивашиных встретишь. Только ты, я думаю, не о них спрашиваешь, ты все еще о своей заветной думаешь... Что, так и не нашел ее?..

— Нет, так и не нашел...

— Наивный ты человек, Коля... Ты ее и в войну, и сразу после войны найти не мог. Где же теперь-то, через сорок лет, ее сыскать?.. Да и зачем?..

Николай Алексеевич почувствовал, что Максим ждет ответа. На душе, как обычно в такие минуты, было и неспокойно, и тоскливо. «Максим,— думал он,— не случайно спросил: «Да и зачем?» Он, видимо, что-то хотел добавить, может, даже упрекнуть меня за столь странное, по его мнению, отношение к своим жизненным интересам. Пора, мол, кончать... Только я никогда с ним не соглашусь. Так уж, видно, мне на роду написано».

И они продолжали молча стоять на берегу реки, бездумно наблюдая за ее голубым свечением, точно таким, каким оно было и тогда, когда вихрастыми мальчишками они здесь летом загорали и купались, плавали вперегонки, а зимой лихо катались по зеркальной глади на самодельных коньках. Как давно, однако, все это было!..

Шурка, младший из племянников Николая Алексеевича, подошел к ним, стоявшим у самой воды, как-то очень тихо, словно крадучись.

— Ты откуда взялся? — вздрогнув от неожиданного появления сына за своей спиной, спросил Максим.

— Да вот мама послала, чтобы вас разыскать,— ответил Шурка. И Николай Алексеевич вновь в который уже раз мысленно подивился тому, как вырос этот десятиклассник за последний год и каким стал рослым и складным парнем.

— Что случилось? — спросил Максим.

— Письмо дяде Коле из Казани пришло, заказное, мама и велела передать его, может быть, что-нибудь важное...— Шурка протянул Николаю Алексеевичу большой синий пакет со знакомым штампом института.

Николай Алексеевич как-то очень уж поспешно вскрыл пакет, надорвав его по самому адресу. В пакете оказалась небольшая записка от его сослуживца, добрейшего Федора Петровича Вяземского, к которой металлической скрепкой было приколото письмо в обычном почтовом конверте, адресованное в г. Казань, Казанский университет имени В. Ульянова, профессору Н. А. Погожеву лично. Слово «лично» было подчеркнуто дважды.

«Не знаю точно,— писал Федор Петрович,— когда вы вернетесь в Казань из вашего отпуска, и потому пересылаю по оставленному вами адресу полученное в ваше отсутствие и адресованное лично вам это письмецо из Челябинска, чтобы оно не завалялось где-нибудь тут в нашей канцелярии. Желаю вам хорошего отдыха и всяческого благополучия».

Николай Алексеевич перечитал адрес на конверте и фамилию отправителя, аккуратно вскрыл конверт и извлек из него письмо, написанное четким, красивым почерком.

— Что за письмо? — спросил Максим.— И почему из Челябинска?..

— Подожди, подожди, Максим,— растягивая слова, ответил Николай Алексеевич,— сейчас прочитаем... Кажется, таких ответов на мои письма я еще не получал...

— Ну, а я пойду,— сказал Шурка,— у меня дела...

— Иди, иди, Шура,— взглянул на него Николай Алексеевич и опять подумал, что парня просто не узнать.— Спасибо за письмо...

Письмо начиналось с обращения: «Уважаемый профессор Н. А. Погожев! (простите, не знаю вашего имени и отчества)»,— а заканчивалось на последней, четвертой страничке, в отличие от конверта, разборчивой, без завитушек, подписью: «С уважением В. Кузнецов».

— Пойдем, Максим, сядем на бугорок, прочитаем, что пишет нам уважаемый товарищ В. Кузнецов,— шутливо сказал Николай Алексеевич и вдруг замолк, бегло прочитав первые строчки письма.

«Вам пишет сын Таисии Павловны Кузнецовой (до замужества Ивашиной). Мама умерла в ноябре прошлого года в возрасте пятидесяти девяти лет».

Он медленно прошел вперед по песчаному бережку и тяжело опустился на зеленый бугорок, поросший густой пахучей полынью. Рядом сел Максим. Николай Алексеевич раскрыл письмо и, чуть склонившись к плечу свояка, неторопливо прочитал его вслух.

«После смерти мамы,— говорилось в письме,— мы обнаружили в ее комоде множество писем от родных и знакомых и в особенности от ее друзей-фронтовиков. Не могу сказать, на все ли письма она ответила, но в особой папке у нее хранились письма ее фронтовых друзей, в том числе и ваше письмо, на которые она собиралась ответить, но не успела это сделать. Теперь это делаю я.

Знаю, что моя мама, Таисия Павловна, все четыре года войны находилась в действующей армии. Знаю, что она, как и вы пишете, работала медицинской сестрой, спасла сотни жизней и сама не один раз была ранена. В последний раз в боях за Ленинград, перед самым прорывом блокады, она была ранена особенно тяжело — в правое плечо, долго лечилась, и с тех пор правая рука совсем ее не слушалась. Тем не менее в сорок седьмом году она вышла замуж за человека, которого горячо любила всю свою жизнь. Они встретились в сорок шестом году в нашем городском историко-краеведческом музее, которым он тогда заведовал. Отец тоже был на войне и привлекал людей, вернувшихся с войны, к созданию в музее экспозиции, посвященной Великой Отечественной. Вот тогда, уже после войны, они и повстречались. Отец был чудесный человек, но очень больной, раны, полученные на фронте, не давали ему покоя. К глубокому нашему горю, он ушел из жизни, когда мне было десять, а сестре — двенадцать лет. Мать, как ни трудно ей было, нас выходила и вырастила, приучила постоянно трудиться и честно жить. Теперь у нас свои семьи.

Насколько я могу судить по вашему запросу, который мать успела получить, вы разыскиваете сандружинницу, которая вас, тяжело раненного, вынесла с поля боя в марте сорок второго года. Не знаю, была ли это моя мать или ее однофамилица, но то, что все они заслуживают доброй памяти, любви и преклонения, в этом у меня сомнений не было и нет. И если вы, фронтовик, сохранили такие же чувства к своей спасительнице через сорок с лишним лет, то ваши дети и внуки могут поистине гордиться вами. Примите же и от меня низкий поклон и глубочайшую благодарность за пронесенные вами через годы столь благородные, подлинно святые чувства».

Николай Алексеевич замолчал. Письмо на его ладонях шевелил ветерок, и оно словно бы дышало, как живое. А Максим, будто досадуя на свою минутную слабость, смахнул слезу и опять крепко прижал к себе свояка единственной рукой.

— Хорошо написано, Коля,— сказал он.— Хорошо... Если слово так проникает в душу, значит, оно идет от чистого сердца... Он прав, сын этой Таисии, может быть, его мать и не та женщина, что ты всю жизнь искал, но это она. Сколько бы их ни было на фронте — она всегда одна такая...

На бугорке, поросшем пахучей полынью, у самой реки они сидели долго, до самого заката. Сидели молча, закрыв глаза, покуда солнце не скрылось за кромкой леса вдали и не заскользили по густым, неподвижным облакам то золотистые, то ярко-красные сполохи. А им казалось, будто за речкой и лесом рвутся снаряды и ветер гонит от воды не сизый туман, а темные дымы разрывов. И девушка в обмякшей шинели с тяжелой сумкой через плечо, сама раненная, тащит и тащит на плащ-палатке стонущего солдата, и на измятой траве светятся капли крови — следы и через сорок лет не затихшего боя.

строка в продовольственную программу

О СОВХОЗЕ, МОЛОКЕ

Набирают здоровья...

И ДИРЕКТОРЕ

З. КРЯКВИНА,
фото С. ПЕТРУХИНА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Совхоз «Уйский» — один из лучших в Челябинской области. Коллектив награжден Памятным знаменем ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС. На совхозном знамени — орден Ленина. Четверть века возглавлял хозяйство Герой Социалистического Труда Григорий Федорович Дейнеко, преданный земле, как родной матери, человек. А сейчас директором его сын Евгений Григорьевич. Совхоз по-прежнему идет в гору, о нем наш рассказ.

Человек, идущий рядом, молод, энергичен. В его рассказе чувствуется уверенность в себе, увлеченность делом. Это директор совхоза Евгений Григорьевич Дейнеко.

— Край наш суров,— говорит он.— Урал! Глубоки корни здешних селян, а вот приезжим одной романтики маловато. Приезжему подай все блага сразу, он ценит реальные городские удобства. Ему нужна квартира, и чтобы палисадничек под окнами... А в селе строить, ой, как нелегко! Строителям не хватает то цемента, то шифера, то кирпича, то самих строителей нет... Судите сами, у нас в хозяйстве четырнадцать деревень, несколько тысяч жителей. Почти каждой деревне нужны и детский сад, и клуб, и магазин, и баня. Понятно, когда быт налажен, на душе у человека спокойно. И спросить с него легче...

Поселок Мирный — центральная усадьба совхоза «Уйский». Широко распахнута улица. По-зимнему чистая, белая. Работники совхоза живут в разных домах — в одно- и двухквартирных коттеджах и в многоэтажках. Но и с огородами связи не порывают: за поселком так называемые дачи, их уже более трехсот. Кто хочет — разводит сад, сажает огород, выращивает цветы. А сразу за кирпичными многоэтажками — сараи для скота. Держат гусей, кур, поросят, коров. Вот подробность. Каждый второй совхозный двор имеет корову. Молока от личных коров за прошлый год надоили столько, что смогли и государству продать более четырехсот двадцати тонн. Это самая большая цифра в Уйском районе. Да на мясо сдали больше полутора тысяч бычков и свиней. Вот что значит несколько соток земли под окном.

— Особая забота у нас о молодежи,— продолжает Евгений Григорьевич.— А молодежи в совхозе много. Каждый год играем до восьмидесяти свадеб, а ребятишек рождается сто тридцать и даже больше. В Соколовке, Никольском, Заозерном и других деревнях ставим для молодоженов дома. Многие юноши и девушки, окончив институты либо техникумы, возвращаются на родину.

Любовь Мурзина — выпускница Троицкого ветеринарного института. Вернулась в совхоз, замуж за шофера — бывшего одноклассника — вышла, и тут же новой семье вручили ключи от дома: вселяйтесь, устраивайтесь...

Гордость совхоза — школа. Нарядное — белое с красным орнаментом — трехэтажное здание. Десятилетка в Мирном базовая. Совхоз над ней шефствует, дает нужные машины, покупает станки. А школьники в летние каникулы работают на полях и фермах. Старшеклассницы обслуживают полсотни коров, а мальчики помогают ремонтировать технику, вместе со старшими возводят дома.

Налажено в совхозе и медицинское обслуживание. Чтобы получить врачебную помощь или больничный, не надо ездить в райцентр — в поселке своя поликлиника и стационар на пятьдесят коек. Ежегодно шестьсот человек лечатся и отдыхают в совхозном профилактории.

Угодья совхоза раскинулись на огромной площади — сотни и сотни квадратных километров. Местность живописная. Куда ни глянь, сбегают по отрогам Уральских гор березовые рощи, а в низинах озера, пруды да речки, вдоль которых заиндевели раскидистые ивы. Там и тут белеют валы вспаханного снега. Капризен здешний климат, через год в районе засуха... Но уральцы не сетуют на климат, а всячески стараются противопоставить стихии агротехнику и организованность: мелиорируют земли, расширяют поливные сенокосы и пастбища.

— И все это для нас, животноводов, для наших подопечных,— сказал главный зоотехник совхоза Иван Андреевич Дорожкин.— В любую зиму скоту хватает кормов. Иной раз и с соседями делимся. А ведь у самих восемнадцать тысяч голов крупного рогатого скота. Почти треть районного стада. Только коров шесть тысяч! И надои молока выше всех в районе. Мы успешно справились с четырехлетним заданием по производству молока, с планом продажи мяса.

— А как идут дела сейчас?

— Хорошо идет и нынешняя зимовка. Большинство ферм плюсуют к прошлому году. Надо бы нам в год XXVII съезда партии повыше подняться. Повыше всех планов, что мы себе составили и что нам сверху спустили. Пока идем впереди намеченного.

В «Уйский» нередко приезжают за опытом. Многих интересуют здешние откормочные площадки — открытые, где животные стоят под навесом.

— Когда кормов вдоволь, мороз уральскому скоту не страшен,— поясняет главный зоотехник.

— Судя по виду животных, кормят их хорошо.

— Душистого сена, сенажа, травяной муки они получают достаточно. Правда, как и в других местах, животным не хватает белков. И потому мы сегодня озабочены не столько количеством, сколько качеством кормов, стараемся побольше заготовить корнеплодов.

Вдумчиво ведут в хозяйстве и племенную работу. Долгое время держали коров в основном симментальской породы, а ее возможности на Урале ограничены. Более продуктивна в этом климате черно-пестрая порода. Но такая переориентация требует немалых хлопот, а главное — средств. В совхозе все равно пошли на замену стада. И вот через несколько лет доярки стали надаивать от коров-новоселок в полтора раза больше.

Нынешний руководитель по натуре деловит, принципиален и требователен. О своей работе говорил так:

— Мне всегда нравилось и село, и сельское хозяйство. Отец был примером. Когда окончил школу, без сомнений поехал учиться в Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства. Потом работал главным инженером. В двадцать восемь лет стал директором.

Евгений Григорьевич делится хозяйственными заботами, планами:

— Будем строить плавательные бассейны в школе и детских садах, заасфальтируем все улицы во всех деревнях, подведем каждому газ, и о строительстве роддома надо подумать...

...Лучшее совхозное отделение — Булатовское. Ездили и туда. С утра мело. Мороз хваткий, около тридцати градусов. А жизнь на ферме шла своим чередом. Под крышей в уютном тепле коровы вкусно хрупали пахучим сеном. Доярки только что закончили дойку, собрались в красном уголке. Разговор о житье-бытье. Приятно слышать, что люди довольны. И зарплата изрядная, и условия работы хорошие: есть где переодеться, покушать, отдохнуть.

— Дважды в неделю приезжает автолавка, бывают и работники совхозного Дома быта. Как перешли на двухсменку, женщины стали больше внимания уделять дому, семье, воспитанию детей,— рассказывает доярка Аниса Анваровна Искакова.— Сын мой третьеклассник Вазир лучше учится, то я дома, то муж, он у меня скотник на нашей же ферме, уроки проверяем засветло...

— А как двухсменка сказывается на надоях?

— Весьма положительно. Каждая из нас выбрала себе по нраву и характеру напарницу, друг другу доверяем. Я работаю с Масурой Хамзеевной Биккуловой. Мы с ней одинаково за дело переживаем. Встретимся, один разговор: сколько наша любимица Зима дала да хорошо ли другие коровки едят, молоко прибавляют. По десять литров в день сейчас надаиваем. Всего на литр отстали от наших передовичек Бибизады Мухаметжановны Мулдабаевой и Фатимы Гизатовны Кульмухаметовой, а они давно к четырем тысячам подбираются...

В совхозе есть и трудовые династии. Вот семья механизатора Героя Социалистического Труда Михаила Александровича Небылицына. У него и братья уважаемые, слесарных дел мастера — Петр и Василий. Отец привил всем троим любовь к технике. Телятница Мария Евфстафьевна Воробьева работает давно, награждена орденом «Знак Почета». И две дочери пошли по ее стопам...

Одна из улиц в Никольском.

В столовой совхозного профилактория.

Веттехник Иван Иванович Савин: — Хорошо ли чувствуют себя малыши!

В одной из таких славных семей я побывала. Все Нафиковы были в сборе. Мать хлопотала у плиты. Сагида, сидя у теплой печки, вязала носки, Минсылу гладила белье, а младшая дочь Фатима играла с племянником. Сама Зайтуна Рафкатовна проработала на ферме без малого тридцать лет. Труд доярки тяжел. Кроме понятных радостей, были и огорчения. Но мама все равно довольна, что три дочери профессию как бы унаследовали. И работают под ее крылышком.

Сагида посетовала, что была дояркой, а ее назначили помощником бригадира дойного гурта. Конечно, и теперь справляется, но сердцем к буренкам тянется, да и зарплата несколько меньше, чем у доярок...

— Но ведь дояркой работать сложнее?

— Может быть, ферма у нас небольшая, корма вот приходится нередко вручную раздавать, погрузчики не проходят, а средств малой механизации пока нет, но все равно лучше уж делать то, к чему душа лежит, тогда и польза больше, и радость от работы испытываешь.

Позже, когда у меня зашел об этом разговор с главным зоотехником, я спросила Ивана Андреевича, почему на житарской ферме корма раздают вручную.

— Есть у нас таких несколько маленьких ферм, помещения старые, и наши кормопогрузчики не могут в них работать: размеры не позволяют. А мелких раздатчиков у нас нет, да и не только у нас — малая механизация нужна многим хозяйствам. К сожалению, промышленность наша отстает.

...В музее совхоза каждый видит, осознает, какой нелегкий путь проделало хозяйство более чем за полвека. Совхоз основан в 1929 году на пустом месте. Машин не было, мало было стройматериалов. Грузы со станции Миасс возили на лошадях и волах. Кирпич — редкость! Из него только печи клали... Леса взять негде было. Первое совхозное жилье ладили из камыша и соломы. Из самана смастерили контору, потом больницу, гараж.

Одна из первых строителей совхоза, пенсионерка, Анна Георгиевна Плотникова вспоминает: «Жили в палатках. По вечерам костры разводили, большие, горячие. Соберемся, бывало, у костра все вместе, полураздеты, полуобуты. Песни поем! О будущем мечтали. Знали, что начнется жизнь счастливая...»

...Совсем современная совхозная улица. А когда-то здесь стояли палатки... Как много сделано! Мечта первостроителей переплелась с явью.

Известная узбекская советская поэтесса ЗУЛЬФИЯ пришла в литературу в начале тридцатых годов. От первых поэтических сборников, «Страницы жизни» и «Песни девушек», до книги стихов «Строки памяти» и цикла «Радуга», удостоенных Государственной премии СССР,— таков ее творческий путь.

В центре лирической поэзии Зульфии — образ узбечки, советской женщины-труженицы, ее место в семье и общественной жизни страны.

За большие заслуги в развитии советской литературы, активную общественную деятельность и в связи с 50-летием Союза писателей СССР поэтессе присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Активная участница Афро-Азиатского движения писателей, Зульфия встречает свой юбилей в расцвете творческого дарования. Редакция сердечно поздравляет поэтессу и публикует ее новые стихи.

ЗУЛЬФИЯ

Костер горящий

ОСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ

Впивая по пути неспешно струи света,
Нисходит вечер в сад,
И листья — как стихи, что сотворило лето,—
Размеренно кружат.

Свой собственный пожар — у дерева любого.
Поют костры вокруг,
Как будто их огонь Бетховен некий новый
Переложил на звук.

Пылает высоко черешня в гуще сада.
Дрожит ее костер
На мне и на лозе... На кисти винограда,
Не снятой до сих пор.

Все блещет, все горит... Лишь липы и чинары,
Как прежде, зелены,
Они готовы снесть лихой судьбы удары,
Как вдовы в дни войны.

Напоминает сноп сияющих колосьев
Подвязанный гранат...
На каждом деревце горит и блещет осень
На свой особый лад.

Поет-звенит арык... Как в юности когда-то,
Светла его вода.
А ветер донесет знакомый запах мяты —
И вновь я молода!

Смешались облака и солнце воедино,
На небе — мрак и свет.
Легчайшая летит на землю паутина —
Осенних птиц привет.

Средь осени весной пахнуло благодатно,
И так легко дышать,
И кажется сейчас, что ласточка обратно
Спешит в гнездо опять!

До ночи далеко. Полоскою багряной
Заря еще видна,
А в небо поднялась негаданно-нежданно
Прохладная луна.

НЕ ПОЙ О РАЗЛУКЕ

Гюльгине Закировой

О разлуке не пой.
Я всю жизнь о ней пела, Гюли!
Нет той ноты печальной, какую бы взять
не смогла я.
Мы с разлукой бок о́ бок
сквозь долгие годы прошли.
Это тягостный путь...
Не ступай на него, дорогая!
О разлуке не пой, Гюльгина!
Что меня повторять?!
Крик отчаянья краток,
а сердце навеки разбито.
Вся душа исходила слезами
опять и опять...
И ни люди, ни бог
не смогли меня взять под защиту.
Ты — избранница счастья.
Ты так молода, Гюльгина!
Голосок твой прозрачный
пленительно-сладок на диво.
Ты для радостей жизни,
для светлой любви создана.
Обрекать на печали тебя?!
Это было бы несправедливо!
О разлуке не пой:
голос твой — как весенний рассвет,
А лицо твое — лотос,
и светит, и свежестью манит.
Будешь петь о разлуке —
поблекнув, утратит свой цвет
Твоя нежная кожа, как лист пожелтевший,
увянет...
Что с тобой, Гюльгина?!
По щеке твоей шелковой вдруг
Покатилась слеза.
Не для слез эти очи газели!
Неужели весеннее солнце
в арыке порою разлук
Отраженье свое вдруг отыщет?..
Скажи, неужели?
Разбирая наследье всех любящих,
я поняла:
Слезы, жизнь ослабляя,
рождают тоску и усталость.
И все горе свое без остатка
я в песни влила,
Чтоб идущим вослед
ни слезинки одной не осталось!
О разлуке не пой!
Пой о счастье свиданья, Гюли!
Пой да так, чтобы льды заблистали
цветением сада,
Чтобы счастья звезда
всем сияла вблизи и вдали,
Чтобы алые маки
на девичьих лицах цвели...
О разлуке не пой, Гюльгина!..
О разлуке — не надо!..

О ЗАВТРА — ПРЕКРАСНОЕ ЧУДО МОЕ!..

Вскипели силы, уподобясь лаве,
Пробили немоты моей заслон,
Миг-молния испепелила сон,
Передо мной предстало чудо въяве:
Где тихо вял
Заката бледный цвет,
Вдруг запылал
Сияющий рассвет.

С потоком чувств я страстный спор веду.
Огнями брызнув, алое светило
Песнь грустную мою преобразило,
На новую подняло высоту.
И видится мне с высоты чудесной:
Метанья сердца больше неуместны,
Как в тихий час
Цыган безумный пляс.

Зари нежданной полнозвучный свет
Явил мне путь, избра́нный с юных лет.
Но сердце! — мы его и не теряли,
Ведь вера и надежда нам сияли
В круженье счастья, в половодье бед...

И вот ты здесь, ты снова у меня,
Ты — искорка блаженного огня,
Весны моей желанная отрада...
О чудо Завтра! Снова ты со мной!
И ты еще прекрасней, чем весной,
Сейчас, порой осенней листопада...
Не уходи!
Навек со мной пребудь!
Гори в груди!
И раздвигай мой путь!
Благодаренье тебе, мгновенье
Безмерной щедрости и вдохновенья!

Пусть светоч у́тра от меня далек,
Он не погас — тот чистый огонек,
И ныне снова разгорелось пламя.
Пью на лету пыланья волшебство,
Всю теплоту дыхания его
И снова пла́чу сладкими слезами.

О Завтра! Твой приход — как светлый дар.
Ты разожгло высоких чувств пожар.
Надежду сердца, что страдать устало,
Дай силы мне свершить мои труды
И от последней огради беды,
Покамест песни я не дописала.

Пускай не петь мне больше о любви —
Неповторимы те паренья в небе! —
Но ты другой мне указало жребий:
Восславить жизнь, как некогда Лутфи,
Сто лет не устававший быть поэтом...

Явилось ты, и осень стала летом,
На всем вокруг — лучи твоей зари,
Блаженство все полней, все неизбывней...
Дары твои отнюдь не пузыри,
Блеснувшие в воде во время ливня...
Не угасить их и не затемнить,
Ты длишься, словно общей жизни нить...

Ты появилось, и пропала вялость.
Строка опять упруга и свежа,
Былых сомнений тени не осталось.
Взамен смиренья — пламень мятежа.
Не стану больше старости страшиться!
Часов и дней мне не опасен бег.
Мой каждый день — как новая страница
Той книги, что зовется «Человек».
Благодарю!
Я вновь окрылена,
Просветлена,
Я людям вновь нужна.

Я вновь — среди творящих, вольных, сильных...
Судьба опять мне разожгла светильник.
Он то внезапно выйдет из-за чаши
И обольет лучами все вокруг,
То вдруг приблизится, как старый друг,
Испытанный годами, настоящий,
Тот друг, который смотрит без конца —
Нет, не в черты осеннего лица! —
А глубже: в сердце — мой костер горящий.

О Завтра — воплощенье Красоты!
Надежда, совесть, вдохновенье — ты!
Мое служенье избранному делу!
Та боль, что стала Истиной, Добром!..
Позволь мне описать тебя пером!
Оно, как говорят, не поседело!

О Завтра! Вопреки своим годам
За все тебе, прекрасное, воздам
Словами, что пылают, не сгорая.
Тебя, как солнце, в небо вознесу:
Да видят все бессмертную красу
Непостаревших душ родного края!

ВЕСНА ПРИШЛА

Нет больше клетки ледяной!
Взлетели из темницы
И закружились над землей,
Заговорили птицы.
К Земле рванулись небеса.
Спешат ее обнять.
А это значит, что весна
Вернулась к нам опять.

Смотрите — нынче стар и млад
Идут легко и споро.
Надели праздничный наряд
Леса, поля и горы.
Одежда луга зелена,
В ней впору танцевать...
И это значит, что весна
Пришла, пришла опять.

Привстали камни вдоль дорог:
Они встречают гостью.
А ветерок, а ветерок
Бросает полной горстью
Любви и счастья семена...
Эй, люди, не зевать!
Спешите, люди!.. Ведь весна
Пришла, пришла опять!

Дары весенние щедры:
Сладка и широка
Из груди матери-горы
Молочная река.
Как снег, сверкает белизна.
А снега не видать...
И это значит, что весна
Вернулась к нам опять!

Земля, чреватая добром,
На солнце дремлет сладко.
Дехканам нрав ее знаком,
Изучена повадка...
Вот-вот прервется тишина,
И на деревьях — глядь! —
Пробьются листики... Весна,
Весна пришла опять!

И снова — ласковы лучи,
И небеса — бескрайни.
И снова меж кустов в ночи
Зашевелятся тайны...
И будут звезды без числа
Влюбленным повторять:
«Весна пришла, весна пришла.
Весна пришла опять!»

Пришла весна, пришла весна!
Она для всех одна!
Над всеми смертными властна
В любые времена!
Она — богиня доброты,
Губительница зла...
...Весна! Я счастлива, что ты
Опять сюда пришла!

И все же мужество готовь:
Ты встретишь много горя.
И днем, и ночью льется кровь
Среди иных нагорий.
Бросают люди край родной:
Им надо жизнь спасать!..
Весна, верни их всех домой!
Ведь ты пришла опять!

Как хорошо, когда в ладу
Весь мир: Земля и люди!
Правительства! Прошу вас! Жду
И требую: да будет,
Да будет даль для всех ясна!
Эй, пушки! Не стрелять!
Довольно зла! Пришла весна!
Пришла весна опять!

Пускай пойдут на дно суда,
Груженные оружьем!
Пускай минует нас беда!
Нам, людям, отдых нужен!
Весна пришла, и мы весной
Не смеем забывать,
Что все, убитые войной,
К нам не придут опять!

Перевела с узбекского Ю. НЕЙМАН.

интервью «огонька»

ПРЕДИСЛОВИЕ К ФИЛЬМУ

Е. МАТВЕЕВ, народный артист СССР

Читатель хорошо знаком с политическим романом Александра Чаковского «Победа», завоевавшим многомиллионную аудиторию. Но, думается, не меньшую аудиторию соберет и фильм Е. Матвеева, поставленный им по этой книге. Включая, несомненно, и тех, кто знаком уже с литературным первоисточником. А те зрители, которые не читали до этого книгу, обязательно обратятся к ней, причем с удвоенным интересом. Ибо, хотя фильм и книга повествуют об одном и том же, они произведения разные. Касаются они конкретно каждого из нас, адресуются к миллионам и миллионам. Иначе и быть не может, если перед нами произведение политического искусства.

Конечно, нужна была смелость режиссера, нужна была его уверенность в том, что своим фильмом по столь известному и популярному роману он сумеет открыть зрителям нечто новое, необходимое им. Сумеет сказать свое слово. Теперь, когда фильм уже готов, когда он на пути к экрану, можно с уверенностью сказать, что и риск этот, и смелость, и мужество, и даже дерзость художника оправдались сполна.

— Для меня обращение к политической теме закономерно. И прежде всего потому, что вне политики искусства не бывает. Все, что я делал до этого в кинематографе как актер и как режиссер, если это даже впрямую не декларировалось, носило открыто политический характер. Все требовало отчетливо выраженной гражданской, партийной позиции. Иначе и быть не может, если художник хочет говорить о судьбе человека как о судьбе народной, если он стремится выразить дух народа, его жизнь. Разве не такова судьба Захара Дерюгина из «Любви земной» в высших ее проявлениях, судьба человека, ставшего по зову Родины ее защитником, «человеком с ружьем»? Разве не такова судьба Тимофея Шаповалова из дилогии «Высокое звание», бывшего прапорщика царской армии, ставшего маршалом Советского Союза? Разве не таковы герои картины «Особо важное задание», ковавшие нашу Великую Победу в тылу? Все они, если говорить образно, люди одного костра. Все они, несмотря на свою разность, выражают народный дух.

Война для меня не фон, не драматический материал, она была судьбой нашей. И моей тоже. В восемнадцать лет я командовал взводом, закончил войну старшим лейтенантом. Многих товарищей недосчитались мы после войны. И нет для меня темы выше и значительнее, чем тема войны и мира. Прикасаясь к этой теме, чувствуешь с особой остротой и свое единство с народом, и свою принадлежность к нему. Она объединяет в художнике любовь к жизни, к Родине и ненависть к тем, кто хотел бы повернуть колесо Истории вспять, раздуть пожар новой мировой войны.

Каковы эти мирные сорок лет после нашей Победы над гитлеровским фашизмом, были ли они такими уж мирными и спокойными? Нет. Они потребовали героических усилий народа. Объявленная империалистами «холодная война» сразу же после поджигательской фултонской речи Черчилля в любой момент грозилась превратиться в горячую. Известно, что вскоре после Потсдамской конференции, после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки наши бывшие союзники уже вынашивали агрессивные планы атомной войны. Им хотелось бы заставить свои народы забыть горькие уроки истории, затуманить сознание миллионов людей ложью о мнимой «советской угрозе». Бывая за рубежом, в разных западных странах, особенно ощущаешь, какое море лжи обрушивает на головы простых людей буржуазная пропаганда, как жадно ловят они каждое слово истины.

Помню, мы привезли в США фильм «Бешеные деньги». Вышли представлять нашу картину перед огромным настороженным зрительным залом, и я сказал: «Мы тут такого наслышались по вашему телевидению и радио о нашей стране!.. В газетах только и пишут о «советской угрозе», о том, что «русские идут»... Так вот, мы и пришли к вам — с картиной по комедии нашего замечательного драматурга-классика!..» И зал ответил смехом, овацией!..

В западных странах есть немало здравомыслящих людей, не желающих новой войны. Телевизионная хроника показывает нам каждый вечер их лица, их демонстрации протеста, их мирные марши. Но я убежден, что искусство может и должно сделать больше, чтобы вселить в сердца людей мужество бороться с теми, кто готовит войну. Вот почему я и обратился к роману Чаковского «Победа». Вот почему все мы, кто имел отношение к этой картине, работали ежедневно, без выходных, по полторы смены. Важно было успеть сделать фильм к 40-летию Великой Победы. И слова: «Показать Правду... Правду не оболгать!» — стали для нас главными, все объединяющими в нашей работе. Нам хотелось напомнить своим фильмом уроки недавней истории, но мы обращаемся в нем и к современности, и к будущему.

...Да, в фильме Евгения Матвеева «Победа» нет эпизодов, повествующих о войне, только что закончившейся, но есть кадры кинохроники, возникающие на полиэкране. И это раздвигает рамки киноповествования, делает его полифоническим, вбирающим действительно разные времена. Кадры кинохроники становятся как бы режиссерским контрапунктом, позволяющим нам видеть «игровые» эпизоды (в том числе и построенные на документах) в разных отсветах времени. Мы видим мирное небо над Потсдамом, лица бывших солдат, озаренные радостью Победы и надеждой, что с войной покончено раз и навсегда, и зарубежную хронику о подготовке новой войны, о предательстве наших бывших союзников...

И, конечно же, в центре картины — эпизоды Потсдамской конференции. Те из них, которые с протокольной тщательностью восстанавливают на экране заседания глав стран-победительниц, смотрятся с неослабевающим, захватывающим интересом. Конечно же, здесь главное — удачно подобранный актерский ансамбль, которому оказалось под силу показать и подлинные характеры исторически конкретных лиц, и весь драматизм политической битвы идей. Думается, искушенный зритель может подметить, что не все и не всегда совпадает в этих образах с теми представлениями, которые сложились у нас. Что Черчилль Георгия

Кадр из фильма «Победа».

Менглета, конечно же, не во всем визуально схож с британским премьером. Но, право же, нам все равно интересно, как раскрывает этот образ актер. А Трумэн на экране в исполнении Альгимантаса Масюлиса оказывается более сочным по краскам и даже более живым, нежели сухой, надменный в своем «бухгалтерском величии» образ 33-го президента США, появляющийся в хронике...

— Мы решились на интересный ход. В фильме рядом соседствуют реальная хроника и игровые эпизоды, причем хроника предваряет появление актера на экране. Как бы мы ни старались, как бы ни хотели при помощи портретного грима добиться полной похожести, экран все равно обнажил бы наши недостатки: ведь рядом кинодокументы! И никак не скроешь, что у нас играют актеры. Так не лучше ли было превратить этот недостаток в достоинство? Не скрывать приема, а, наоборот, подчеркивать стыковку документального и художественного кадра, делая акцент на том, что актер не изображает Правду, а несет Правду того, что было тогда на самом деле. Добиться достоверности — вот что главное, существенное.

...Действительно, Е. Матвееву удалось создать такой ансамбль актеров, которые убеждают нас в достоверности происходящего. И делают это с большой художественной силой. Здесь, конечно же, надо говорить и о мастерстве Рамаза Чхиквадзе (он воссоздает на экране образ Сталина), и многих других актеров.

И все же, если вспоминать актерские работы, в фильме, на мой взгляд, удались образы еще двух если не главных, то, во всяком случае, центральных героев: Чарли Брайта в исполнении Андрея Миронова и Михаила Воронова (Александр Михайлов). Я намеренно говорю об этих двух образах одновременно: в фильме важна именно их совокупность, ибо журналисты — представители той самой профессии, которая и призвана нести людям правду. И если герой Михайлова действительно борец за Правду, ее неустрашимый рыцарь, то Чарли Брайт — человек, оказавшийся на другой стороне...

— Эти образы чрезвычайно важны в картине. Два человека — и два мира, две совести, два отношения к Правде. Даже Чарли Брайт, существующий за счет лжи, понимает наконец, что путь его безнравственный, бесперспективный.

«Вы только не верьте таким, как Стюарт!» — восклинет в финале картины Чарли Брайт. Конечно же, речь здесь не только о его газетном боссе, специалисте по лжи, но и о фарисействе тех, кто, толкуя о сотрудничестве, прикрывал тогда, в Потсдаме, планы атомного шантажа, направленного против мира. Фильм имеет в виду и тех, кто сегодня идет их же путем, возводя ложь чуть ли не в ранг государственной политики.

Вспоминается, как в ходе программы «телемоста» между СССР и США известный советский врач дал послушать биение сердца русского, а затем американца. Они были неразличимы. Планета жива, пока она слышит биение человеческого сердца. Природа дала человеку сердце и разум, способность думать не для того, чтобы сеять рознь, злобу, вражду, безумие войн. А чтобы слышать биение сердца другого человека, другого народа, нести свет Правды во имя процветания мира, во имя объединения всех людей доброй воли на планете.

Беседу вел Б. КЫШТЫМИВ

А. ЩЕРБАКОВ

Фото С. ПЕТРУХИНА

Чем жив танец?

Какое чудо эти народные танцы! Сколько в них неподдельной жизни, сколько искреннего, умного, веселого! Нет, Виталий Николаевич Бутримович нисколько не жалеет, что стал руководителем ансамбля народного танца. Хотя судьба поначалу пыталась вывести его на иную дорогу.

Отец преданно служил балету, мать танцевала в белорусском Большом театре. Как только в сорок четвертом освободили Минск, она с Виталием вернулась сюда. Их поселили тогда прямо в театре: в разбитом, сожженном городе понятие «квартира» существовало лишь в прошлом и будущем.

Виталию жилось в театре интересно. Спектакли будили фантазию, влекли романтикой. Он отчаянно завидовал тем, кто создавал эту волнующую красоту. И, чтоб разгадать ее тайну, вновь и вновь пытался представить себе, что вело на поединок за торжество добра и красоты юного принца из «Лебединого озера», почему так радостно верила в свое счастье Золушка, отчего так трагично краткой была любовь Ромео и Джульетты... Виталий поступил в хореографическое училище, потом в ГИТИСе учился у прославленных Стручковой и Лапаури. Свое будущее видел в классическом балете. Прошел через театр музыкальной комедии, искал себя в театре оперы и балета. А когда ступил на порог зрелости, неожиданно для многих согласился возглавить Ансамбль народного танца Белорусской ССР. Согласился потому, что увидел безбрежный простор для поиска.

Искать, открывать, утверждать! Сумей доказать, на что ты способен! Погляди пристально на требовательного зрителя. Ему преподносят в народном танце и технику, и пластику, и движение, а он, случается, уходит равнодушным, не ощущая той всепокоряющей эмоциональной наполненности, которая живет в истинном народном искусстве.

Виталий Николаевич давно понял, что мало самому проникнуться духом подлинного творчества. Надо, чтоб такой же устремленностью жили все, кого призываешь идти за собой. Бутримович часто пропадает в хореографическом училище, присматривается там, примеряется — кто завтра станет единомышленником, опорой, первооткрывателем? Приглашает на репетиции, предлагает попробовать силы. Идут. Приходят и из других коллективов, приезжают и из других городов, республик. Иные без специального образования, но с удивительным пониманием природы народного танца и фанатичной любовью к искусству. Их берут, хотя требования чрезвычайно высоки и самодеятельного багажа, как правило, мало. Так безоговорочно приняли Лену Гончарову, Люду Жарикову. И рады, что приняли, без них в ансамбле будто чего-то не хватало.

Мастера понимают, что первейшее из условий успеха — хранить родословную танца, не забывать истоки. Каким образом? Ведь смысл и рисунок танца, невесть когда родившегося где-нибудь на Полесье, в деревне на Могилевщине или на принеманских хуторах, сберечь все сложнее. Сохраняющих эту вечно молодую старину остается все меньше, и все дальше они отступают под напором эстрадных мелодий и ритмов, извергаемых телевизорами, магнитофонами, транзисторами. Одному Бутримовичу явно было не под силу ездить, собирать, копить, перерабатывать накопленное. И он ищет союзников в Минском институте культуры, в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук БССР. И вот заведующая кафедрой хореографии Института культуры доктор искусствоведения профессор Юлия Михайловна Чурко предлагает сотрудничество. Ее студенты ездят в экспедиции, разыскивают тех, кто готов рассказать и объяснить биографию танца, показать его в первозданном виде. Студенты записывают, рисуют, снимают. А хореограф-постановщик прикоснется к давно забытому танцу своим талантом, и он оживет, отдаст людям бесценное, необходимое во все времена.

...Танцы танцами, однако им не жить, если их не подымет на своих крыльях музыка, вместе с которой они родились и утвердились. У ансамбля хороший оркестр. А для усиления национального колорита программы художественный руководитель создает из числа оркестрантов фольклорную группу. Инструменты — лира, жалейка, дудка... Закономерно: успехи расширяют круг творцов, готовых умножить победы ансамбля. К его интересам приобщились одаренные художницы-костюмеры Галина Владимировна Юревич из Белорусского театрального общества и Элеонора Викторовна Григорук из мастерских Белорусского театра оперы и балета. И появились костюмы, в которые нарядился танец, которые полнее воссоздали его природную красоту.

Вот так — возрожденный, пронизанный движением, красками, звуками — выходит к народу и начинает снова жить танец, другой... Целый концерт... «Вечеринка в белорусской хате», которая в деревенских декорациях смотрится как своеобразный спектакль, «Неглюбские вечеринки» и «Трепетуха», «Лучинки» и «Веселуха», «Полька «Янка» и «Моталиха»; а рядом с ними в программе «Купальские игры» — хореографическая композиция по мотивам белорусских народных обрядов; композиция по мотивам зимних народных игр «Белорусская метелица», лирический танец «Коханочка», шуточный перепляс «Лявоны», русские «Коробейники», украинский «Гопак»...

— Я люблю стоять после концерта у выхода из зала,— говорит директор ансамбля Василий Васильевич Мартецкий,— и прислушиваться к мнению публики. Прошлым летом мы гастролировали в Якутии. И вот слышу: женщина обращается к другой — та, видно, из наших краев: «Молодцы твои белорусы! Даже не ожидала, что получу такое удовольствие...»

Значит, поиски велись не зря, значит, путь выбран верный!

Недавно Ансамбль народного танца Белорусской ССР с успехом выступал в Ленинграде, потом на Дальнем Востоке, представлял, и весьма успешно, республику на фестивале искусств «Русская зима» в Москве...

Вынашиваются новые номера, обретают первое дыхание вновь открытые танцы. Более всего художественного руководителя занимает сейчас замысел хореографической миниатюры «Белорусский кирмаш». Сохранить в живописных сценах неистребимую праздничность народного бытия, сочность народных характеров, юмор, меткость социальных характеристик — об этом мечтает каждый истинный художник...

Да, путь выбран верный, считают мастера ансамбля. Не слишком ли самонадеянно? Думается, нет. Жизнь рано или поздно все ставит на свои места. Постепенно проходит мода на кричащие пестрые инструментальные ансамбли, на увлечение «индустрией» рока, на слепое поклонение иноземным и доморощенным идолам поп-арта. Растет интерес к искусству классическому, народному, несущему в себе традиции, без усвоения которых человек нищ духом и нередко безлик. И творчество коллективов, подобных белорусскому ансамблю, прибавляет веры в то, что у народного искусства впереди прекрасная пора расцвета.

●

На сцене — Ансамбль народного танца Белорусской ССР: «Полька «Янка» * «Гопак» * «Веселуха» * «Коробейники» * Белорусский танец.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: «Перепелочка» * «Неглюбские вечерки» * «Лявониха».

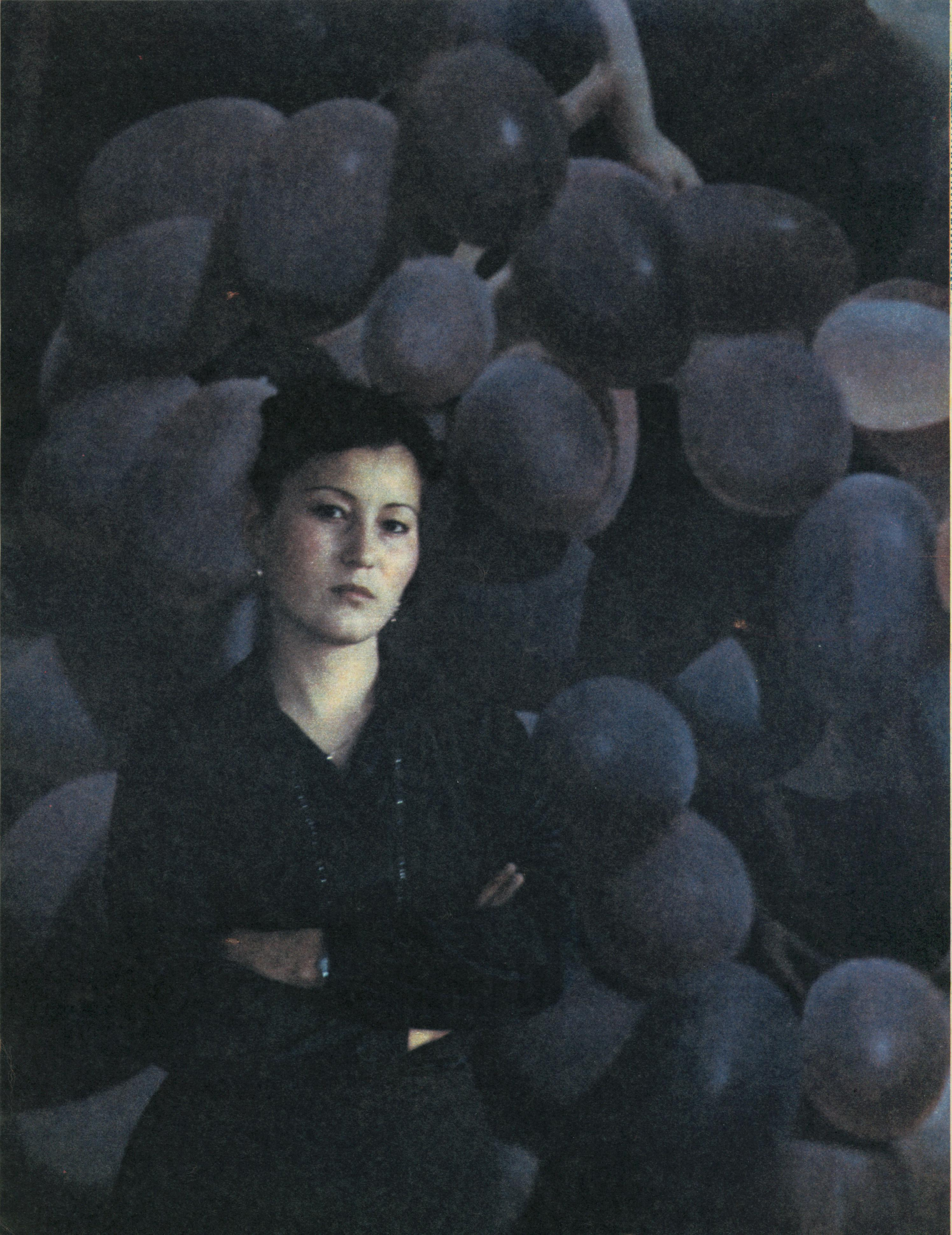

ВСТРЕЧИ, ПОДАРИВШИЕ РАДОСТЬ

**Алексей МАСЛОВ,
специальный
корреспондент «Огонька»**

Звезду Героя Советского Союза он получил за освобождение Будапешта. Сейчас передо мной его фотография той поры. В спокойном взгляде все открыто по-русски: и скромное достоинство силы, не знающей мелочного раздражения, и обаяние искренней, веселой доброжелательности, которая так и просится наружу. Еще кажется, что вот-вот он подмигнет и, прихлопнув, ударит по гармошке голенища широкой ладонью, и покажет изумленной Европе, почем фунт солдатского лиха для русского человека. Он сфотографирован в гимнастерке. Грудь в боевых орденах. На погонах лычки старшины.

Нетрудно представить его в бою: жар раскаленного двигателя, гарь пороха, всплеск выстрела, беспощадностью своей содрогающий всю многотонную САУ; вижу его глаза, полные холодной ненависти, и руки, потемневшие от масла и копоти, тяжелые, сильные руки, ведущие стальную машину навстречу смерчу из той же стали.

Он остался живым, сменив на подступах к Будапешту три самоходки, разбитых прямым попаданием.

Сегодня он ровно на сорок лет старше.

В Краснодарском крайкоме партии мне сказали, что он неразговорчив. Это верно, говорить о себе этот человек не любит. Любит он петь, любит прибаутки и любит... а, впрочем, кто более всего не любит свою Родину. Но «патриотизм — чувство самое стыдливое и деликатное»... И, как сказал В. А. Сухомлинский: «Побереги святые слова, не кричи о любви к Родине на всех перекрестках. Лучше — молча трудись во имя ее блага и могущества». Эту цитату я бы поставил эпиграфом ко всей его биографии...

Докуда хватало глаз, бирюзовое море было заполнено шугой и льдами. Дул плотный бриз.

— Якой из мэнэ артыст,— засмеявшись, сказал он и поднял высокий смушковый воротник старомодного пальто. Эту особенность шутить, переходя на украинский говор, я заметил сразу, еще при первом знакомстве.— Шо ты буровиш?— спросил он незадачливого механизатора.— На якій бис нам твой трактор? Ты спы, та мы на быках управымся.

С техникой он на «ты». До войны работал в совхозе трактористом. Войну прошел механиком-водителем САУ, вернулся домой, и снова — трактора, комбайны...

Когда я спросил его, как он получил Звезду Героя Социалистического Труда, он сказал, что, мол, главное — это товарищи, а если, мол, и была какая его заслуга, то лишь в том, что «чувствовал душу машины и как живую всегда обхаживал ее». «Ну та шо рэкорд? Просто вкалывать надо, не жалея силушки!»

В пятьдесят четвертом году он окончил сельхозтехникум. Работал старшим инженером-механиком одного из кубанских совхозов. В 1959 году Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда Василий Иванович Головченко был назначен директором совхоза «Азовский» Темрюкского района Краснодарского края.

— Директором-то меня назначили, да вот совхоза не было. Были старые, похожие на сарай мастерские, под стать им сельхозтехника и несколько тысяч гектаров целинной земли. У нас говорят: вылей каплю воды, ведро грязи получишь. И на этой земле надо было разбить виноградные плантации. А какой из меня виноградарь? «Ничего,— сказали в райкоме партии,— специалисты помогут. Ты у нас, мол, герой, тебе и начинать».

Вот здесь,— носом боднув свой черный воротник, он указал на берег, обрывом падающий к морю,— стояли четыре десятка мазанок, крытых камышом,— рыбацкий хутор Кордон. Место неплохое. Вот и решили центральную усадьбу здесь поставить. Так и пошло... Однако дует здорово. Поедем отсюдова. Сейчас я тебя с гарной дивчиной познакомлю. Вот ее и фотографируй. Бригадир, молодец, не замужем, красавица. А шо нас, стариков, дэмонстрировать! Якэ з нас украшение?

Зина Куванаева оказалась действительно «гарной дивчиной». Меня поразили ее руки — тонкая сильная ладонь, длинные пальцы.

— Хорошо,— сказала она.— Я только причешусь.

За эти «только» мы о многом успели поговорить с главным агрономом совхоза Владимиром Кирилловичем Алексеенко.

— Здесь у нас работали археологи,— рассказывал он,— и обнаружили сосуды с остатками вина. Выяснилось, что налили его в эти амфоры лет за девятьсот до нашей эры. Тамань — уникальное место для выращивания винограда. Особенно сортов для шампанских вин. «Превратим Тамань в советскую Шампань» — для нас не каламбур, это наша задача на сегодня и на завтра...

— Владимир Кириллович, что это за виноград, который называется «дамские пальчики»?— спросил я, вспомнив про Зину.

— Название его «хусайне белый». Сорт не для наших почв. А вот «пино», «траминер розовый», «фетяска», «алиготе», «мускат»...— это наши сорта. Вообще мы можем предложить 168 сортов вин вместе с коллекцией... А вот и Зинаида Маметовна.

Что значит прическа для женщины! Кто же мне поверит, что эта красавица со своей бригадой собирает свыше 150 центнеров ягод с гектара! А у ее бригады полтораста таких гектаров. Кто поверит, что ее «дамские пальчики» должны совершить до двухсот всевозможных операций, чтобы обеспечить качество урожая? Ну да ладно, пусть не верят!

— Зина, вы меня извините, а сколько вам лет?— спросил я.

— Двадцать два.

Она стояла у стены, у большого панно, на фоне громадной виноградной лозы. Стояла, скрестив руки на груди, и, видимо, ждала от меня режиссерских указаний. Такую я и сфотографировал ее.

Гостиницу, где я остановился, отделяют от моря две улочки. Одна беленькая одноэтажная, вторая тоже беленькая, но двухэтажная. Море... ему всегда надо на прощание помахать рукой.

На этот раз оно казалось седым, уставшим. И, глядя на медленный хоровод развводий и льда, не столько сознанием, сколько кожей неожиданно представил я жестокий холод ледяной воды, фонтаном взрыва встающей передо мной... Сколько, сколько, Василий Иванович, твоих друзей шли в ночь в такую ледяную кашу навстречу своей смерти...

Сколько?..

Старшина В. И. Головченко. 1944 год.

Бригадир виноградарского совхоза «Азовский» Темрюкского района Краснодарского края Зинаида Куванаева.

Фото автора

Этот пожилой житель Сент-Луиса [штат Миссури] пытается найти что-нибудь съедобное в выброшенных пакетах.

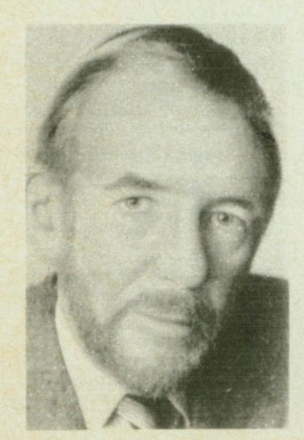
Фото АП—ТАСС

ДНЕВНИК БЕЗДОМНОГО

Джон КОЛЕМАН

Автор «Дневника бездомного» Джон Р. Колеман десять лет, с 1967 по 1977 год, был президентом Хаверфордского колледжа. Он потратил десять лет на изучение проблемы обездоленных в США, часто делая это не совсем обычными способами: копал канавы, работал лоточником, сборщиком мусора, помощником полицейского.

Он президент фонда Кларка — благотворительной организации, которая помогает особо нуждающимся. Чтобы изучить проблему бездомных города Нью-Йорка, он десять дней провел на его улицах как бродяга, о чем и написал дневник, опубликованный в сокращенном виде американским журналом «Ридерс дайджест» в 1983 году.

Среда. 19 января.

Пять часов утра.

Минус двенадцать градусов.

Я стою на пустынном тротуаре возле станции метро «Пенн» и думаю о тех десяти днях, которые должен прожить бездомным. Когда я поднял воротник пальто и натянул поглубже кепку, то сделал это вовсе не для того, чтобы выглядеть заправским уличным бродягой, а чтобы спастись от жгучего, холодного ветра.

Я купил свои «новые» одеяния: фланелевую рубашку, мешковатый, поношенный свитер, рваные штаны, кепчонку и пальто — за девятнадцать долларов. Переодевшись в мужской уборной станции метро «Пенн» и сунув свою обычную одежду в автоматическую камеру хранения, я был готов начать жизнь уличного бездомного бродяги.

В 9.30 утра я прочел экземпляр «Нью-Йорк таймс», вытащив газету из урны с мусором, а потом шлялся главным образом по улицам вокруг станции подземки. Делать было нечего. Я припомнил пословицу, что «праздность приятна только тогда, когда у вас масса дел». Однако эта мысль мало помогала согреться.

Рядом со мной, возле автобусной стоянки «Порт-Аусорити», стоит человек, которого, как я узнал позже, зовут Говард.

— Пройдет зима, настанет лето, и все переменится,—говорит он.— Тогда я возьму какую-нибудь машину и айда на юг, на берег моря. Достану пяток лимонов, сделаю бидон лимонада и захвачу его с собой в машину.

— Можно ли там найти работу таким, как мы с тобой? — спрашиваю я.

— Там, конечно, работа найдется для молодых парней, которые хотят работать,— отвечает Говард.— Но для нас с вами нет ничего. Э-э, я уже давно перестал мечтать о работе.

В половине четвертого дня я решил зайти погреться вместе с другими побродяжками на станцию метро. Через несколько минут явился какой-то полицейский чин и выставил нас всех на улицу. Остались только пустые бутылки из-под пива и дешевого вина.

Один бродяга рассказал мне об убежище внизу, в подвале здания метро. Я отыскал туда дорогу и улегся на старых газетах. Проснулся я от яркого света, ударившего в глаза. Чей-то злой голос проговорил:

— Здесь запрещено спать! Извините, идите на улицу!

Я никак не ожидал услышать слово «извините» в таком месте. Оно тронуло меня до глубины души.

Я вышел на 47-стрит, что между Пятой и Мэдисон-авеню, где, как я знал, на тротуаре есть теплая решетка. Там уже спал один приятель. Он подвинулся слегка, уступая мне место.

Четверг. 20 января.

Рано утром я вернулся обратно на станцию метро «Пенн», чтобы почиститься и умыться над раковиной в умывальной.

После завтрака, обошедшегося мне в один доллар и тридцать центов, я начал слоняться без дела, чтобы хоть чуть поддержать тепло, пока не откроются публичные библиотеки. Из порванного экземпляра «Нью-Йорк таймс» я узнал, что сегодня ночью в городе была самая низкая температура этого года и рекордное число людей (4635 человек) искало прибежища в городских ночлежках.

Я уже заметил за собой начавшиеся перемены. Я шагал намного медленнее, чем обычно. Я не испытывал больше потребности торопиться и переходить улицу на красный свет. Сила привычки все еще заставляла меня время от времени поглядывать на запястье левой руки. Но часов не было, да и какая разница, даже будь они там. Термометр, какая температура — вот что стало для меня более важным теперь.

В девять вечера я отправился к теплой решетке на 47-стрит. Тот человек, который спал в прошлую ночь вместе со мной, был уже на месте. Я спросил его, сколько времени он живет вот так на улице.

— Одиннадцать лет, двенадцатый пошел,— ответил он.

— А вот я всего лишь вторую ночь.

— Вы вряд ли сумеете выдержать столько. Такое по силам не всякому.

Пятница. 21 января.

Бывает, что одни дни приносят больше удачи, другие меньше. Сегодня я нашел двадцать центов в щели телефона-автомата и слушал Баха в исполнении молодого уличного флейтиста на Шестой-авеню.

К ночи на улице снова жутко похолодало. Я направился по привычке к решетке на 47-стрит и увидел, что мой товарищ по несчастью исчез. Решетка оказалась холодной — тепло от нее не шло. Неужели ее выключают по пятницам?! Что же это такое?! Неужто у нас, бездомных, нет никаких прав?!

На Восьмой-авеню была забитая дверь — вход на ремонтируемую станцию метро. Присев на доску, я прислонился к двери и укрылся листами картона.

Ночью меня разбудили два человека.

— Дай нам немного денег. С тебя причитается за ночлег,— заявил один из них.

Я все еще пребывал в полусонном состоянии.

— У меня нет ничего,—сказал я.

— Брось дурака валять!.. У тебя должно быть кое-что, приятель! Давай сюда!..

— Разве я стал бы спать вот здесь, если бы было?..

— Ладно, ладно, давай раскошеливайся. Встань и дай нам!

Я с трудом поднялся на ноги и начал шарить по карманам. Затем резко отпрыгнул в сторону и бросился бежать по улице. Бедняги не погнались за мной.

Суббота. 22 января.

Человек, рядом с которым я сидел на корточках в подъезде дома на 29-стрит, сказал:

— Что за счастье — иметь теплое местечко, где можно поспать! Это и еще кое-что. Например, чтобы кто-то заботился о тебе.

Сторожа сквера на Мэдисон-авеню проходят много раз мимо, и я чувствую, как им неприятно видеть бездомных. Да-а, легко любить людей абстрактно!

Пока что я столкнулся с тремя из своих прежних знакомых. Один служит ревизором-контролером у моего хозяина. Второй — лейтенант полиции внутренних войск. А третий — мой сосед по дому. Никто из них даже намеком не показал, что узнал меня.

Воскресенье. 23 января.

Я вернулся назад к забитому входу в метро, потому что решетка на 47-стрит еще холодная. Ночь страшно морозная. Все, что я хочу, так это согреться.

Понедельник. 24 января.

В половине четвертого дня я, чувствуя, что к ночи еще больше похолодает, отыскал мужскую ночлежку на Восточной 3-стрит. Там главная приемная для лиц, нуждающихся в помощи городских властей. В приют этот каждый день приходят до полутора тысяч человек. Их там кормят, и имеется несколько коек для больных. Мне сказали, что поесть дадут здесь, а ночевать я буду в каком-то другом месте.

Мне довелось видеть много рисунков, изображавших лондонские работные дома и приюты времен Чарлза Диккенса. Сейчас я увидел их воочию в последние годы двадцатого столетия, в самом большом и богатом городе мира, в Нью-Йорке.

Прихожая и смежное с ней помещение были переполнены людьми, стоящими, сидящими или растянувшимися на полу в разнообразных позах. Это было такое сборище потерянных душ, какого я никогда даже вообразить не мог.

Стар и млад, морщинистые лица и гладкие, смердящие и чистые, калеки и здоровые, пьяные и трезвые, говорливые и молчаливые — обломки самых различных миров. Воздух тяжелый от запаха дешевого крепленого вина, мочи и пота, табака и марихуаны — последние господствуют над всем прочими.

Пора встать в очередь, чтобы поесть, а это значит, надо столпиться в помещении, которое можно только сравнить с кормушкой для скота. Какой-то человек с рупором в руках непрерывно покрикивает на нас, приказывая стоять и ждать очереди. Один очень старый и дряхлый (а может, пьяный) человек не в силах держаться на своих двух. Ему помогают сесть на стул, с которого он тут же сваливается на пол. Человек с рупором обрушивается на него с непристойными ругательствами, но они, разумеется, не помогают бедняге.

В назначенный час нас пускают группами по двадцать — тридцать человек в подвальное помещение на обед. Человек с рупором уже там. Он осыпает нас оскорблениями и оптом и в розницу, не останавливаясь ни на минуту, используя раз за разом непечатные слова.

Поднявшись наверх, мы снова ждем в очереди несколько часов, чтобы получить место для ночлега. То и дело вспыхивают ссоры и драки. Один человек вытаскивает из глубин своего пальто длинный нож. Другой в страхе убегает. Вскоре появляется охрана, чтобы забрать буяна с ножом. Спор, разумеется, произошел из-за места в очереди.

Наконец школьные автобусы увозят нас в манеж какого-то военного училища. Там нас встречают военная полиция, социологи и частная охрана. Они пропускают нас через душ (очень вежливо), дают каждому нательное белье и посылают наверх. В помещении, столь большом, что в нем можно спокойно поставить ворота и играть в макси-футбол, длинными рядами стоят койки. Здесь разместилось на ночь пятьсот тридцать человек, и мы вскоре разбредаемся по местам и успокаиваемся.

Вторник. 25 января.

Сегодня меня послали ночевать в «Кенер-билдинг» — здание, находящееся на острове Уорд-айленд. Помещение старое и заброшенное, где еще сохранилась в неприкосновенности атмосфера психолечебницы, которая некогда находилась там. Однако обслуживающий персонал вежлив, комнаты не столь переполнены людьми, простыни чистые и даже есть туалетная бумага.

Среда. 26 января.

Возвращаюсь назад в приют на Восточной 3-стрит на обед. Нет, никогда я не находился в таком положении, столь напряженном каждую минуту и столь безнадежном. Здесь сотни людей, погубленных алкоголем или наркотиками. Чуть меньше, но для меня более мучительно, число людей, разрушаемых ненавистью.

Наиболее отчаявшимися людьми здесь являются молодые полные гнева и ярости негры. Они очень настойчиво требуют, где бы ни находились: «Человек, уважь меня!» И постоянно говорят о том, что их кто-то или какая-то группа давит и притесняет. Большинство драк возникает из-за места на полу, места в очереди, места на койку. Неимущие дерутся с неимущими!

Четверг. 27 января.

Я чувствую и говорю себе, что стал полностью частью этого мира на дне. Я уже замечаю за собой, что стал ходить медленным шагом, опустив плечи. Меня уже не волнует желание быть чистым и опрятным. Потом я вспоминаю, для чего я здесь. Завтра конец. В отличие от своего напарника с 47-стрит я совершенно не представляю, как это можно прожить одиннадцать лет, ночуя на улице, на решетке.

Рано поутру я зашел в ресторан, где обедал довольно часто до этого. Человек за кассой не признал меня.

— Пошел вон отсюда! — закричал он на меня.

— Но у меня есть деньги,— говорю я.

— Ты что, не слышал? Пошел вон отсюда! Убирайся!

— Вон тот человек знает меня,— говорю я и показываю глазами на хозяина заведения, стоящего в глубине зала.

Тот кивает головой.

Если бы я был настоящим уличным бродягой, то я ушел бы из ресторана при первом же окрике. Я настолько потерял уважение к себе, что в следующий раз не решился бы потребовать обслужить меня. Так начался бы виток за витком, уводящие вниз, на дно жизни.

Вечером на Восточной 3-стрит, сидя вместе с другими обитателями «Кенер-билдинга», я осторожно ставлю левую ногу на перекладину впереди стоящего стула, занятого каким-то молодым парнем.

— Убери свою ногу,—сказал он.

Я убрал.

— Извините,— сказал я.

Но поздно. Я посягнул на чужую территорию.

Парень говорит своему приятелю, что сидит рядом, более крупному, более буйному и более сердитому, о том, что я натворил.

Тот оборачивается ко мне.

— Погоди, мы доберемся до тебя сегодня ночью, хорек вонючий! Ты, шакал, поставил ногу на наш стул и развонялся на весь дом. Тебе лучше пойти как можно скорее в душ помыться. Правда, это тебя не спасет. Ночью тебе будет амба!

Я не на шутку перепугался.

На всякий случай я написал свое имя и фамилию, адрес и рабочий телефон на клочке бумаги и спрятал в карман. По крайней мере хоть кто-то будет знать, куда позвонить, если эта угроза осуществится. Я чувствую, что не смогу отстоять себя в такой обстановке.

Спал я урывками. Я не люблю спать, накрывшись с головой простыней, а иначе нельзя — свет мешает.

Пятница. 28 января.

Я встал и покинул «Кенер-билдинг» как можно раньше. Я направился к Дому квакеров, расположенному между площадью Рузерфорд и 15-стрит. Стоя у портика здания на улице, я усердно старался думать, насколько положение, что в «каждом человеке есть частичка бога», применимо к человеку, угрожавшему мне прошлым вечером, и ко всем тем, с кем мне довелось встретиться за эти десять дней, которые я провел на улице. Я, конечно, продолжаю думать, что правило это остается в силе. Но уже не с той категоричностью, как раньше.

Приближается вечер.

Я проскочил две автобусные остановки, добрался до станции метро «Пенн», достал свою привычную одежду из автоматической камеры хранения, переоделся в мужском туалете и поехал на метро домой.

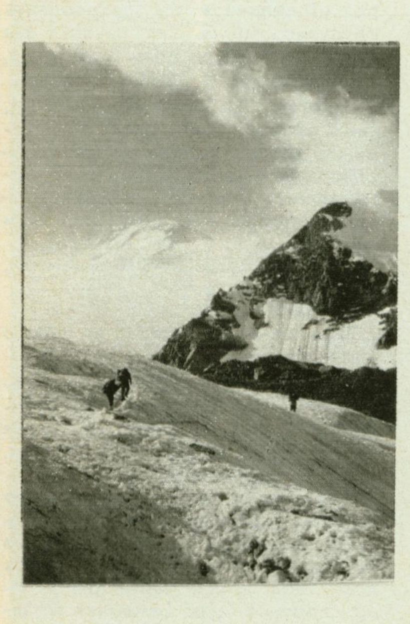
Квартира была теплой, а постель чистой.

Какое блаженство!

Перевел с английского **Н. КОЛПАКОВ.**

БЕЗЗАЩИТНЫЕ ВЕЛИКАНЫ

человек и природа

**Юрий МАКУНИН,
член комиссии пропаганды
Федерации альпинизма
СССР**

В 1983 году на территории столичной новостройки Строгино равнодушным ножом бульдозера срезали две красивые, созданные природой горки, убрали и три островка, украшавших обширный водоем. Ни острова, ни горки никоим образом не мешали строительству. Даже не окрыленная, не подстегнутая дерзостью фантазия могла бы наделить острова и горки полезными функциями. На островах могли бы жить птицы, сюда юные ботаники, ихтиологи могли бы изредка приплывать на лодках. А горки? Они хороши и полезны зимой и летом. Особенно зимой. Такой «стадион» не требует ни копейки капиталовложений.

Мне в разное время пришлось видеть не только московские холмы, но и высочайшие пики горных систем СССР. Побывал я и в Гималаях. Впечатления неизгладимые. Но есть и оборотная сторона медали. Первозданная, экзотическая красота высокогорья все чаще обезображивается грубым прикосновением к ней равнодушных рук человеческих. Обидчиков гор меньше, чем их защитников. Но ущерб от обидчиков очевиднее, нежели заступничество энтузиастов.

Состоят горные системы из предгорий, средних и высочайших хребтов. А крупнокаратными, неповторимыми по самобытности и сиянию алмазами являются господствующие пики. В нашей стране шеренгу таких пиков возглавляют четыре семитысячника: Коммунизма, Победы, Ленина, Корженевской. Рядом с ними — поэма в камне: Хан-Тенгри. Любимец всего мира Эльбрус. Гордый Казбек. Алтайская красавица Белуха...

Кто гостил в Алма-Ате, Фрунзе, Джамбуле (типичные населенные пункты предгорий), тот знает, что сказочные сады и парки, плантации не выживут там и недели без влаги гор. Южное жесткое солнце. Арыки — древние дробители горных потоков — охлаждают и поят все вокруг. В городе Ош летом мокрая майка сохнет на ваших глазах. Постоянно пересыхает и у вас во рту. Но вот вы нагнулись над чистым арыком, смочили носовой платок, покрыли им голову — и жизнь снова прекрасна. Но все чаще в заповедные сосуды примешиваются мазут, атрибуты вторсырья, красители, поднятые человеком высоко в горы и неряшливо израсходованные там.

О космосе компетентнее всех судят космонавты. А о высокогорье, понятно,— альпинисты. Но альпинисты альпинистам рознь. Одних волнует и общественное, и личное. Других лишь последнее... Один никогда не бросит пустую консервную банку на ледник, другой же отмечает свой путь в уникальном поднебесье «нитью Ариадны» из ...хлама.

Многие ветераны горовосхождений говорят, что пора знать всем о проблемах высокогорья.

Добились же мы широкой гласности о бедах Байкала! Ведь сколько статей, книг написано о нем?! К уникальному водоему подобраться, видно, легче.

Аналогия высокогорья с Байкалом напрашивается еще и потому, что ледники и снега горных систем хранят грандиознейшие запасы пресной воды. Приведу для сравнения всего несколько цифр. Водное зеркало знаменитого озера — 31 500 квадратных километров. Общая площадь оледенения Тянь-Шаня—10 000 квадратных километров, Памира — более 8000, Кавказа — 1430, Алтая — 800 квадратных километров. Есть у нас еще и Карпаты, и Урал, и горы Якутии, Севера, Дальнего Востока...

Казалось бы, ледники высокогорья должны иметь право на стерильность хирургической палаты. Но ведь стерильность операционной достигается огромной, напряженной работой специалистов. Ледники же не обласканы пока такой заботой. На Кавказе, Памире, Тянь-Шане я видел высокогорные свалки. Многолетние, многослойные. На уникальном леднике Южный Иныльчек можно встретить бывшие лагеря альпинистов: чайники, ложки, брезенты, канистры с остатками горючего, контейнеры, скобяные товары, книги, газеты, целлофан, пенопласт. Постепенно все исчезает в ледниковой трещине. Перемолотый льдом сор достанется со стаканом воды не нам — нашим потомкам.

В высокогорье оставляют свои «грязные» следы как отдельные лица, так и экспедиции. Прекрасны кристаллы пирита на разломах сланца. Железо, падавшее из космоса на эти сланцы миллионы лет назад, заставляет восторгаться нас сегодня праздничным золотым блеском. Но будут ли радовать ржавым оскалом тысячи консервных банок тех, кто всю жизнь собирается подняться на пятитысячник, а, поднявшись на него, натыкается на кучу использованных емкостей?

Есть на Кавказе сверхпопулярная гора Чегет. Сегодня ее опоясали нити подъемников, действующих и летом, и зимой. Человека, поднявшегося на Чегет в движущемся кресле, не покидает состояние праздника. Вверху же открывается вид на Эльбрус и его соседей... А для горнолыжников, туристов Чегет столь же близок, как дорогой родственник или дом. И что же? Как-то летом на трассе подъемника до хижины «Ай» мы насчитали сотни брошенных бутылок. А ведь это работа восторженных пассажиров «канаток». Насладился ландшафтом, пивом, вином, лимонадом, и бутылка летит на скалы. Активно помогают захламлять горы и местные шашлычники, подрабатывающие на интересе людей к высокогорью.

Возьмем вертолет в горах. Он экономит экспедициям недели, а то и месяцы. Но я видел через иллюминаторы вертолета, с каким ужасом разбегаются при появлении ревущего посланца неба лошадиные табуны, овечьи отары. В еще большей панике обычно бывают дикие туры, снежные барсы. Иногда им прыгать некуда, кроме как в гибельную пропасть.

Могучие двигатели вертолета провоцируют и внезапные обвалы снега, камня. Запретить вертолет никто не призывает. Но мощные машины не должны сотрясать заповедную тишину гор. Там нужны легкие, максимально бесшумные аппараты.

Не предусмотрена пока для высокогорья и санэпидслужба. Но есть безотлагательная потребность в ней!

В 1983 году мне привелось побывать на Памире в Международном альпинистском лагере (МАЛ). Десятки стран посылают к нам сотни любителей наших гор. И в этом смысле МАЛы становятся одними из заглавных потребителей красот отечественного высокогорья. Логично предъявлять и особые требования к такому серьезному потребителю. МАЛы могли бы увереннее задавать тон в налаживании охраны природных богатств высокогорья, его чистоты.

Наши семитысячники не объявлены пока памятниками природы. И не возведены, к сожалению, в ранг национальных парков, где загрязнение преследуется законом. Хотя сделать это нужно как можно скорее. Иначе будет поздно.

Хочется сказать несколько слов и в защиту «карликов». Да, на малых горах наших необъятных равнин нет ледников. Но выгляните зимой во двор вашего жилища: даже двухметровый бугорок облеплен детворой. Ребят не оторвешь от склона ни за какие коврижки. А равнинный лыжник, с какой радостью встречает он склоны на своем маршруте! В нашей стране десятки тысяч малых гор могут дарить людям изумительный зимний отдых. Но эти малые горы нуждаются в обработке, как кусок металла в руках токаря. А прежде всего они жаждут, чтобы их обласкали народнохозяйственным оком ответственные за отдых трудящихся. Здесь кроется пока никем не открытый грандиозный резерв переориентации миллионов людей с летнего отдыха на зимний. Уже сейчас в одном только Подмосковье, на его скромных склонах, зимой отдыхают сотни тысяч горнолыжников.

Малые горы необходимо сделать максимально полезными человеку. За основу надо взять то, что уже давно делают энтузиасты на свой страх и риск.

Майор скомандовал «Смирно!» и доложил вошедшему полковнику, что рота в полном составе собрана для беседы.

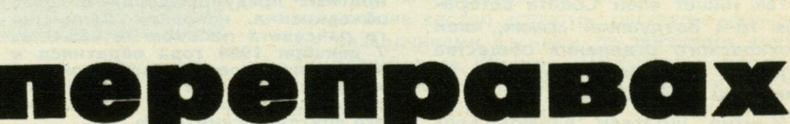
Полковник — высокий, по-армейски подтянутый, с сединой в волосах — поздоровался с суворовцами и разрешил им сесть. Не впервые он, ветеран Великой Отечественной войны, ныне начальник учебного отдела суворовского военного училища, беседует с будущими офицерами, передавая им свой военный опыт, и каждый раз мысленно переносится в далекие годы своей юности.

Когда началась война, Александр Дмитриевич Щеблаков, тогда еще просто школьник Саша, после занятий работал в поле, помогая колхозу, а потом, усталый, вместе с товарищами шел на Волгу. Ребята плавали, ныряли, стараясь как можно дальше проплыть под водой. А на отмели плескались, обдавая друг друга брызгами. И никто тогда не думал, что эти забавы могут пригодиться в серьезном деле...

Александр Дмитриевич окинул взглядом свою юную аудиторию. Те, что поближе, с интересом рассматривали Золотую Звезду Героя на груди полковника.

Герой Советского Союза А. Д. Щеблаков на тактических занятиях. Фото Н. Козловского

40 лет победы

На огненных переправах

А. КИРЮШИН,
П. БУЧЕНКОВ

— Все дальше уходят в прошлое годы Великой Отечественной, но для нас, ее участников, фронтовые события всегда свежи в памяти,— начал Александр Дмитриевич.— Красноармейскую шинель я надел в январе сорок третьего. Пять месяцев учился в Чкаловском пулеметном училище, а потом на фронт.

Слушают ребята и невольно вспоминают последние стрельбы. Тогда начальник учебного отдела первым вышел на огневой рубеж и все мишени поразил с первой очереди!

А рассказ продолжается, и суворовцы мысленно рисуют картины военной поры...

Сержант Щеблаков командовал расчетом станкового пулемета «Максим». В боях за город Карачев расчет отразил несколько контратак противника и уничтожил две вражеские пулеметные точки. Тогда-то А. Щеблаков получил свою первую награду — медаль «За отвагу». И дальше в боях он действовал так, как принято у гвардейцев: «Где гвардия обороняется — там враг не пройдет! Где гвардия наступает — там враг не устоит!» А в сентябре его, восемнадцатилетнего воина, на лесной поляне принимали в партию. Прошло несколько дней, и в окопе на передовой ему был вручен билет кандидата в члены ВКП(б).

Война есть война. В бою за город Городок Александр Дмитриевич был контужен, а потом и тяжело ранен. Почти пять месяцев пролежал он в госпитале. При выписке признали годным лишь к нестроевой службе.

— Гвардейцу — в нестроевую часть?! Нет, с этим я согласиться не мог. С попутным эшелоном уехал на фронт и попал в учебный батальон 67-й гвардейской стрелковой дивизии. Назначили меня заместителем командира взвода автоматчиков, а командиром у меня был лейтенант Александров. Вот с ним-то и пришлось мне окунуться в огненную купель.

Рассказчик остановился, взглянул в окно.

Сейчас на улице зима, а тогда, в середине лета, буйствовала зелень и разгорались бои: набирала силу операция «Багратион». Прорвав оборону противника, 67-я дивизия вышла к Западной Двине. Надо было без промедления форсировать эту водную преграду, чтобы захватить на противоположном берегу плацдарм и обеспечить переправу частей дивизии.

На выполнение задачи был брошен учебный батальон. Плыли через реку на подручных средствах.

Вот и обрывистый берег. Но как мало рядом людей!

Скорее вверх, чтобы там закрепиться и не дать врагу вести огонь по реке! Командир взвода, его заместитель и несколько бойцов рывком преодолели крутизну обрыва и, выскочив наверх, бросились вперед, стреляя из автоматов. Но огонь противника прижал их к земле. Окопавшись в картофельных грядках, советские воины открыли огонь по врагу. Час, другой идет бой между горсткой наших бойцов и противником. Сержант видит, что справа и слева замолкли автоматы товарищей. Подполз к лейтенанту — он сильно ранен и лежит без сознания.

А враг наседает, приближается к реке, пытаясь захватить русского живым. Александр прополз несколько метров вперед и вставил в автомат последний диск. Стрелял короткими очередями, а для себя приберег гранату. Всё! Патроны кончились. Сержант достал гранату... Но выдернуть чеку не успел. Раздалось могучее «Ура»: пока Щеблаков отвлекал противника, рядом переправились два батальона и пошли в атаку.

А на следующий день снова пришлось форсировать реку. Была она не такая широкая, как Западная Двина, но достаточно глубокая. Противник вел такой плотный огонь из пулеметов и автоматов, что на воде была сплошная рябь. А плыть надо. Старший сержант Щеблаков вспомнил детские игры на Волге, нырнул под воду и вынырнул у противоположного берега. Сразу же автомат на изготовку — и длинная очередь по врагу. Восемь фашистов тут же полегло. Так он помог переправиться всему батальону. А вскоре за личное мужество, решительность и героизм, проявленные на огненных переправах, А. Д. Щеблаков был представлен к званию Героя Советского Союза.

— Читаю однажды «Правду»,— продолжает Александр Дмитриевич,— и глазам не верю: Указом Президиума Верховного Совета СССР мне присвоено звание Героя Советского Союза! Через несколько дней командарм вручил мне орден Ленина и Золотую Звезду. Радуясь награде, я понимал: она меня ко многому обязывает. Сорок с лишним лет прошло с той поры, и я, став офицером, старался служить так, чтобы эта награда не потускнела...

Александр Дмитриевич умолк, давая понять, что рассказ закончен.

Суворовцы восхищались своим наставником: еще бы, в девятнадцать лет Герой Советского Союза!

Когда аплодисменты утихли, посыпались вопросы. Разные. Главный из них — как сложилась дальнейшая судьба? А судьба завидная! Успешная, более чем сорокалетняя служба в армии, внимание земляков: А. Д. Щеблаков — почетный гражданин города Данилова, о его подвиге рассказывают экспонаты в музеях истории Великой Отечественной войны в Киеве и Минске, есть о нем строки и в Белорусской энциклопедии.

Киев

РЕШАТЬ НЕ ОТКЛАДЫВАЯ!

Опубликованный в № 51 журнала «Огонек» 1984 года материал «Сохранить для потомков», где говорится о судьбе арбатских особняков, имеющих историческую и архитектурную ценность, вызвал широкий отклик читателей.

«Я фронтовик, ветеран Великой Отечественной, прошедший через грохот и пламя всей войны с июня 1941 года по май 1945 года. Я из того «огненного» поколения, которое своими жизнями и телами преградило путь врагу. Я не могу видеть и молчать, когда спустя 40 лет после войны находятся люди, которые продолжают разрушать памятники нашей культуры!

Кому, как не нам, бороться за их спасение? Если мы все уничтожим, не сразу, конечно, а «потихоньку», что же останется нашим детям и внукам? Как обеднеет и духовно оскудеет их жизнь! Разве те железобетонные коробки, которые мы оставим им в наследство, смогут заменить памятники материальной культуры, переданные нам нашими великими предками?»

Так пишет член Совета ветеранов 16-й Воздушной армии, член Московского отделения общества охраны памятников истории и культуры И. И. Козырев.

Многие читатели задают вопрос: неужели во всем Ленинском районе столицы не нашлось такого места для строительства детского сада, чтобы при этом не страдали сохранившиеся до сих пор исторические постройки? Нет — считает заместитель начальника Главного архитектурно-планировочного управления г. Москвы О. А. Заленский. В ответе редакции он сообщает:

«После длительных поисков территории под районный логопедический детский сад был отведен участок по ул. Мясковского, как отвечающий нормальным требованиям.

В связи с этим в виде исключения было принято решение о сносе дома № 12 строения 1 и 2 по ул. Мясковского, так как приспособление этих строений для нужд детских учреждений невозможно в связи с требованиями ГорСЭС (Городской санитарно-эпидемиологической станции.— Ред.)».

Что же понимает О. А. Заленский под «нормальными требованиями»? Являются ли «нормальными» требования двумя-тремя заходами крана с шар-бабой на стреле уничтожить здание — кусочек нашей истории?

Кроме того, не превращаются ли в правила те «исключения», о которых говорит Заленский? К сожалению, случаи скорого и необдуманного уничтожения старых зданий в районе Арбата, официально объявленного заповедным, стали рядовыми явлениями, вызывающими тревогу общественности.

Еще более «активную» наступательную позицию по отношению к опубликованному в нашем журнале материалу занял исполняющий обязанности председателя исполкома Ленинского райсовета столицы И. С. Горбатенко. Он пишет нам следующее:

«Исполком Ленинского райсовета рассмотрел вопросы, поставленные в письме т. Фокиной В. Н. и статье т. В. Потресова, опубликованных в журнале «Огонек» № 51 от 15—22 декабря 1984 года, и сообщает, что изложенные в них факты искажены (разрядка наша.— Ред.). Дом № 8 по ул. Мясковского сносу не подлежит. После отселения жильцов решением Мосгорисполкома по ордеру № 34947 от 20.09.82 г. дом передан в аренду объединению Центрального коммерческо-рекламного объединения. Проведение консервационных работ по указанному дому не планировалось, так как после получения в декабре 1983 года разрешительного письма УРЗиОЗ ГлавАПУ г. Москвы на производство работ по капитальному ремонту и приспособлению его под служебные цели объединения оно дало обещание исполкому приступить к ремонтно-восстановительным работам в начале 1984 года. В связи с невыполнением обещания, после неоднократных предупреждений в адрес объединения, исполком Ленинского райсовета письмом № 485-Н от 7 декабря 1984 года обратился в Мосгорисполком с просьбой об изъятии дома № 8 по ул. Мясковского у объединения и передаче его другой организации.

Строения 1 и 2 д. 12/9 по ул. Мясковского (в статье дома 10 и 12) расположены на территории, которая рассматривалась под размещение районного логопедического детского сада как отвечающая нормативным требованиям.

Районная комиссия по сносу, председателем которой является начальник отдела районного архитектора Ленинского района т. Чернышенко В. И., приняла решение о сохранении стр. 1 и 2 д. 12/9 по ул. Мясковского. Центральная комиссия подтвердила решение районной, однако в связи с заключением ГорСЭС о невозможности приспособления указанных строений под детские учреждения директивными органами было принято решение об их сносе».

Простите, удивится читатель, какие же «изложенные... факты искажены»? Дом № 8, как и отмечалось в статье, формально вроде бы сохранен, автор этих строк убедился в этом воочию в февральские дни. Но все так же в эту суровую снежную зиму настежь распахнуты окна, оторваны листы жести. Более того, в ответе редакции И. С. Горбатенко уточнил, что дом в нежилом виде, при котором он интенсивно разрушается, стоит по крайней мере с сентября 1982 года, так что остается только удивляться тому, как он еще держится.

Складывается впечатление, что исполняющему обязанности председателя исполкома райсовета Ленинского района до сохранения исторических зданий нет никакого дела: через два года проволочки передали одно из них другой организации — и «с глаз долой». Полностью отсутствует оперативный контроль за судьбой этого исторического памятника, иначе как объяснить, что запланированные на начало 1984 года ремонтные работы не велись вообще? И сколько времени требуется, чтобы отремонтировать крохотный особняк?

«Моя специальность очень далека от истории, но спокойно относиться к сказанному в статье «Сохранить для потомков» невозможно! — пишет доктор сельскохозяйственных наук, профессор Е. Д. Ильина.— Необходимо обеспечить сохранение домов №№ 8, 10, 12 по ул. Мясковского и проверить, нет ли подобных случаев в этом или других районах Москвы.

Известно, что, очевидно, в результате такой недобросовестной «работы» в Москве уничтожено много старинных, ценных в историческом отношении зданий. Сейчас вопрос о сохранении памятников прошлого стоит весьма остро. Сломать легко, восстановить же чаще всего невозможно».

Теперь приведем письмо, полученное «Огоньком» от академика-секретаря отделения архитектуры и монументального искусства Академии художеств СССР известного советского зодчего М. В. Посохина:

«Озабоченность судьбой домов №№8 и 10 по ул. Мясковского, выраженная в статье «Сохранить для потомков», представляется вполне обоснованной. Дом № 8 является памятником истории и культуры, связанным с именем выдающегося литератора и общественного деятеля Н. В. Станкевича. Дом № 10, так же как и дом № 12,— характерное для Москвы здание прошлого века, формирующее облик старомосковской городской среды, представляющей большую историческую ценность.

В технико-экономических обоснованиях реконструкции заповедной зоны Арбат, разработанных управлением «Моспроект-2» ГлавАПУ г. Москвы, предусматривается сохранение этих зданий, реставрация дома № 8 и капитальный ремонт домов №№ 10 и 12 по ул. Мясковского.

Как известно, в декабре 1984 года состоялось специальное выездное заседание московского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, посвященное судьбе домов по улице Мясковского. Принято решение о безоговорочном сохранении дома № 8. В отношении домов №№ 10 и 12 проектировщикам ГлавАПУ г. Москвы рекомендовано разработать предложения по их современному использованию в рамках проектирования реконструкции района, прилегающего к улице Мясковского.

Со своей стороны, считаю, что ГлавАПУ г. Москвы надо усилить внимание к глубокой научной проработке и детализации застройки центральной части города, и прежде всего всех территорий 9 заповедных зон, предусмотренных Генеральным планом Москвы 1971 года, изучив каждый участок и каждое строение, находящиеся в их границах. Это исключит возможные нежелательные ошибки».

Академик архитектуры Михаил Васильевич Посохин ставит очень важную и актуальную задачу: сохранение строений, формирующих соответствующую архитектурную среду, бережное отношение к ценным историческим зданиям. Ведь если будет сохранен лишь дом № 8 по улице Мясковского, он просто-напросто затеряется среди современных многоэтажных домов.

Да и в принципе снос исторических зданий в заповедной зоне совершенно недопустим. Представим себе такую фантастическую ситуацию: в Пушкинском заповеднике решили снести строение пушкинской эпохи и построить на освободившемся месте пионерский лагерь. Любой здравомыслящий человек сочтет такое предположение абсурдным. Так почему же не считается абсурдным, что в заповедных зонах Москвы могут исчезать под ножами бульдозеров дома — свидетели времен минувших?..

И еще одно письмо поступило в редакцию. Его подписал заместитель председателя президиума совета московского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры С. В. Королев. Он сообщает, в частности: «Общественность МГо ВООПИиК неоднократно обращалась с просьбами в государственные органы сохранить застройку заповедных зон Москвы и, в частности, улицы Мясковского.

20 декабря 1984 г. Главным управлением культуры совместно с Государственным управлением охраны и использования памятников истории и культуры было проведено совещание по вопросу сохранения домов, связанных с именем С. Т. Аксакова и предложенных к постановке на государственную охрану как памятники истории (ул. Мясковского, д. 12, строения 1, 2). В итоге совещания было высказано мнение о необходимости сохранения указанных домов и внесения изменений в проект строительства детского сада или же отвод для строительства иной территории.

Эти рекомендации были направлены на имя заместителя председателя исполкома Моссовета И. Б. Бугаева с просьбой пересмотреть решение о сносе, принятое исполкомом Моссовета ранее.

До настоящего времени ответ ни нами, ни государственными органами не получен.

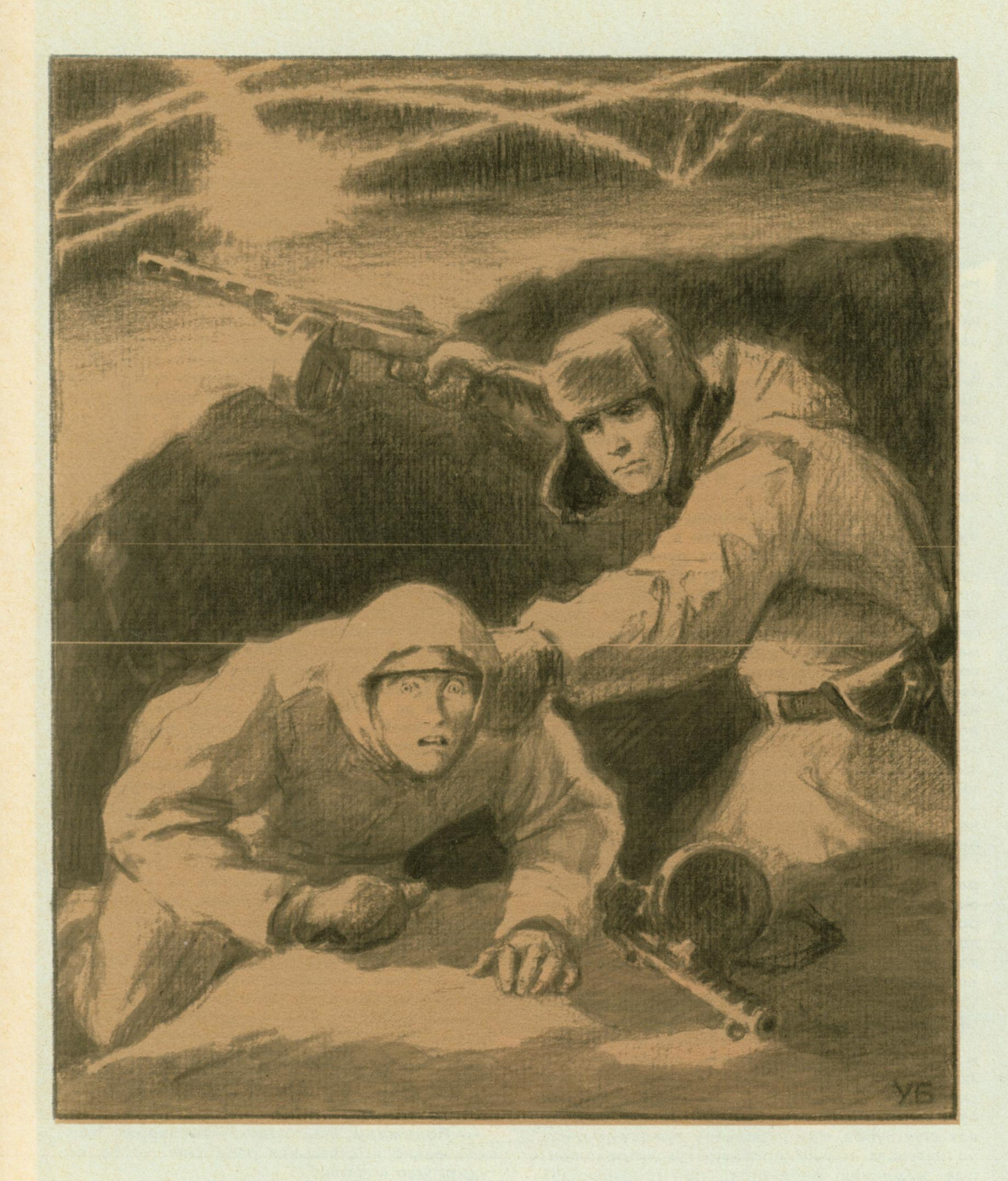
Нами была послана телефонограмма на имя председателя исполкома Ленинского райсовета, а также в районное отделение милиции с просьбой обеспечить сохранность дома № 12 строения 1, 2 по ул. Мясковского вплоть до получения решений по этим домам в связи с тем, что они, как предложенные к постановке на государственную охрану, подлежат охране согласно статье 21 «Закона об охране и использовании памятников истории и культуры».

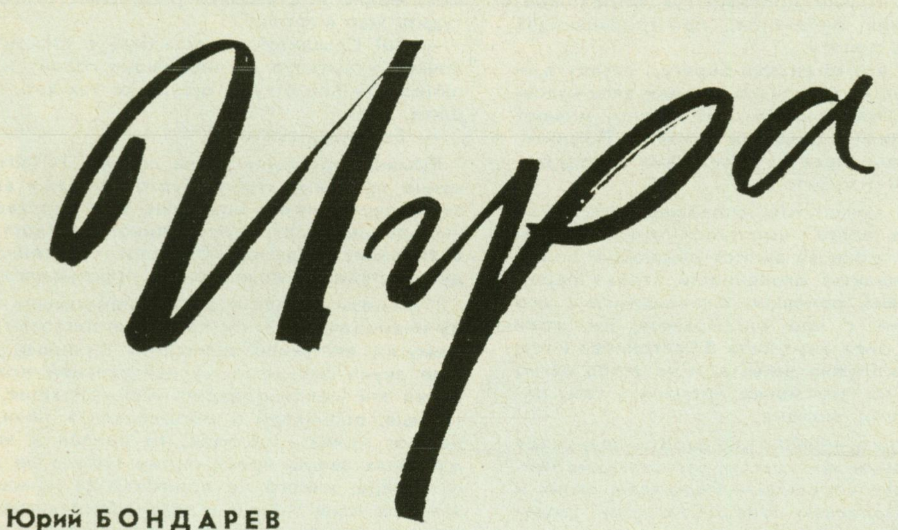
К сожалению, видимо, даже такая авторитетная организация, как ВООПИиК, пока не в состоянии действенно обеспечить сохранение памятников истории в заповедных зонах столицы. Представляется, что принимаемые меры должны не ограничиваться «неоднократными просьбами», а быть в подобных описываемому случаях более решительными.

Пока не поздно, необходимо решить вопрос о сохранении домов на улице Мясковского, передать их действительно заинтересованным организациям и провести в ближайшее время ремонт зданий.

Напрашивается и еще один вывод: в заповедных районах Москвы есть немало проблем, и решать их надо по-государственному мудро и безотлагательно.

В. ПОТРЕСОВ

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки Е. БОНДАРЕВОЙ, А. УСТИНОВИЧА

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В тот момент, когда Крымов услышал крики и выстрелы на том берегу, он понял, что с его разведгруппой случилось непредвиденное.

А он был убежден, что на том берегу надо было по нейтралке двигаться в направлении развалённой и сгоревшей в поле скирды, не сомневался, что оттуда по лощине следовало взять левее, потом выйти в тыл села, где и предстояло группе действовать. Эта уверенность появилась у него после двухдневного и ночного ползания по нашим окопам боевого охранения, после придирчиво-скрупулезного изучения местности накануне разведки, в которую сам по приказу майора Азарова пойти не мог по причине словно бы непростительно легковесной.

Тогда его не столько мучила невыносимая боль от фурункулов на спине, сколько внезапность мерзостной болезни и неудача недавней предновогодней разведки его взвода. После взятия Киева и приостановленного в середине ноября наступления на Житомир дивизия встала в оборону, и началась, как обычно на исходе наступления, неутолимая жажда данных о противнике, о его перегруппировке на правобережье. Начальник разведки майор Азаров, отвечающий за данные, был крайне раздражен тем, что за три дня до Нового года немецкая разведка в метельную ночь выкрала из траншей нашего боевого охранения задремавшего под бруствером часового, что вызвало немедленное наше действие, оказавшееся неуспешным. Выйдя в тыл к немцам, группа Крымова пролежала в снегу вблизи шоссе пять часов безрезультатно. Ни одной офицерской машины, ни одной фуры не проехало той студеной ночью в село, и назад вернулись разведчики голыми, как презрительно определил майор Азаров, не признающий никаких объективных причин. Но целая ночь, проведенная на морозном ветру, в снегу, неожиданно свалила Крымова ломающей болью, высокой температурой, его уложили в санчасть, обнаружив на его спине фурункулы, а он, самолюбиво обозленный на промах взвода, на бессмысленную простуду, еще не случавшуюся с ним на войне, решил лишь ходить на перевязки, но быть во взводе, отлично сознавая, что подумал бы майор Азаров, если бы он, Крымов, командир взвода, лег на санротную койку, отстранясь от дела.

Поэтому, томясь посещениями санроты для ежедневных процедур, он и эту разведку дотошно готовил сам. Он не передавал подготовку сержанту Ахметдинову, чернобровому отчаянному парню, бывшему боксеру, которому доверял во всем, и двое суток лазил по передовой, наблюдая за дежурными пулеметами, за каждым сугробом на нейтральной полосе — на правом и левом берегу реки.

Однако в последние минуты зимней ночи, когда он отдал приказ разведгруппе и вместе с Молочковым остался в огромной бомбовой воронке на нейтральной полосе, а Ахметдинов, сказав весело «салют!», растаял с четырьмя разведчиками в синем от звездного света сумраке берега, Крымов испытывал нехорошее предчувствие, по разным приметам насторожившее его. Всюду цепенела звонкая тишина январской стужи, вверху, в черной пустыне, звезды горели острым алмазным огнем, а внизу, на земле, над окраиной полусожженного села не взлетали немецкие ракеты. Там необычно молчали дежурные пулеметы. Молчание было подозрительно какой-то затаенной мертвенностью, и, отпустив группу Ахметдинова, он долго вслушивался в безмолвие на нейтральной полосе. Она уходила метров на триста вниз, к заледенелой реке, а за рекой метров двести подымалась вверх, к первым траншеям немцев перед селом, где раскинулись над редкими крышами пылающие в небе созвездия. Боль нарвавших фурункулов грызла ему спину, ломила между лопатками, его сжимала шершавая дрожь озноба. Он чувствовал, что подскочила температура, и, может быть, этим усугублялась тревога, толкавшая Крымова к невозможному решению — отменить задание, вернуть разведгруппу, доложить майору Азарову о странном затишье у немцев. Но в то же время ни одного веского довода у него не было (молчание пулеметов — не довод). К тому же Азаров способен был понять отмену поиска не так, как надо, и он переборол сомнение, рассчитывая, что вся операция при счастливых обстоятельствах займет полтора-два часа: пройти аккуратно нейтралку по разминированной вчера ночью саперами узкой полосе в минном поле и без шума взять языка в первой траншее.

Но хаотичные вспышки автоматных очередей, ослепивших ночь, дальние крики, заглушаемые выстрелами, смутное передвижение какого-то клубка теней в фиолетовой мгле левее окраины села, визгливый взрыв мины — все, вдруг возникшее на правом берегу, пред-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—10.

ставилось в тот миг настолько невероятным, что, стиснув зубы, Крымов изо всей силы ударил кулаком по краю воронки: «Вот оно! Неужели?..» Нет, ни в одной разведке (как бы тщательно она ни готовилась) не были исключены десятки возможных вариантов случайностей, но каждый раз, когда Крымов сам уходил в поиск, он самонадеянно отметал возможность роковой неудачи.

«Вот оно, предчувствие!— мелькнуло у Крымова.— Я не пошел с ними — и вот оно!..»

— Ракетницу! Молочков, ракетницу!— крикнул он шепотом и, увидев испуганно отпрянувшее лицо Молочкова в шерстяном подшлемнике, выругался грубо.

— Напоролись, напоролись... А, товарищ лейтенант? Да неужто в ловушку попали?— всхлипывающе бормотал Молочков и совал сбоку твердый ствол ракетницы — он тыкался в рукавицу Крымова судорожными толчками.— Неужто, а?..

— Перестань ныть и наблюдай! — приказал Крымов, выхватывая у Молочкова ракетницу.— Ясно видишь, где наши и немцы?

— Напоролись... возле траншеи они... Да неужто в плен их?

— Замолчи, говорят!

По строгой и неукоснительной договоренности с полковыми артиллеристами он мог красной ракетой немедленно вызвать огонь по первой траншее немцев, по пулеметным точкам, прочесывающим нейтральную зону, и тем самым прикрыть отход разведчиков к нашим траншеям, что делалось в других случаях не однажды. Но вызывать сейчас огонь артиллерии было бессмысленно — огонь накрыл бы и наших разведчиков,— и вне себя Крымов отбросил ракетницу Молочкову.

— Спрячь игрушку! На кой она! Спрячь к черту!..

Лежа грудью на краю воронки, он всматривался в расколотое громом очередей пространство ночи за тем берегом, где возле первых траншей мелькали непрерывные скачки выстрелов, угадывая по трассам учащенный бой «шмайссеров», гулкий треск наших автоматов, тугие разрывы немецких гранат, брызжущий звон лимонок,— и уже по вспышкам очередей, по прыгающим всплескам пламени, по огненному рисунку за рекой он будто вблизи увидел то, что произошло и происходило там с его разведгруппой. Вероятно, перед самой траншеей сержант Ахметдинов наткнулся то ли на встречную немецкую разведку, то ли на немецких минеров, работавших на нейтралке.

— Отходить, Ахметдинов, назад, назад!— повторял Крымов бессознательно, слыша, как один за другим обрывался треск наших автоматов и зло, торжествующе звенело шитье «шмайссеров».

И тотчас неправдоподобная тишина упала с неба и такой непроницаемой немотой заполнила морозное пространство ночи, как если бы минуту назад не было впереди ни выстрелов, ни разрывов гранат, ни криков. Только очень далеко справа бесшумно сыпались под низкими звездами на горизонте красные цепочки пуль, и оттуда запоздало доносился ослабленный стук пулемета. А здесь затаенно молчала немецкая и наша передовая, нигде ни звука, ни движения, лишь в ушах еще билась металлическая дрожь автоматов.

— Да неужто в плен взяли их, а?— доходил сбоку захлебывающийся голос Молочкова, и смутно ощущалось, что он шевелится где-то рядом, трудно дыша, елозя валенками по снегу.— Да как же случилось-то? Смертники мы, товарищ лейтенант, смертники...

— Замолчать, Молочков!— приказал жестко Крымов, ненавидя и себя и Молочкова за эту бездейственность, за эту беспомощность вот здесь, на нейтральной земле, в бомбовой воронке, откуда они не могли Ахметдинову помочь ни автоматным огнем, ни огнем артиллерии.— Не верю, что всех,— заговорил он хрипло.— Трое шли впереди, двое сзади — группа обеспечения... Не верю, что всех. Кто-нибудь да отошел...

Он снял меховую рукавицу, подхватил пригоршню снега и с желанием остудить себя жгучим холодом потер, до боли корябая лицо. Холод этот смешался с неотпускающим ознобом, с жаркой тяжестью в голове, и у него застучали зубы, как в жестоком приступе малярии.

— Что вы, товарищ лейтенант? А?— задрожал над ухом голос Молочкова.— Совсем больны вы...

— Сейчас,— выдавил Крымов и задвигался на краю воронки.— Сейчас подождем... и туда... Узнаем сами. Подождем немного...

Он прикусил рукавицу, чтобы не стучали зубы, почувствовал кисло-металлический вкус снега и промерзшей кожи, его потянуло на рвоту, судорога прошла по горлу, он застонал, задохнулся от напрасных потуг, выговорил хриплым шепотом:

— Подождем немного... И к ним туда, ползком... Подождем...

— Товарищ лейтенант, вконец захворали вы... Куда ж мы пойдем? К немцам в лапы?

Крымов оторвал голову от рукавиц, взглянул на Молочкова, лежащего справа на снежном навале бомбовой воронки, и при ледяном свете звезд, в сумраке, его треугольное лицо, сжатое подшлемником, белым капюшоном масккостюма, казалось безумным женским ликом, бледным призраком со стеклянными глазами, дышащим паром из густой бахромы инея вокруг рта. Это был, чудилось, не бойкий деревенский паренек Молочков, бедово напевающий воронежские частушки во взводе, а кто-то другой, зыбкий, всем нутром почуявший настигающее, необратимое.

— Слышите?— прерывисто зашептал Молочков, и, чудилось, влажный взгляд его заблуждал по лицу Крымова.— Ведь кричат... А?

Внезапно немецкие пулеметы забили по нейтральной полосе, засверкали огненные радиусы, очереди диким смерчем проносились над воронкой, ослепляя рубиновыми огнями, и Молочков, вжав голову в плечи, свалился с края воронки вниз, и оттуда, снизу, тонко вскрикнул его голос:

— Чую я, судьба сегодня... Напоролась наша группа, и наша теперь очередь!..

— Ты мне надоел!— зло оборвал его Крымов и спустился по скату воронки, пошатываясь, в голове туманно мутилось, и хотелось лечь, сжаться в комок, чтобы так согреться.— Где кричат? Померещилось?— спросил он, сдерживая стук зубов, с напряжением прислушиваясь, но услышал только дробный гул встревоженных немецких пулеметов, простреливающих нейтральную полосу.

— Кричит кто-то на том берегу... слышу я,— горячо зашептал Молочков, придвигаясь вплотную.— Не Ахметдинов это, а? Может, мучают они его? Ранили и штыками мучают... Помните, как Сидорюка нашли мы? Глаза ему немцы выкололи, руки отрубили...

— Ну что заныл? Что, спрашивается?..

И Крымов опять выругался, унижая ругательством Молочкова за этот обдающий бедой шепот, за жалкую оголенность страха перед непостижимым, роковым, случившимся с его разведчиками, с чем он, Крымов, не хотел согласиться, зная опытность Ахметдинова и тех, кто пошел в группе захвата, и не хотел легко поверить в то, что могло произойти там, перед немецкими окопами.

— Подождем,— резко сказал Крымов, глядя снизу на пулеметные трассы, рассекающие темноту неба над воронкой.— Переждем огонь и проверим. Поползем туда... Сам хочу проверить.

Молочков вскинулся, стеклянные глаза его в обводах инея на веках выкатились, переливаясь влагой.

— В лапы они к фрицам попали... Куда мы поползем? Куда ж?.. И хворый очень вы...

Крымов стиснул зубы.

— Туда же, не ясно?— выговорил он со злобным отвращением к бессилию неопределенности, и вдруг слова Молочкова «хворый очень вы», произнесенные с растерянным упреком, взвинтили его до ярости.— Ты чего скулишь? Какого хрена паникуешь? Разведчик ты или мочалка с ручкой? А ну давай наверх, наблюдай за нейтралкой! А то немцы подойдут и возьмут тебя, дурака, в мешке утащат!

— Ежели меня... А вы как? Вы разве железный?

— Ну, на меня немца еще такого не родилось, ясно? Я сам собой распоряжусь.

— Ох, Исусе... себя убить я не смогу,— забормотал всхлипывающе Молочков и, задрав голову, пополз на животе по скату воронки наверх, а там вытянулся, замер, уткнувшись лицом в рукавицы, еле видимым синеватым бугром под перемещающимися над ним трассами.

— Ну? Что ты там? Заснул, что ли?— крикнул Крымов, пересиливая слабость во всем теле, сотрясаемом дрожью внутреннего жара, тянущей болью в спине, к которой прилипла пропитанная гноем нижняя рубашка, и теперь хотелось нестерпимо пить, насытить какую-то жгущую его знойную пустыню.

Он схватил зубами снег, стал грызть его колючую пресную плоть, имеющую вкус ржавого морозного железа, и, не дожевав, боясь, что вытошнит, выплюнул мерзко размякший комок. Зло кривясь, он выполз на край воронки, лег грудью на закостенелый навал земли и впереди увидел нереальную химическую синеву снега, проступившие немецкие траншеи за рекой, танцующие огни пулеметов в опадающей зонте ракеты. Ракета угасла, с ядовитым шипением стала извиваться в воздухе и рассыпалась вторая, за ней третья — ракеты взлетали одна за другой. Немцы раздвигали поднебесным светом зимнюю темноту над передовой, перекрещенными очередями пулеметов прошивали пространство нейтральной зоны. С мутным звоном в ушах Крымов долго всматривался в выплывающие из ночи окраинные хаты полусожженного села, где синели полосой первые немецкие окопы, вблизи которых произошло с его разведгруппой худшее из многих вариантов случайностей на войне. Но сейчас, увидев в низине левее села покатую пустоту облитого ракетным мерцанием снега, он снова отверг мысль, что все пятеро, все до одного погибли или были схвачены, взяты в плен. Он был полностью уверен в опыте и осторожности сержанта Ахметдинова, ходившего за языком десятки раз, и еще жила, теплилась ничему не подчиняющаяся надежда на то, что кто-нибудь ушел из-под огня, напоровшись на немцев, затаился в низине и вернется оттуда, едва только смолкнут пулеметы, перестанут взлетать ракеты.

— Подождем, подождем,— выговорил Крымов, жадно подхватывая ртом снег, чтобы остудить жар в горле.

— Во! Слышите?..— вскрикнул с тоской Молочков и вытянул по-черепашьи голову из капюшона.— Вон оттуда, оттуда, от тех хат... Слышите?

— Бредишь, сосунок!

Крымов приподнялся на локтях, от чего огненно пронзило спину, будто клещами вырывали, перегрызали позвонки, и с перехваченным дыханием откинул капюшон масккостюма, снял шапку с пылающей головы, мгновенно обдутой студеной поземкой, и прислушался.

Пулеметы делали короткие передышки между очередями, и в эти пробитые пустотой промежутки явственно донеслись странные воющие звуки откуда-то из нейтральной полосы. Звуки эти, нечленораздельные, хрипящие, протяжные, возникали и обрывались в ночи; так не мог кричать человек, то кричал в живых мучениях зверь, предсмертно никого не моля о пощаде, никого не призывая на помощь,— это был крик гибели и тоски, беспамятно обращенный к звездам, к холоду, к снегу, в никуда, где не было и не могло быть спасения.

И Крымова передернуло от этого животного вопля безнадежности, который, наверное, прощаясь с жизнью, издавал раненый, обреченный на мучительную смерть, и в первую минуту легче было внушить себе, что так кричал не наш тяжело раненный разведчик, а на нейтральной полосе в страданиях умирал раненый в перестрелке немец. Но ясно было: своего раненого немцы не оставили бы на нейтральной полосе рядом с траншеями. И Крымов понял, что там, впереди, за рекой, перед враждебными, чужими окопами истекал кровью и умирал его разведчик. А немцы, слыша его страшные крики, не подходили к нему, не до-

А. Петров. Род. 1947. МОСКВА. ЯСЕНЕВО. 1984.

Художественная выставка «Земля и люди».

Е. Клейменов. Род. 1947. МОЛОДНЯК.

Художественная выставка «Земля и люди».

бивали раненого, а, наоборот, вероятно, желали, чтобы вопли умирающего достигли русских траншей, переворачивая душу как бы мстительным наказанием за разведку.

— Он... он это кричит...— змеисто пополз за плечом голос Молочкова.— Ахметдинова схватили... Пытают они его...

Крымов, не отвечая, зажмурился от режущих по глазам разрывов ракет над рекой, прижался грудью к краю воронки и опять начал хватать зубами пороховой снег, с усилием глотая его, а в ушах рос, приближался нечеловеческий вой из беспрерывно освещаемого ракетами нейтрального пространства, и этот вопль стальными когтями впивался, раздирал ему спину, сведенную болью.

«Все бы обошлось, если бы я пошел с ними»,— думал он, суеверно презирая это первое с Курской дуги невезение, и, уже не пытаясь справиться с клацаньем зубов, с дрожью, колотившей его, он проклинал себя и эту безопасную воронку на берегу, где он все еще поджидал возвращения кого-либо из разведчиков, хотя куда-то в бездну провалилось само время.

— Товарищ лейтенант... чего вы говорите? Не слышу я... Бормочете вы чего-то...

Цепкая рука затрясла его за плечо, и он, приподняв горячую голову, увидел над собой узко сжатое подшлемником под капюшоном серое лицо Молочкова, оголенное белым светом ракеты, наросты инея на бровях, увидел дышащий паром рот и проговорил сиплым шепотом, доглатывая застрявшую в горле жесткую снежную, не остужающую жар влагу:

— Сейчас... стихнет... Раненых на нейтралке не оставим. Ни одного. Проверь автомат, Молочков. Пока отогрейся...

Он выговорил это, замерзая и одновременно сгорая в жару, словно без шинели лежал на льду, насквозь пронизываемый острым, знобящим ветром, и Молочков, глядя на него с искривленным испугом ртом, отшатнулся белой тенью в темноту, зашуршал, захрустел снегом, скатываясь в воронку, придушенным голосом вскрикнул: «Хосподи Исусе, хосподи»...— и замолк там, скорчился, свернулся в пружину с ожиданием последнего.

«Только бы не свалило меня. Что-то плохо мне стало...— повторял бредово Крымов.— Только бы продержаться, сознание не потерять, пока стихнет... Хоть бы полчаса».

А огонь не стихал, пулеметы били без передышки, нейтральная зона пустынно, мертво обнажалась, крутым изгибом взблескивал лед реки, иллюминированный качающимися люстрами в небе, потом стало казаться: от назойливого взлета и сгорания ракет все впереди задвигалось, запрыгало из тьмы в свет, из света во тьму, брызгами вспыхивал лед до слез в глазах и гас,— и от затихающего, ослабевшего крика в нейтральной полосе, от нескончаемого мелькания, скачков пульсирующих огней, ракетных россыпей и обваливающейся на свет темноты дурно закружилась голова. Крымов закашлялся и, переводя дыхание, с черными кругами в глазах почувствовал, как вонзается неодолимый страх оттого, что вот так, замутненный головокружением, он перестанет владеть собой и потеряет сознание.

«Сейчас, надо сейчас,— соображал он.— Левый пулемет не меняет сектор обстрела. Надо ползти по правой стороне низины. Так он не заденет... Пора!»

И он позвал с хрипотцой:

— Молочков!

Ответа не было. Он, преодолевая боль в шее, повернул голову и пригляделся — там, внизу, на дне воронки неясно белела скорченная фигура Молочкова, он не шевелился на снегу, подтянув колени к подбородку, и какие-то невнятные, мычащие звуки доносились до Крымова. Он окликнул громче:

— Молочков! Давай ко мне!

И снизу дошло неразборчивое всхлипывание:

— Товарищ лейтенант...

— Какого хрена, Молочков! Оглох?

Он в нетерпении сполз по скату воронки, наклонился над Молочковым, сильно тряхнул его за плечо, отчего тот встрепенулся взъерошенной птицей, растопырив локти, как наголо обдерганные крылья, горящие пустотой глаза обезумело разъялись.

— Куда мы? А?

— Слушай, Молочков, внимательно,— заговорил Крымов отрывисто.— Пойдем так. Перебежками к реке. Ползком до того берега. И ползком к немецким траншеям. Прижимаемся к правому скату низины. Все делаем под шумок пулеметов. Следи за моими сигналами в оба. Подниму руку — вперед, махнул — замри...

Ему трудно было говорить, он туго выжимал слова сквозь выбивающие дробь зубы и вдруг скомандовал срывающимся от душной тесноты в груди шепотом:

— Всё! За мной.

И повернулся, пошатываясь, пошел вверх по скату воронки в ту самую секунду, когда смолкли пулеметы и в насыщенной звоном тишине, задавив ракетный свет, темнота расползлась по передовой.

— Не надо, не надо, товарищ лейтенант!..

Он остановился на середине ската, не понимая смысла тонкого, молящего вскрика за спиной («Что не надо? О чем он?»), и, зло возбужденный сопротивлением своей команде, чего никогда не допускал во взводе, увидел сверху стеклянный блеск на зыбко проступающем пятном лице Молочкова, и горбатыми паучками доползли прыгающие звуки его голоса:

— Не надо меня, товарищ лейтенант, не надо...— Голос Молочкова рыдающе зазвенел и заторопился в беспамятстве несвязной скороговоркой:— Ахметдинов это кричал... А тогда под Сумами Сидорюку глаза штыком выкололи. Куда ж мы пойдем?..

— Да ты что, Молочков? Очумел? А ну встань! Возьми себя в руки!

Над нейтралкой с отчетливым щелчком взвилась ракета, набегая спереди омывающим светом, в небе посыпался красноватый дождь, сверху вся воронка озарилась багряной мертвенностью — и сразу фиолетовыми горячечными точками придвинулись и скользнули глаза Молочкова, какие бывают у больных, просящих о помощи собак.

— Не могу я, товарищ лейтенант, зазяб я, боюсь...— заговорил умоляюще Молочков, и запрыгали неудержимо и жалко короткие червячки белых бровей.— Пожалейте вы меня, дурака деревенского, за ради бога. Не берите вы меня. В плен я боюсь, пытать будут. Не разведчик я, товарищ лейтенант, мне б в обозе где... Вон и руки я вконец отморозил. Как култышки деревянные...

И он, стоя на коленях, вытянул в негнущихся, закостенелых рукавицах затрясшиеся руки, потом зубами с усилием стянул одну рукавицу, с усилием попробовал подвигать пальцами, но не сумел и, оскалясь, без голоса заплакал, запрокидываясь назад, так что стали видны его мокрые сжимающиеся и разжимающиеся ноздри.

— Да что за дьявольщина!— крикнул гневно Крымов.

— Мочи моей нет, товарищ лейтенант,— тоненько взвизгнул Молочков, раскачиваясь на коленях, и мелкие слезы побежали по его сизым губам.— Каждый раз, как с вами в разведку уходил, со страху умирал, душа в пятках дрожала. Да проносило смертушку. А теперича... в голове у меня сдвинулось. Весь обморозился я. Мозги вывихнулись. Мне б в госпиталь надо... Пусть хоть руку, хоть ногу оторвет, а в госпиталь бы, мочи моей нет. Жить я хочу, товарищ лейтенант, не хочу я молодую жизнь губить! — И, поперхнувшись слезами, он зарыдал в голос: — Хо-осподи Исусе, спаси меня!..

Крымову не раз приходилось видеть последнюю степень отчаяния на войне, но подавленность и страх этого зеленого паренька, лично взятого им в разведку из пополнения за бойкий взгляд, за ловкую подвижность худенького тела, этот выплеснувшийся страх Молочкова не то чтобы был неожидан, он ошеломил его омерзительной искренностью, криком о спасении, будто ничего не существовало, кроме голого ужаса перед тем крайним, что ожидало их на нейтральной полосе.

— Не могу я в разведке, товарищ лейтенант,— повторял, склоняясь к земле в рыданиях, Молочков.— Ждал я вашего приказа и бога молил: пронеси и спаси, хосподи... Схватят они нас, замучают...

— Замолчи, щенок!— выговорил Крымов и с толчками крови в висках, с тошнотным головокружением шагнул к Молочкову, сдавил пальцами его плечо.— Ты что же думаешь, мы раненых оставим на нейтралке? Уж лучше и мы, понял? Встать!— скомандовал Крымов.— Ну! Быстро! Встать!

— Убейте, товарищ лейтенант, сразу убейте, чтоб не мучился я... Убейте меня...

— Прекрати нюни! Встать, я сказал!

Он изо всей силы стиснул жидко заходившее плечо Молочкова, близко видя его мокрое, исковерканное плачем лицо, показавшееся совсем мальчишеским при свете ракеты, а эта маленькая дрожь плеча, вроде потерявшего опору твердой плоти, почудилась каким-то предгибельным сигналом, сообщенным самой судьбой.

И Крымов подумал, что сегодня — через полчаса, через час — Молочкова убьют, и с неприязненной жалостью оттолкнул его, шепотом выговорил как в забытьи:

— Так что же?.. Так что же мне с тобой делать, сволочонок ты, а не разведчик? Расстрелять тебя как труса за невыполнение приказа?

— Товарищ лейтенант, родненький, поимейте жалость, ноги буду мыть и воду пить!..— заголосил Молочков и качнулся вперед, повалился на землю, а голая левая рука его с непослушными пальцами, на которую он так и не натянул задеревеневшую рукавицу, рыскающе искала валенок Крымова, и, раздавленно извиваясь, он тянулся к валенку головой, мыча, издавая торопливые чмокающие звуки.

— Ты, глупец, с ума сошел!— выругался Крымов и, не вынося этого обезумелого унижения, приказал бешено:— А ну встань, говорят!

— Лейтенант, миленький, ножки целовать буду, слугой вам буду, пожалейте за ради молодой жизни!— вскрикивал Молочков, все ползая по снегу вокруг Крымова, и было что-то бесстыдное, бабье в его исступленном причитании.— В госпиталь бы мне... Неспособный я к разведке, боюсь я к немцам попасть. Звери они, по куску грызть будут. Нету у меня сейчас понимания, товарищ лейтенант, как дурачок я, поимейте жалость к моей неопытной жизни... На три года моложе я вас, а все смерть вижу...

— Значит, в госпиталь хочешь? И смерть все видишь? Ух, как ты мне противен,— гадливо выговорил Крымов, глядя на червякообразно вихляющуюся под ногами белую спину, и с опаляющей голову непрекословной решимостью приказал: — А ну сядь!

И, сдернув рукавицы, рванул левой рукой за маскхалат Молочкова, поспешно севшего на снег в онемелом оцепенении (только глаза, залитые слезами, мерцали, защищались, выкатывались в ужасе), а правой рукой на ощупь откинул скользкую, сплошь в инее крышку кобуры на его ремне, нащупывая ледяную рукоятку трофейного парабеллума. Рукоятка не поддавалась, льдом вмерзла в тесные края кобуры, и тогда, морщась, сдирая кожу на пальцах, он с резким скрипом выдернул парабеллум, и тотчас визгливый крик оглушил его:

— Не надо, не надо! Товарищ лейтенант, миленький!..

И с задушливым стоном Молочков упал на четвереньки и суматошно пополз куда-то боком по дну воронки, загнанно оглянулся черными ямами глаз, рыдающе прохрипел: «Не надо!» — и зарылся лицом в снег, елозя валенками.

— Не тебя, сволочонок, а мать твою жалко. Ошибся я в тебе, мокрица!.. Сядь, я сказал!— повторил брезгливо Крымов и снова сильным рывком поднял Молочкова с земли, а подняв, ощутил студенистую дрожь его ослабевшего тела, тяжкое дыхание его округленно и немо раскрывавшегося рта, глухо скомандовал:— А ну, гляди в небо и дай руку, если жить хочешь!

Вверх гляди, щенок чертов! — крикнул он и, дернув к себе безвольную руку Молочкова, быстрым движением приложил пригоршню снега к рукаву его маскхостюма и рассчитанно выстрелил в край снежной пригоршни, зная, что делает...

(Позднее, спустя много лет, не забывая те годы отчаянного и жестокого риска, но забывая того молоденького и не в меру решительного лейтенанта Крымова, почти всегда удачливого командира взвода полковой разведки, он часто думал о прежней своей безбоязненности, с которой распоряжался судьбой людей, о грубости собственных поступков, о своей лейтенантской безоглядности с мгновенными поисками выхода, когда не было сомнений, сопровождавших его потом целую жизнь.)

Но тогда, в ту январскую ночь, после его выстрела Молочков охнул, закатил мертво побелевшие глаза и повалился спиной на скат воронки, суча ногами, как в предсмертной агонии. А Крымов подождал, присел рядом, стволом пистолета разорвал индивидуальный пакет, в молчании перебинтовал его темно набухавший рукав маскхостюма и, чувствуя рвотную спазму в горле, железистый запах крови, липкость на пальцах, проговорил с презрительной яростью:

— А теперь, не оглядываясь, мотай в тыл! Целому тебе там не поверят, поэтому кричи громче: немцы ранили, а лейтенант перевязал! Жив будешь, сволочонок. Но чтобы я тебя больше никогда не видел около разведки. Увижу — все вспомню и тогда не пожалею девять грамм. Давай бегом отсюда, чтобы ноги в задницу влипали!

Однако через сутки пришлось вновь увидеть Молочкова, уже в медсанбате, куда Крымова привезли на рассвете той зловещей ночи, поглотившей пятерых человек из его разведвзвода.

Память навсегда сохранила те безысходные минуты, когда он один, обдуваемый секущей поземкой, полз к правому берегу, а потом лежал, обессиленный, под звездным, таким бесстрастно холодным небом, в безмолвии неизвестно почему затаившейся нейтральной полосы.

Впереди молчали пулеметы и замолк человеческий вопль на нейтралке, лишь внизу с трескучим звоном лопался в лютой стуже лед на реке, где дымилась на середине пробитая снарядом черная полынья. А он, отуманенный жаром и болью, мучимый жаждой, полз и воображал дышащую морозом хрустально-чистую влагу, представлял, как он с наслаждением погружает в холод воды подбородок и пьет ненасытно, большими, охлаждающими горло глотками и не может напиться.

И последнее, что еще ясно осталось в памяти, была черно-тяжелая вода полыньи (там качались и вытягивались нитями звезды), вкус огненно-ледяной воды, от которой он задохнулся и замерз, и голубоватая сумеречность правого берега, куда он дополз, волоча на локте автомат, опасно позвякивающий прикладом по бугоркам речного льда.

Потом все было размыто — низина, плохо различимые вверху сугробы первых немецких траншей, нескончаемая зимняя ночь над закоченевшими садами полусгоревшего села, удары крови в ушах, неотступная мысль о том, что во что бы то ни стало он должен знать, что здесь произошло, шелест поземки в пустынной низине, ни выстрела, ни света ракеты, ни одного признака, объясняющего, что случилось с разведгруппой, хотя мнилось: поземка пахла холодным порохом...

Позже ему рассказали, что его нашли в зоне нейтралки, неподалеку от воронки, на левом берегу, но как он сумел вернуться с правого берега, этого не помнил.

И, очнувшись в медсанбате, он в тот же день увидел своего разведчика Молочкова, пришедшего к нему в палату с виновато-счастливой улыбкой, рука висела на свежей перевязи, смазанное какой-то мазью лицо в сизых пятнах, но желтые бойкие глаза играли молодо, голос звучал заискивающе и ласково:

— Товарищ лейтенант, слава богу, живы вы... А у меня мизинец чегой-то согнулся и онемел. Во, поглядите-ка. Да пустяки, пустяки это. Пуля мяготь задела.

— Пошел с глаз, — равнодушно сказал Крымов.

Продолжение следует.

ПЯТЬ ЛЕТ ИЗ ЖИЗНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

«О СЕМИП

«Здесь уже начало Киргизской степи. Город довольно большой и людный. Азиатов множество... Когда-нибудь я напишу тебе о Семипалатинске подробнее. Это стоит того».

Из письма Ф. М. Достоевского брату М. М. Достоевскому от 27 марта 1854 года.

Ирина СТРЕЛКОВА

Семиполатинск — так, через «о», писал наименование города Федор Михайлович Достоевский. Он считал, что каждый писатель имеет право на собственную орфографию.

В тот день, когда он делился с братом своими первыми впечатлениями о месте, где ему было назначено отбывать солдатскую службу, еще и не мыслилось, что она затянется на пять с лишним лет — по июнь 1859 года. Связь Федора Михайловича с братом восстанавливалась медленно и трудно. За четыре года каторги он не получил от Михаила Михайловича ни строчки (а возможность передать письмо через сочувствовавших Достоевскому омичей была!). И Семипалатинском, куда судьба забросила брата, Михаил Михайлович не очень-то интересовался.

Пять лет!.. Солдат 7-го линейного батальона, унтер-офицер, наконец, прапорщик. Начата работа над «Записками из мертвого дома», написаны две повести: «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели». Но что мы знаем о семипалатинских впечатлениях и наблюдениях Достоевского? Что отразилось впоследствии в его творчестве?

Биографы Достоевского и исследователи его творчества почему-то упорно не замечают отзыва о Семипалатинске как о месте, весьма интересном. Ориентиром стали «Воспоминания о Достоевском в Сибири 1854—1856 гг.» А. Е. Врангеля, где сказано, что Семипалатинск — большой город, что там ведется крупная торговля, а неподалеку расположены заводы и рудники, но при этом здесь на девять тысяч жителей одно только фортепьяно и вообще дичь и глушь страшная.

Одно только фортепьяно! А почему бы не удивиться, что кто-то все-таки дотащил туда (кто и для кого?) такую дорогую и хрупкую вещь?

Свою поездку в эту чертову даль молодой петербургский немец, воспитанник привилегированного лицея, искренне считал подвигом. Но при всех возвышенных планах службы отечеству и просвещению вдали от столицы, в малоизвестной европейской науке Сибири (а Врангель видел себя в будущем путешественником), его хватило лишь на один год (прибыл в ноябре 1854 г., уехал в декабре 1855 г.), и он сохранил о Семипалатинске самые невыгодные впечатления, которые и изложил полвека спустя в своих воспоминаниях о Достоевском.

Но ведь одно дело Врангель, его уровень понимания окружающей жизни, и совсем другое — Достоевский. Вряд ли мы могли бы себе составить представление о том, что увидел Достоевский на каторге, что она ему дала как писателю (а по его словам, сказанным годы спустя: «Это большое было для меня счастье: Сибирь и каторга!..»), если бы судили об омском остроге и его обитателях, скажем, только по воспоминаниям находившегося там в те же годы Токаржевского, а не по «Запискам из мертвого дома».

Так что же Достоевский мог бы рассказать о Семипалатинске подробнее?

Спору нет, этот город назначался ему в мучение. Семипалатинск на языке его обитателей именовался «чертовой песочницей», «Семипроклятинском». Климат отвратительный — летняя сушь, зимние лютые ветры. И страдал здесь Достоевский от тягот солдатской службы, от караулов и смотров, от казарменного житья. Правда, из казармы его вскоре вызволили омские друзья, Достоевскому было разрешено поселиться на квартире. Убогость его жилья ужаснула Врангеля, однако Достоевский мог здесь писать. Но каково ему пишется, если над ним висит запрещение печататься? И ко всем этим мучениям, уготованным ему начальством, добавилась личная драма, любовь к замужней женщине Марии Дмитриевне Исаевой. Словом, ад кромешный. И все же...

Почему, уехав из «Семипроклятинска», он пишет 22 сентября 1859 года Врангелю: «Тверь хуже Семиполатинска»? Хотя в Твери ему покровительствовали губернатор и губернаторша. Чем же хуже показался Достоевскому город в самом центре России? О чем добром и светлом из пятилетнего семипалатинского житья он вспомнил в Твери? И почему он вообще, как свидетельствует Врангель, вспоминал в последующие годы о Семипалатинске «...как ни странно покажется, всегда с теплым чувством...»?

На эти вопросы я и пытаюсь найти ответ. Причем не посягаю на воссоздание во всех деталях житья-бытья Федора Михайловича Достоевского в городе Семипалатинске. Мой рассказ — о людях, живших в те годы в Семипалатинске, наезжавших туда более или менее регулярно, а также о тех, кто там в ту пору побывал проездом. О некоторых из этих людей мне известно, что они были знакомы с Достоевским, насчет других ничего утверждать не могу. Но особого разделения между ними я не делаю. Я просто населяю тот, давнишний Семипалатинск теми, кто там жил, восстанавливаю среду, окружавшую Достоевско-

Ф. М. Достоевский в 1859 году.

ОЛАТИНСКЕ ПОДРОБНЕЕ…»

Один из семипалатинских документов Достоевского.

го, и отхожу в сторону, предоставив читателю полный простор для собственных догадок и построений.

КРЕПОСТЬ НА ИРТЫШЕ

Существует старое доброе правило начинать рассказ о городе с истории его возникновения. Семипалатинск ведет свою историю от русской крепости, основанной в 1718 году и получившей свое название по развалинам древних семи палат, обнаруженных неподалеку.

Рядом с крепостью и под ее защитой стал быстро разрастаться торговый город. В пору пребывания там Достоевского годовой торговый оборот Семипалатинска достиг миллиона рублей, город получил герб с изображением золотого верблюда, полумесяца и мусульманской пятиконечной звездочки. Гербоведы из петербургской герольдии при сенате проявили полную осведомленность в назначении Семипалатинска. Вся российская торговля с Азией велась тогда через посредство мусульманского купечества, потому что в азиатских государствах с православных брали таможенного сбора вдвое больше, чем с веровавших в Аллаха (а Россия, кстати, пошлины со всех брала равные и всем купцам, без различия веры, давала казаков для охраны караванов). Впрочем, не в редкость было, что русский, бойко разговаривающий на многих восточных языках, выдавал себя за сибирского татарина и становился во главе каравана. Например, семипалатинский купец Пеленков (или Пиленков) благополучно торговал в Кашгаре и Яркенде под именем Абди-Ходжена — об этом сообщает в своих записках известный путешественник Чокан Валиханов.

Из России шел в Азию товар, закупленный на Макарьевской и Ирбитской ярмарках. Русское сукно, ситцы, парча, железные и чугунные изделия, очки и зеркала... Всего не перечислить. Русские товары повсюду в Азии пользовались большим спросом и успешно соперничали с английскими. Мусульманский мир наворачивал на головы чалмы из русского муслина и хранил добро в русских сундуках (кунгурские считались особо ценным подарком).

Главным предметом привоза был китайский чай. На внутреннем русском рынке чай различался знатоками по пунктам привоза: кяхтинский и семипалатинский. Достоевский, завзятый чаевник, мог слышать о семипалатинском чае за много лет до того, как увидел пылящие по семипалатинским улицам караваны отощавших в пути верблюдов, навьюченных крепкими тюками с чаем, приобретающим особый вкус за месяцы пути через горы, каменные степи и пустыни.

Семипалатинский привоз стал расти после 1851 года, когда между Россией и Китаем был заключен взаимовыгодный Кульджинский договор. Достоевский близко знал выдающегося русского дипломата, ездившего в 1851 году в Кульджу. То был Егор Петрович Ковалевский, путешественник и литератор, посетитель «пятниц» Петрашевского, не привлеченный к дознанию лишь потому, что весьма вовремя отбыл в очередное путешествие. Вместе с Ковалевским ездили заключать договор синолог И. И. Захаров, будущий профессор Петербургского университета, и доктор А. А. Татаринов, знаток китайской медицины. Первый затем занял пост русского торгового консула в Кульдже, а второй — в Чугучаке, и оба по делам службы наезжали в Семипалатинск в бытность там Достоевского, о консуле из Чугучака есть даже упоминание в его письме Врангелю.

Но к торговым делам мы еще вернемся.

Как раз в тот самый год, когда Достоевского определили в 7-й линейный батальон, Семипалатинск возвысился как административный центр вновь созданной Семипалатинской области. А что такое область? Высшую власть осуществляет военный губернатор. Есть областное правление, есть судебная власть. Словом, с 1854 года Семипалатинск уже чиновный город, русская провинция.

Продолжая расти, он сохранял границы между разными городскими частями, определенные раз и навсегда.

Военному Семипалатинску принадлежала крепость с неизносимыми постройками русской военной архитектуры. Расквартированный в городе казачий полк выстроил на окраине казачью станицу со всеми станичными службами и единственным в городе сквером.

Чиновный Семипалатинск рос вокруг дома губернатора.

Восточное купечество обитало в Татарской слободе, имевшей вид совершенно азиатский, узкие улочки, слепые стены, множество мечетей.

Казахская беднота, устремившаяся в Семипалатинск на заработки, слепила из самана свой поселок на другом берегу Иртыша.

Этот лоскутный русско-азиатский город с середины XIX века стал местом, где близко сошлись культура России и казахская культура, где селилась первая казахская интеллигенция.

Великий поэт Абай родился в 1845 году. Его отец, волостной правитель Кунанбай Усенкбаев, отдал старшего сына, Халиуллу, в сибирский кадетский корпус, а Абаю решил дать восточное образование, послал в Семипалатинск, в медресе имама Ахмет-Ризы. Но будущий великий поэт стал тайком от муллы посещать русскую школу. Значит, был в Семипалатинске кто-то, обративший внимание на любознательного мальчика-казаха, открывший ему русскую грамоту, познакомивший с Пушкиным и Лермонтовым, которых Абай впоследствии переведет на казахский язык, и письмо Татьяны в его переводе станет казахской народной песней.

Но кто же учил Абая русскому языку? «В сибирских городах часто встречаются учителя из ссыльных поселенцев...» —сказано у Достоевского в «Записках из мертвого дома».

Даты жизни Достоевского и Абая сходятся на Семипалатинске следующим образом: когда Достоевский прибыл сюда, будущему поэту было девять лет, в год отъезда Достоевского Абаю — четырнадцать. Для поэта уже пора творчества. Мог ли мальчик в халате и тюбетее однажды услышать, притаившись под раскрытым окном, как кто-то хриплым, но на диво выразительным голосом читал пушкинского «Пророка»? Врангель пишет в своих воспоминаниях, что у него в доме Достоевский часто читал вслух и Пушкина, и Гоголя. Думаю, что такое чтение, вслух, происходило и в других домах. В Семипалатинске существовал круг любителей литературы. В 1859 году — последнем году пребывания Достоевского в изгнании — Семипалатинская область получала семь (семь!) экземпляров журнала «Современник». Цифра эта приведена в статье Чернышевского об итогах подписки. Анализируя ее, Чернышевский отметил, что по особенностям своей исторической судьбы Сибирь, никогда не знавшая крепостного права, получавшая из России постоянный прилив самого энергического и часто самого развитого населения, издавна пользуется славой, что стоит в умственном отношении выше Европейской России.

ЛЮДИ ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

Россия продвигалась в Среднюю Азию и Туркестан из двух губерний — Оренбургской и Западно-Сибирской.

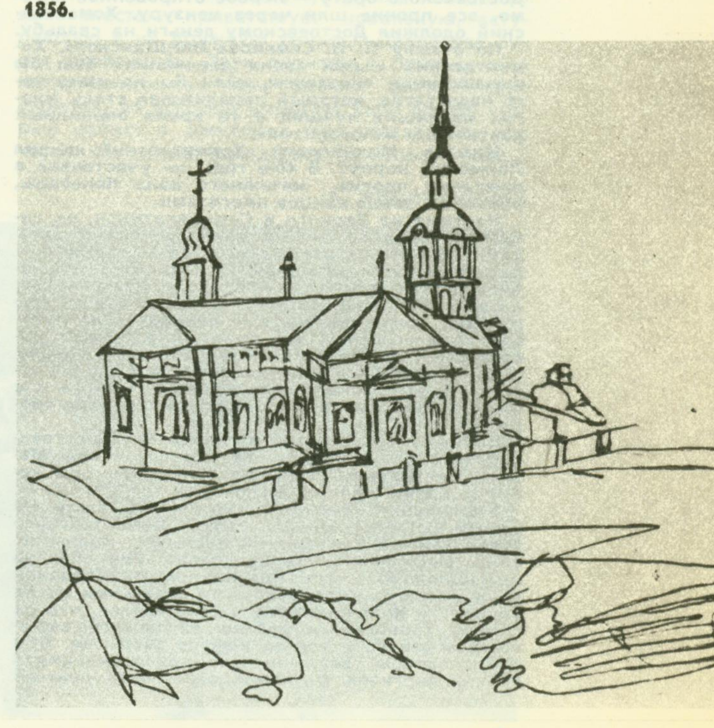
В Оренбурге отбывал солдатчину друг Достоевского, петрашевец Алексей Николаевич Плещеев. По выходе Достоевского с каторги они стали переписываться.

Оренбургский генерал-губернатор граф В. А. Перовский окружил себя умными и дельными людьми. Востоковед В. В. Григорьев, исследователи Средней Азии А. И. Бутаков и А. И. Макшеев, известный боевой генерал С. А. Хрулев. В 30-е годы чиновником особых поручений при Перовском служил В. И. Даль.

В. А. Перовский — фигура противоречивая. Что же касается его помощников, то их позиция была впоследствии изложена А. И. Макшеевым в «Историческом обзоре Туркестана и наступательного движения в него Русских» (Спб, 1890). А. И. Макшеев утверждал, что продвижение России в Азию «резко отличается от занятия европейскими государствами стран в других частях света». Эту точку зрения небезынтересно сопоставить с высказываниями Ф. Энгельса о политике России в Азии — более гуманной, чем политика Великобритании. У Энгельса, кстати, упоминается и Перовский, положительную оценку получила забота оренбургского губернатора о строительстве на новых территориях дорог и колодцев.

Поход Перовского на кокандскую крепость Ак-Мечеть дал возможность Плещееву отли-

Мечеть в Семипалатинске. Рис. Ч. Валиханова. 1856.

читься при штурме крепости и получить чин унтер-офицера, чем немало облегчилась его участь.

У Достоевского такой возможности не было. На юг от Семипалатинска никаких военных действий не предпринималось. Казахи за рекой Или уже давно приняли добровольно подданство России и дружелюбно встретили вышедший из Семипалатинска отряд майора М. Д. Перемышльского, который дошел до подножий Заилийского Ала-Тау и основал здесь в 1854 году укрепление Верное (ныне город Алма-Ата).

Из Верного велись переговоры с киргизами, тоже изъявившими желание добровольно присоединиться к России. Время от времени из укрепления отправлялись в киргизские горы военные отряды, но не для военных действий — на рекогносцировку, на переговоры с манапами. Мог ли Достоевский выпроситься из Семипалатинска в какой-нибудь поход? Хотя бы и мирный, не дающий возможности добыть чин, но все-таки не маета в «чертовой песочнице», а вольная походная жизнь, новые земли, благодатный климат, горы со снеговыми шапками, как на Кавказе, о котором мечталось... И главное — люди там совсем другие, люди передовой линии, они не только храбрее тех, кто при штабах, поближе к начальству,— они умнее, добрее, честнее...

Ни в переписке Достоевского, ни в документах, касающихся его военной службы, нет ничего ни о просьбах взять в поход, ни об отказах.

В поход за Или с Перемышльским выпросился из Семипалатинска служивший там в 8-м казачьем полку Григорий Потанин, будущий знаменитый путешественник.

В воспоминаниях Потанина есть рассказ о его единственной встрече с Достоевским в Семипалатинске. Дело было так. Потанин входил в дверь, а Достоевский выходил. Потанин остановился, чтобы уступить дорогу. И Достоевский остановился. Произошло смешное препирательство. Оно примечательно тем, что классический, по Гоголю, спор: «Нет уж, сначала вы!»— ведут штрафной солдат и казачий хорунжий. И тем не менее хорунжий не оставляет своего намерения почтительно уступить дорогу писателю Достоевскому.

В отряде Перемышльского Потанин встретил интересное общество. Оказалось, что Перемышльский — однокашник Лермонтова по Московскому университету. В укреплении Верное он выписал «Современник». В отряде выходил литературный журнал, офицеры помещали в нем рассказы, исторические и военные статьи.

Имя Перемышльского не встречается ни в переписке Достоевского, ни в воспоминаниях Врангеля. Зато там упомянут другой верненец — В. В. Обух. Он часто наезжал в Семипалатинск. Врангелю Обух намеревался подарить тигренка, но Александр Егорович от такого подарка благоразумно отказался. В Верном Обух вел метеорологические наблюдения. Посетивший укрепление П. П. Семенов-Тян-Шанский причислял его к верненским интеллигентам.

О третьем из верненских интеллигентов, М. М. Хоментовском, доподлинно известно, что он стал близким другом Достоевского. Хоментовский в 1856 году возил в Петербург письмо Достоевского брату — первое откровенное письмо, все прочие шли через цензуру. Хоментовский одолжил Достоевскому деньги на свадьбу.

По отзыву П. П. Семенова-Тян-Шанского, Хоментовский «...при своих дарованиях был бы выдающимся человеком, если бы не имел того недостатка, который парализовал столь многих из наших лучших в то время окраинных деятелей,— алкоголизма».

Михаил Михайлович Хоментовский кончил Пажеский корпус. В 40-е годы он участвовал в компании против мятежного хана Кенесары, убитого в конце концов киргизами.

Наезжая из Верного в Семипалатинск, он сотрясал город бешеными карамазовскими загулами. Но кто-то все же позаботился о нем — Хоментовского вытащили из Верного и назначили во Владимир. В 1859 году Достоевский, возвращаясь из Сибири, останавливался во Владимире. Хоментовский уже окончательно погибал «сам от себя», как сказано в письме Достоевского семипалатинскому адресату. Однако, судя по этому письму, Хоментовский все же оставался интересным собеседником: «Много я с ним говорил, и много любопытного переговорили».

Не к Хоментовскому ли отправил Достоевский несколько лет спустя тяжелобольную Марию Дмитриевну? Ведь известно, что она какое-то время жила во Владимире.

Укреплению Верному продолжало везти на умных и энергичных людей. Хоментовского здесь сменил Герасим Алексеевич Колпаковский, выслужившийся из солдат. Ему обязана нынешняя Алма-Ата правильной планировкой улиц, сетью арыков, вековыми деревьями вдоль улиц. Про Колпаковского рассказывают, что он платил серебряным рублем за каждое выращенное дерево и сек за каждое засохшее. При Колпаковском завершилось присоединение к России киргизов. Он командовал соединенными силами русских и казахов в битве при Узун-Агаче и разгромил превосходящие силы кокандского хана.

Еще один талантливый самоучка — командир стоящего в Капале 10-го казачьего полка Степан Михайлович Абакумов.

Он окончил в Омске казачье войсковое училище. В Семипалатинске одно время заведовал бригадной школой. Там с ним познакомился замечательный русский естествоиспытатель, путешественник Григорий Силыч Карелин, прадед Александра Блока, и стал брать с собой в долгие странствия по степи. Затем сотник Абакумов по рекомендации Карелина участвовал в экспедициях А. И. Шренка и А. Г. Влангали, набираясь знаний по геологии, зоологии и ботанике.

В чине подполковника Абакумов получил в командование 10-й казачий полк. Его хлопотами крепость Капал превратилась в уютный, правильно распланированный, зеленый город. Здесь мололи зерно 42 мельницы, торговали 20 лавок, работали 5 кузниц. Кирпичный завод работал на превосходной глине, открытой Абакумовым неподалеку от Капала. На теплом источнике Абакумов основал курорт Арасан, который существует и поныне. Школу Абакумов завел не только для русских детей, но и казахскую. В одном из статистических отчетов я обнаружила с немалым изумлением, что в Капале жили три врача.

Не забыт этот город и в статье Чернышевского о подписке на «Современник» — Капал выписывал один экземпляр. Наверное, Чернышевского поразило, что есть и такое место на самом краю России, куда доходят идеи «Современника».

Капал удивлял и ученых членов Московского общества любителей природы. Оттуда регулярно приходили посылки и письма, написанные рукой, которая больше привыкла иметь дело с саблей, чем с пером. Но этот казачий подполковник отправлял в Москву ценнейшие коллекции птиц и насекомых, некоторые из обнаруженных им видов москвичи не могли найти ни в одном справочнике — так что честь открытия принадлежала казаку из Капала. За большие заслуги перед наукой Абакумов был принят в члены Московского общества любителей природы.

Среди людей переднего края, деятельно осваивавших территорию за Семипалатинском, надо назвать и капитана Ковригина, служившего на Локтевском заводе, в ста верстах от города. Имя Ковригина встречается в письмах Достоевского: «...человек, с которым я сошелся по-дружески, богатый и добрый». Ковригин дал Достоевскому на свадьбу заимообразно 600 рублей и просил не спешить с отдачей. У Валиханова есть в «Дневнике поездки на Иссык-Куль» запись о совместном путешествии с Ковригиным. Они побывали на абакумовском курорте Арасан и в Чубарагаче, где поселилось до трехсот крестьянских семейств из Тобольска. Иван Иванович Ковригин в один день с Валихановым — 21 февраля 1857 года — был избран в действительные члены Императорского Русского географического общества — за ценное сообщение о поездке «вдоль рек Катуни и Чуя и во внутренность Алтая». Впоследствии Ковригин сотрудничал в «Горном журнале», пользовавшемся в России большой популярностью.

Наблюдая деятельность людей переднего края, Достоевский, несомненно, видел, что в русской культуре (в отличие, скажем, от английской) отсутствуют развитая идеология колониализма и вообще колониально-расистские традиции.

Семипалатинские впечатления слышатся годы спустя в записной книжке: «...Россия, положим, в Европе, а главное в Азии. В Азию! В Азию!» И в последнем выпуске «Дневника писателя» за январь 1881 года Достоевский обратился к русскому читателю с таким призывом: «Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того,— одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия».

Достоевский наверняка знал, что в ноябре 1880 года было принято окончательное решение о строительстве железной дороги в Ташкент.

Окончание следует.

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Ф. ПАНОВОЙ

Из окна ее дома на углу пушкинской Мойки и Марсова поля, где она прожила многие, быть может, лучшие годы в Ленинграде, открывается старый классический Петербург — силуэты Инженерного замка, каналов, моста через

ЗА ЧАС ДО

ТВ

...В притихшем, почти пустом, погруженном во тьму здании цирка звучит скрипка. Чувствуется, что музыкант не думает о слушателях — да и где их взять в этот час? — и играет просто для себя. Наверное, еще не поздно — около пяти или шести вечера,— но ведь зимой темнеет рано. Через час-другой начнется представление, зажгутся повсюду огни, цирк оживет, станет весело, шумно, но пока что в углах огромного здания таится тишина, и скрипка словно бы пытается рассеять, разогнать ее...

Этот чистый, простой звук скрипки живет в памяти до сих пор, хотя с премьеры телефильма «Рассмешите клоуна» вроде бы уже прошло достаточно времени. Впрочем, иногда, наверное, полезно оценивать картины не по первому впечатлению, а по тому, чем они запомнились. Создатели фильма «Рассмешите клоуна» решили рассказать нам о цирке. Задача столь же интересная, сколь и сложная, ибо цирк всегда манил к себе кинематографистов, и у авторов — писателя Сергея Абрамова и режиссера Николая Рашеева — было очень много знаменитых предшественников, после которых, кажется, трудно уже рассказать о цирке как-то по-новому.

Здесь сразу напрашивается одно из возможных решений — показать на экране не только внешнюю, эффектную сторону циркового зрелища, но и то, что обычно не видит зритель — будни цирка. Однако все это тоже уже в кино было! Видели мы на экране и цирковых артистов, в изнеможении вытирающих пот после того, как под гром аплодисментов они покинули арену, видели усталого

ДЕНЬ В КРАСЕ ЗЕМНОЙ

Мойку и Летнего сада. Вера Федоровна дорожила этим местом и не случайно поместила здесь же, рядом, героев одного из самых поэтичных своих рассказов — «Трое мальчишек у ворот».

Она не вела записных книжек, не готовила подробного плана задуманных произведений, характеристик персонажей. Их образы рождались творческим воображением писательницы во всей полноте художественных взаимосвязей и годами кропотливой, упорной работы над каждой вещью продолжали свободно удерживаться в памяти. И пока Панова слышала голоса героев, те шагали со страницы на страницу рукописи. Но стоило им замолчать, и отделанные уже листы, подчас целых глав, летели в корзину, и все начиналось сызнова. Так было с «Кружилихой», с «Временами года», с «Сентиментальным романом»...

Семнадцати лет Вера Панова начала работать в редакции ростовской газеты «Трудовой Дон». Критические статьи и особенно фельетоны молодой журналистки отозвались впоследствии язвительной антимещанской тональностью зрелых повестей и романов Пановой.

Ей повезло. Первый наставник в газете — Николай Погодин, будущий автор «Кремлевских курантов». И еще одна запомнившаяся на всю жизнь дружба в начале пути: осенью двадцать четвертого в краевую газету «Советский Юг» получил назначение Александр Фадеев.

Как видим, на «провинциальное» окружение жаловаться не приходилось. И хотя прозаиком она стала, закалившись в горниле тридцатых годов, вынеся испытания Великой Отечественной, именно в кипучей, задорной журналистско-литературной среде Юга России копился багаж профессиональных навыков, формировалось писательское мировоззрение В. Пановой.

А какие только имена не сменялись тогда на концертных афишах Ростова! Сюда забредал в своих скитаниях по стране «Колумб поэтических материков» Велимир Хлебников. Здесь выступал Маяковский — читал в рабочих клубах Ростова поэмы «Хорошо!» и «Владимир Ильич Ленин». Здесь выступали Есенин и Светлов, Бабель и Городецкий... В конце 20-х годов в Ростов дважды приезжал Горький, приветствовавший строителей «Ростсельмаша».

Панова многое восприняла и усвоила от того времени, от художественного опыта предшественников. Попытки писать прозу Вера Федоровна относит в своих воспоминаниях к 1927 году, когда она села за повесть для детей. Однако пройдет еще двенадцать лет, прежде чем мечта о литературе приведет ее в Москву и Ленинград. Панова начинала как драматург. Пьеса «В старой Москве» привлекла внимание главного режиссера Театра имени Моссовета Ю. А. Завадского. После успеха на столичной сцене — репетиции в Ленинградском академическом театре драмы имени А. С. Пушкина. Их прервала война.

Панова с дочерью снимала в то время маленькую комнату в Пушкине под Ленинградом, прямо у лицейского сквера. В прощальной повести «О моей жизни, книгах и читателях» она описала страшные дни и недели в захваченном фашистами городе. Потом были запруженная потоком беженцев дорога до Гатчины, кромешный ад бараков гитлеровского эвакопункта, группа военнопленных в Нарве, встреча с которыми легла затем в основу пьесы «Метелица»...

Хождение по мукам оккупации, картины народного горя и безграничного мужества вплотную подвели писательницу к ее главным литературным замыслам. Оказавшись в конце 1943 года на Урале, в Перми, Панова приступает к большому роману из заводской жизни — первым наброскам «Кружилихи».

Неожиданно ей предложили написать брошюру об одном из лучших военно-санитарных поездов — ВСП-312, на двое суток остановившемся в Перми для ремонта котлов. Панова провела в коллективе поезда два месяца — с декабря сорок четвертого по февраль сорок пятого. И здесь, в маленьком купе аптечного вагона, под неумолчный перестук колес и стоны раненых начала писать свою знаменитую повесть «Спутники». «В хаосе рассказов, песен, слез зарождалась книга о подвиге любви и милосердия»,— скажет она спустя много лет.

«Спутники» стали как бы вторым литературным рождением Пановой, началом ее большой писательской судьбы. Отмеченная уверенным мастерством, зрелостью таланта, повесть эта сразу завоевала сердца миллионов читателей и, по словам А. Фадеева, принадлежит к лучшим произведениям той поры.

Переходное время от войны к миру, устройство жизни на новых основах, человеческие перемещения и изменения писательница чутко уловила в романе «Кружилиха», названном по имени выросшего в военные годы на берегах могучей уральской реки заводского гиганта. Роман увидел свет вслед за «Спутниками», в 1947 году, и определил дальнейшие творческие устремления Пановой. Своеобразным продолжением намеченных в нем тем и конфликтов оказался роман «Времена года» (1953). Впервые Панова исследует здесь противоречия эпохи, налагающие свой отпечаток на характеры людей, не уклоняясь от постановки острых, тревожащих душу вопросов.

А кто не помнит ее небольшую лирическую повесть «Сережа», несколько историй из жизни малыша, подлинный шедевр писательской наблюдательности и тонкого понимания психологии ребенка.

Эпиграфом к своей финальной «книге жизни» Панова выбрала строки Б. Пастернака: «Уходим. За спиной стеною лес недвижный, где день в красе земной сгорел скоропостижно...» Творчество писательницы в последние годы вместило документальность автобиографического повествования и условность философско-сатирической сказки, размышления над нашими буднями и сюжеты из русской истории XVII века, которым Панова сумела придать злободневное общественное звучание...

Всему лучшему, что написано Верой Пановой, суждена долгая жизнь в нашей литературе.

Ю. ОСИПОВ

ПРАЗДНИКА...

клоуна, в одиночестве перед зеркалом снимающего с лица смешную клоунскую маску, видели кулисы цирка, где в клетках дремлют звери, пахнет опилками и гримом...

Где, в каком именно фильме были такие кадры — неважно. Во многих...

Н. Рашеев и С. Абрамов начали с того, что постарались про все, виденное ими ранее, забыть. Это им частично удалось.

Затем был придуман нехитрый сюжет — про молодую женщину, метрдотеля Галю, которая случайно купила билет в цирк и случайно по приглашению клоуна выскочила на арену, чтобы попробовать пожонглировать мячиками. Роль «подсадки» (есть у цирковых артистов такой термин) была сыграна Галей настолько удачно, что клоун решил пригласить ее в свой номер. Возможно, сюжет этот в чем-то наивен. Кроме того, Галя и клоун Вовчик (так зовут главного героя фильма, в роли которого снялся цирковой артист Владимир Кремень), слишком уж долго ищут друг друга — Вовчик обходит окрестные рестораны в поисках исчезнувшей незнакомки, Галя в это время задумчиво жонглирует апельсинами и яблоками, не в силах забыть своего неожиданного успеха на арене... Впрочем, некоторая наивность цирковому сюжету нисколько не противопоказана. Введя в свой фильм героиню, с одной стороны, от цирка совершенно далекую, а с другой, в этот цирк сразу влюбившуюся, авторы увидели весь его быт как бы глазами «человека со стороны».

Актриса Г. Польских показывает, как с изумлением, восторгом, а иногда и с явным недоумением погружается ее героиня в особый, кочевой быт своих новых друзей, слушает их рассказы, листает их альбом со старыми фотографиями, пытается навести порядок в гримерных, где, впрочем, не только гримируются, но и спят, едят, растят детей, одним словом, живут... Фильм буквально пронизан любовью к цирку, причем не к абстрактному цирку вообще, а к конкретному цирку, жизнь которого предстает перед нами во всех своих неповторимых подробностях. Здесь, приехав в новый город, где предстоит выступать полгода, труппа на своем первом собрании деловито выясняет, будут ли в здании работать душевые — кажется, какая проза! Здесь смешно пикируется друг с другом пара дрессировщиков: «В следующий раз ляжешь на мое место»,— сердито бросает мужу жена, распластавшаяся под лапами трех или четырех здоровенных хищников. Здесь наездница, готовясь выйти на арену, торопливо сует кому-то в руки своего младенца... Опять-таки, какая, казалось бы, проза! И одновременно — какая поэзия! Потому что именно из этих подробностей складывается тот вечный праздник цирка, который всем нам так дорог. Рождение праздника — вот, пожалуй, главная тема фильма, очень точно понятая и оператором Ф. Гилевичем, и поэтом Ю. Михайловым, и композитором В. Дашкевичем. Иногда, правда, авторы пытаются создать этот праздник искусственно, и тогда в фильме возникают многозначительные красивости, которыми грешит, к примеру, финал. Впрочем, по прошествии времени эти недостатки забываются. А помнится самое главное — прекрасные лица людей, занятых своим любимым делом (в фильме цирковые артисты играют в основном самих себя)... Дух циркового братства, который особенно чувствуется в той сцене, где вся труппа, незаметно для зрителей, кивком головы, улыбкой, ободряющим жестом приветствует новенькую, вступившую в их дружную семью... Деловитая суета репетиций... Звук скрипки в пустом, еще погруженном во тьму здании цирка — звук скрипки, за которой коротает свое время старый артист в ожидании того праздника, что через час начнет рождаться на наших глазах...

Т. ХЛОПЛЯНКИНА

Кадр из фильма.

...ОТСТОЯВШИЕ МИР И ВЕСНУ

Маргарита
ПЧЕЛИНЦЕВА.

Немного о себе. В июне 1941 года в Ленинграде окончила 10-й класс. На фронт ушла добровольцем. Была сандружинницей взвода разведки в стрелковом батальоне. Ленинградский фронт, Невская Дубровка, кольцо блокады... Трижды ранена. Затем военно-политическое училище. Окончила войну офицером-политработником.

ВЕТЕРАНЫ

Ходят твердой, упругой
походкой —
В них все та же военная стать.
Ветераны, друзья-одногодки,
Вас нельзя стариками назвать!

Что ж, на людях умеют держаться,
Но когда остаются одни,—
Стиснув зубы, приказ
«Не сдаваться!»
Повторяют и в мирные дни.

Трудно! Мучают старые раны...
Но всегда — для людей
и с людьми.
Как никто, сознают ветераны
Цену жизни, добра и любви.

Потому ль, что в обнимку
со смертью,
Шли к Победе, теряли друзей?..
И теперь, вы уж в это поверьте,
Им сердечные раны страшней.

Вам они не покажут и вида,
Но как больно их ранят порой
Равнодушие, грубость, обида —
Тяжелей, чем рубец фронтовой!

И поэтому чтут их и знают,
Как героев родимой земли,
И почетом и славой венчают,
Что всё сделали,— все, что могли...

И все той же походкой упрямой,
Не сдаваясь годам, как врагу,
В ногу с жизнью идут ветераны,
Отстоявшие мир и весну.

КОСЫ

Захлопнув гордо дверь
военкомата,
Я словно в детство затворила
дверь.
Счастливая бегу к своим девчатам:
— Зачислили! Я в армии теперь!—

О, как спешили с детством
распрощаться!..
Чтоб вид иметь солдатский,
фронтовой,
Мы первым делом с ходу
подстригаться
Бежали к парикмахеру толпой.
Смеялись девочки и звонко
и беспечно
С короткой стрижкой у больших
зеркал.
— Возьми на память. Долгую,
конечно...—
И парикмахер косы мне отдал.

Зажав в руке две золотистых
плети,
В раздумье я застыла у ворот.
И сердце сжалось: как-то мама
встретит?
Как ей скажу, что завтра мне —
на фронт?..

Любимая!.. Ни слова не сказала
(Откуда силы у нее брались?),
Лишь косы девичьи к лицу она
прижала,
И худенькие плечи затряслись...

Потом (уже потом!) мне
рассказала,
Что их, как хлеб, как счастье,
берегла:
В блокадной тьме те косы
доставала,
И плакала над ними, и ждала...

Теперь, издалека, все очевидней,
Что мамина любовь меня спасла:
Израненная, с книжкой
инвалидной,
Я все-таки с войны тогда пришла.

А жизнь диктует новые вопросы,
Все тяжелей от горестных потерь.
Возьму шкатулку, посмотрю
на косы —
И словно в детство отворяю
дверь...

ОБЩИЙ ДЯДЯ ВАСЯ

Загадаю вам загадку. Что общего между клепкой коньков, ключом от почтового ящика и чемоданным замком? Логику начинаете искать? Скажу сразу — напрасно. Здесь выручит лишь опыт, и то не всякий. У меня он есть, хочу поделиться.

Все началось с потери ключа от почтового ящика. Ключик маленький, огорчение заметное. Почтальон начал складывать газеты прямо на полу. Беру «Вечерку». И надо же, будто специально для меня объявление: «Дом быта «Асем»: делаем ключи на любой вкус». Повезло! Взял у соседа ключ для образца, поехал в «Асем». Ну, скажу вам, не дом, а домище — на целый квартал растянулся. И чего там только не делают! На одном конце прически какие захочешь (из материала заказчика); на другом каблуки прибивают; тут индивидуальные заказы на пальто принимают, там зонтики починяют. Красота. Ключных дел мастер оказался на втором этаже. Подхожу к симпатичной приемщице, ключик свой показываю.

— Вот,— говорю,— хотя и не золотой, но крайне необходим.

— Извините,— отвечает вежливо и даже с улыбкой,— таких не делаем.

— А какие делаете?

— Любые, кроме таких. Впрочем, поговорите с мастерами, может быть, возьмутся...— выразительно добавила она.

Зажав в ладони рубль, пошел к мастерам. Те поразились.

— Что вы, такой примитив нам квалификация не позволяет делать. У нас фирма! Вот если бы ключ от сейфа или от замка с секретом — тогда пожалуйста, тогда с удовольствием. А с таким — в мелкую мастерскую...

Но небольшие мастерские тоже не справились; удивительно, как стремительно летит прогресс от центра к периферии...

Потом у меня сломался замок на чемодане. Где можно отремонтировать? Вот она, реклама: «Фабрика имени Шаумяна: БЕРЕМСЯ ЗА САМЫЙ СЛОЖНЫЙ РЕМОНТ сумок, портфелей, чемоданов... Приемные пункты: Дом быта «Асем»...» И еще шесть адресов. Для убедительности реклама подкреплена фотографией: ослепительный красавец с поднятым вверх большим пальцем правой руки — международный жест восторга,— окруженный этими самыми портфелями и т. д. Подхватил я

свой чемодан, поехал. Очереди почти не было, и дело до меня дошло быстро. Впрочем, и кончилось так же быстро. Два мастера, поочередно взглянув на чемодан, хором сказали:

— Невозможно ничего сделать.

— Что, квалификация не позволяет? — спросил я.

— Почему же?— обиделись они.— Квалификации у нас сколько угодно, запчастей нет.

— Но реклама...— начал было я.

— То реклама, а то жизнь,— снисходительно ответили мастера.

Общение с «Асемом» сделало меня нервным. Надвигался стресс, и надо было срочно его снять положительными эмоциями. В Алма-Ате с этим никаких проблем: манят горные ущелья с прозрачными ручьями, целебным воздухом и первозданной тишиной. Чимбулак — горнолыжный рай, турбаза «Алматау», «Медео»...

«Вот на «Медео» и отправлюсь в воскресенье,— решил я,— куплю коньки и буду кататься».

Коньки в спортивном магазине продавались. Продавец убедил меня, что приклепать их к ботинкам «нет ничего проще».

— Пока вы платите, я напишу вам адрес, где это сделают.

Придя домой, я заглянул в записку и вздрогнул. В ней значилось: «Дом быта «Асем». Третий визит в «Асем» оказался самым коротким. Оказывается, в крупнейшем Доме быта столицы республики специалиста по клепке коньков нет.

— Был когда-то, но уволился...

Объезд мастерских металлобытремонта ничего не дал. В одном месте, правда, и мастер отыскался, но у него не было клепок, они в дефиците.

Вот и вся история. Теперь попробуйте дать ответ на загадку. Напомню ее условие: что общего между клепкой коньков, ключом от почтового ящика и чемоданным замком? Скажете —«Асем». Нет, три раза нет. Общее тут — дядя Вася из соседнего дома, с которым меня познакомил сосед. Все три операции дядя Вася сделал быстро и с отменным качеством. Он знает: если плохо сделает, к нему никто больше не придет. Но ведают ли об этом правиле в солидном Доме быта? Впрочем, это уже другая загадка...

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»

Алма-Ата.

ОРУЖИЕМ ИСКУССТВА

«50 лет в боевом строю» — называется выставка, открытая в Государственной картинной галерее и посвященная полувековому юбилею Студии военных художников имени М. Б. Грекова. Более тысячи лучших своих работ показывают здесь мастера советского батального искусства. В экспозиции знаменитые полотна М. Грекова «Трубачи Первой Конной» и «Тачанка»; «Победа» и «Защитники Брестской крепости» П. Кривоногова; графика жуковской «Ленинианы»; рисунки из полевых альбомов художников, прошедших дорогами войны; скульптурные портреты Е. Вучетича и И. Першудчева; картины Б. Неменского, М. Самсонова, многих наших замечательных баталистов. Их произведения создают обобщенный образ советского солдата — защитника Родины, освободителя.

В залах выставки. Фото Д. Дебабова

продолжение разговора

ГОСТИНЫЙ, ЧТО В СТОЛЕШНИКАХ

Напомним строки из репортажа «Только в «Столешниках»?», он был опубликован в «Огоньке» (№ 19, 1981): «Вошли в старинной планировки московский двор... По левую сторону, в давней постройке разместился пункт по приему макулатуры, напротив него — снабженческие конторы, тресты... Место ли им в центре города? Сюда же просятся кафе и рестораны...» Тогда же журнал писал, что в центре столицы пора найти место большому и хлебосольному Гостиному двору: с блинными и с оригинальными ресторанами, с истинно московской чайной, с другими торговыми службами. И вот в редакцию позвонили из Главного управления общественного питания Мосгорисполкома: «Хотите взглянуть на макет такого Гостиного двора?»

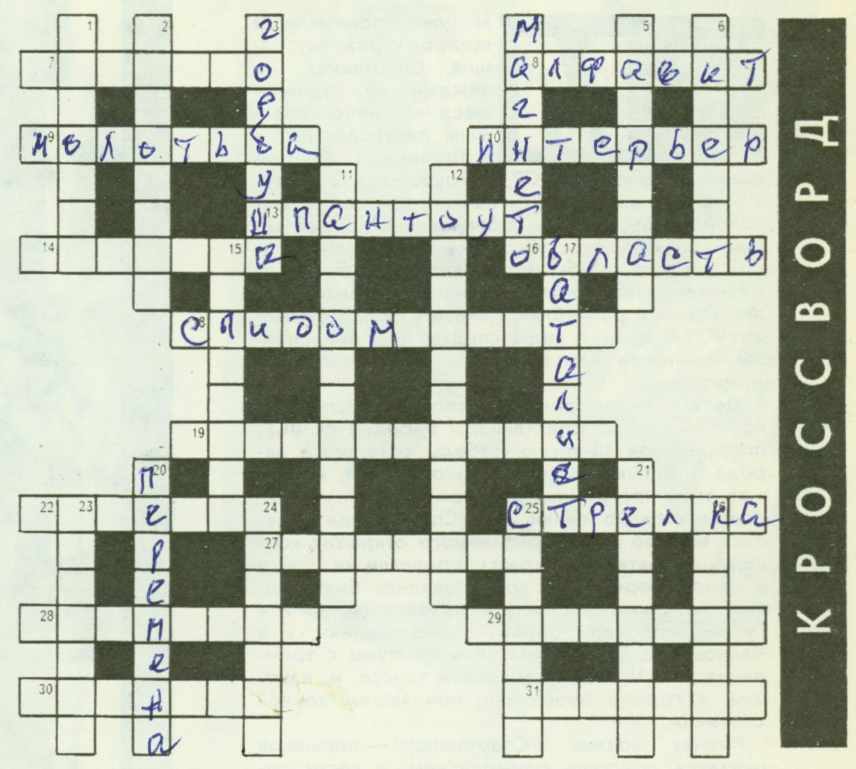
И на следующий день начальник Главобщепита столицы В. И. Родичев показывал нам макет, авторы которого заботливо и оригинально, с размахом, но и с точным расчетом подготовили предложения по строительству Гостиного двора в Столешниковом переулке, рядом с кафе «Столешники». Тут будет все, что может потребоваться человеку, решившему перекусить наскоро или основательно отобедать. О многом позаботились проектанты, многое сделали. Они предусмотрели и создание оригинального магазина сувениров. Но на один вопрос не смогли дать мне ответ: когда начнется превращение давних построек Столешникова переулка в современный, но настоянный на московской истории Гостиный двор?

К. КОСТИН

Фото Д. Дебабова

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Ожерелье. 8. Азбука. 9. Сельскохозяйственные работы по уборке урожая. 10. Внутреннее пространство здания. 13. Поперечное ребро бортовой обшивки судна. 14. Единство закономерно связанных друг с другом элементов, понятий, норм. 16. Административно-территориальная единица в СССР. 18. Прибор для измерения ускорений в транспортных машинах. 19. Раздел языкознания. 22. Русский живописец, передвижник. 25. Деталь измерительных приборов, часов. 27. Внешняя часть гавани для стоянки судов. 28. Украинский певец, народный артист СССР. 29. Тренировочный бой в боксе. 30. Наука, решающая инженерные задачи на основе анализа структуры и жизнедеятельности организмов. 31. Цветок.

По вертикали: 1. Русская спортивная игра. 2. Единица мощности электрического тока. 3. Лососевая рыба. 4. Генератор переменного тока. 5. Небольшое стихотворение-комплимент. 6. Железная руда. 11. Город в Литовской ССР. 12. Действующее лицо поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». 15. Город в Закарпатской области. 17. Художник, рисующий картины на военные темы. 20. Перерыв между уроками. 21. Лечебное травянистое растение. 23. Литовский духовой музыкальный инструмент, рог. 24. Приток Оби. 25. Произведение нескольких равных сомножителей. 26. Русский драматург и поэт XVIII—XIX веков.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали: 5. Саксе. 9. Обруч. 10. Экономика. 11. Пафос. 13. Румба. 14. «Комсомольская». 15. Скамья. 17. Тимпан. 19. Волхова. 21. Почесть. 22. Летчица. 24. Амнерис. 27. Житков. 29. Лошадь. 31. Осуществление. 33. Киоск. 34. Ярлык. 35. Викторина. 36. Анонс. 37. Фасон.

По вертикали: 1. Касатик. 2. Исток. 3. Сбруя. 4. Сумбава. 6. Волокно. 7. Росомаха. 8. Жильцов. 12. Сольвычегодск. 13. Радиобиология. 16. Анапест. 18. Пинаева. 19. «Весна». 20. Айтыс. 23. Кенотрон. 25. Мережка. 26. Идиллия. 28. «Индиана». 30. Давыдов. 31. Осина. 32. Еркат.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Работы с всесоюзной фотовыставки «Фотообъектив и жизнь».

Зимние сумерки.

Фото И. СТИНА и А. ФИРСОВА

Конькобежцы.

Фото Ю. ШПАГИНА.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: К пику Победы, самому северному семитысячнику планеты, ведет грандиозный ледник Иныльчек.
(См. в номере материал «Беззащитные великаны».)

Фото Ю. МАКУНИНА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 15.02.85. Подписано к печати 04.03.85. А 00333. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 597. Заказ № 183.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Мы уже привыкли к щедрому размаху наших Спартакиад, но каждый раз удивляемся их неисчерпаемым ресурсам. Вот и VIII зимняя Спартакиада народов РСФСР, открывшаяся 2 марта в Перми, показала, что ее награды самой высокой пробы, что эти соревнования предоставляют ее молодым участникам все возможности для того, чтобы опробовать свои силы, зарекомендовать себя, а командам областей и автономных республик показать, как развиваются там зимние виды спорта, чем они сильны — лыжами или коньками, хоккеем или санями.

Десять видов зимнего спорта составляют программу VIII Спартакиады народов РСФСР, посвященной 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, и размах всей программы во времени и пространстве настолько велик, что Спартакиада началась еще до ее торжественного открытия хоккейными матчами, а трассы пролегли не только в самой Перми, где соревновались биатлонисты, лыжные гонщики и конькобежцы, но и в Губахе, где вели борьбу горнолыжники, и в Чайковском, где состязались прыгуны с трамплина, и в Чусовой на санной трассе, и, наконец, в городе Березники, принявшем хоккей с мячом.

Размах хозяев Спартакиады — пермяков оказался поистине олимпийским, а гости постарались в полной мере зарекомендовать себя. И вот что характерно: первые же обладатели призов оказались до этого счастливого для них дня мало кому знакомыми: победу в гонке на 30 километров одержал москвич Александр Каширский, серебро получил магаданец Андрей Павлюк, а бронзовая медаль досталась пермяку Анатолию Мижейкину. А парад молодых призеров продолжался. Из Губахи сообщили, что на трассе горы Крестовой золотую медаль в скоростном спуске получила студентка Камчатского пединститута Е. Ковалева, а пятнадцатилетняя школьница из города Чусового О. Курадченко завоевала серебряную медаль.

Большое число участников собрал биатлон — команды 35 областей, краев и автономных республик. И первые же гонки на 20 километров прошли очень интересно: победу одержал новосибирский мастер А. Жданович, наследник нашего прославленного биатлониста, почетного гостя Спартакиады А. Тихонова.

И вот еще одна прекрасная победа. Скороход Сергей Фокичев из Москвы четыре года назад на зимней Спартакиаде РСФСР в Кемерове занял на дистанции 500 метров лишь шестнадцатое место, затем он стал олимпийским чемпионом, а теперь в Перми был первым с новым рекордом Спартакиады. Ему доверили на торжественном открытии VIII зимней Спартакиады народов РСФСР поднять флаг Российской Федерации.

В те дни, когда пишутся эти строки, 1600 лучших спортсменов, победителей зональных турниров, ведут борьбу за награды высокой пермской пробы.

В. ВИКТОРОВ

1. Открытие зимней Спартакиады народов РСФСР.

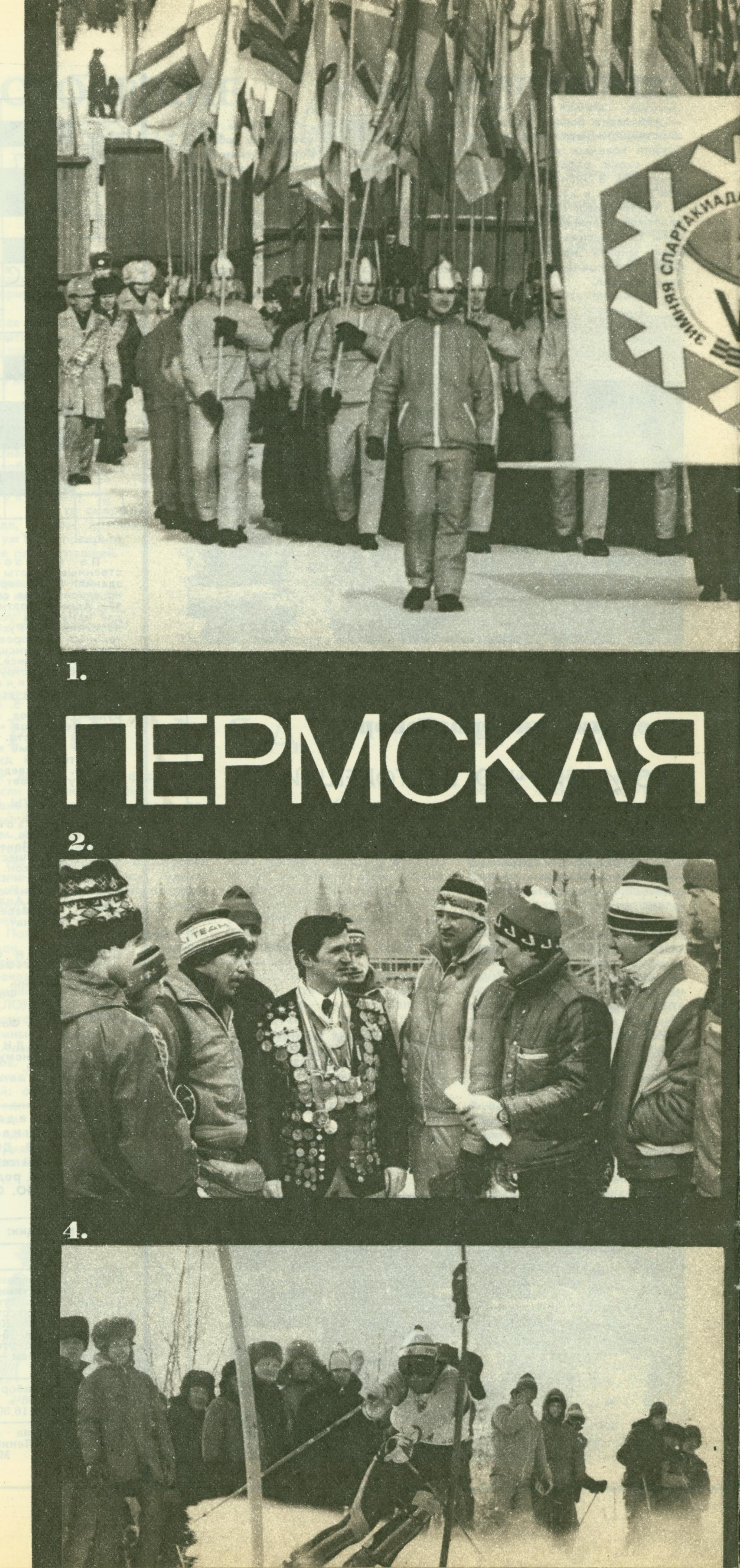
2. Прославленный биатлонист А. Тихонов среди участников Спартакиады.

3. Ведут борьбу биатлонисты. Под № 38 — Сергей Гладких из Амурской области.

4. Лучший слаломист страны В. Цыганов на пермской трассе.

5. На поле команды Перми и Горького.

6. Хлеб-соль Перми.

1.

ПЕРМСКАЯ

2.

4.

ПРОБА

Фото А. БОЧИНИНА

3.

5.

6.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663